

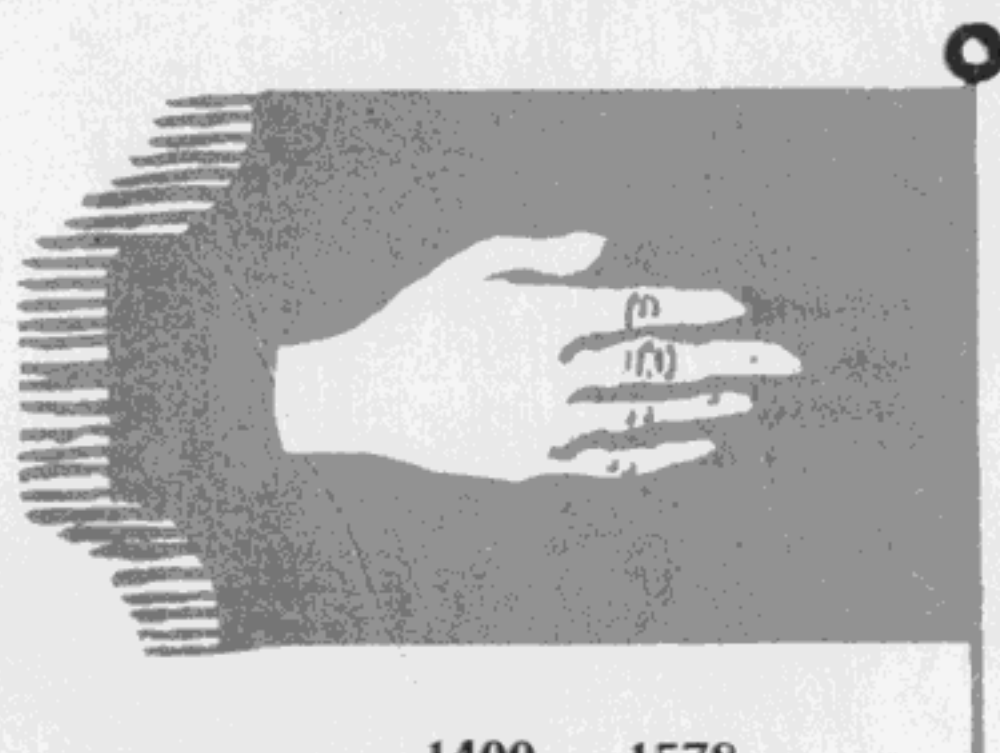
Ш.Д. ИНАЛ-ИПА

Зарубежные абхазы

Л

1113 — 1400

1400 — 1578

1578 — 1864

Ш.Д. ИНАЛ-ИПА

Зарубежные абхазы

(ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ)

«АЛАШАРА»
СУХУМИ — 1990

В работе рассматриваются вопросы абхазской диаспоры со времени начальных этапов ее образования в первой половине XIX в. и до наших дней. В ней показаны основные эпизоды насильственного выселения абхазов, как и других кавказских горцев (махаджирство), в султанскую Турцию, приводятся данные о количестве эмигрантов, их расселении в пределах османской империи, странах арабского Востока, некоторых европейских государств и других регионах мира, вплоть до США. Значительное место занимают вопросы этнографического быта заморских соотечественников, сбережения этнического самосознания, состояния и перспектив развития родного языка, национальной материальной и духовной культуры, укрепления и расширения связей с их исторической родиной — Абхазской АССР.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Со времен глубокой древности и вплоть до второй половины XIX в. абхазы — аборигены северо-восточного побережья Черного моря — жили компактно на своей исконной территории. В середине (прошлого) столетия их этническая граница проходила, начиная с юго-восточной стороны, в непосредственной близости от правобережья нижнего течения Ингури (хотя население здесь уже было частично смешанным и шла ассимиляция абхазов мегрелами) и, продолжаясь по предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну реки Сочинста, вблизи левого приустья которой население было также этнически смешанным — абхазо-(садзо)-убыхским. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников — северокавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф. Торнау, произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха...»¹.

Иначе говоря, к середине XIX в., точнее до середины 60-х годов, вся территория Абхазии — от Хосты до Ингури — была сплошь еще населена собственно абхазскими этническими и родоплеменными группами — садзами, бзыбцами, центрально-абхазскими группами, абжуйцами, самурзаканцами и др., включая сюда горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цебельда и др., количество жителей которых не поддается точному определению². Кроме того, абхазский этниче-

¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864, с. 113.

² Действительно, очень запутаны и противоречивы имеющиеся сведения о количестве населения Абхазии к середине XIX в. — от 30—35 и до 150 тыс. человек и даже больше. По-видимому, ближе всего к истине Ф. Торнау — около 130 тыс. и А. Берже — около 145 тыс. как минимум (вместе с садзами и абазинами), хотя Г. А. Дзидзария склонен был придерживаться цифры около 100 тыс. чел. (Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958, с. 24—25).

ский элемент был представлен и на Сев. Кавказе в лице прикубанских абазин, а также и в Аджарии, о чем будет сказано ниже.

Как известно, не бывает абсолютной неподвижности населения, как и неограниченной его изоляции. Испокон веков люди в одиночку и группами переходили с места на место, а иногда переселялись и в дальние края. Но абхазы, как впрочем и адыгские народы, в целом не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай вынужденного махаджирства в XIX веке и более раннее переселение абазин на Северный Кавказ. Напротив, их историческая жизнь характеризуется значительной территориальной устойчивостью. Это не значит, конечно, что вообще не было никаких передвижений. «Без создания подвижности населения не может быть и его развития»³. Но передвижения происходили в основном в пределах своей этнической территории, а миграции за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными⁴. Большую роль в сдерживании переселения играли традиционные общественные формы и связи, религиозные представления и родовые отношения (хотя, с другой стороны, тот же традиционализм, в особенности обычай кровной мести, выступал иногда причиной одиночных и даже групповых переселений). Этнические факторы миграций — язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, привычки, навыки, одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, обнимаемых термином «абхазство» (аҭсуара), были основными факторами традиционно малой миграционной активности абхазов.

Но всего этого оказалось совершенно недостаточно для сохранения их этнической монолитности в собственной стране. И волею немолимых исторических судеб в течение очень короткого промежутка времени карта национального состава населения Абхазии ока-

³ Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 246.

⁴ По преданию, где-то примерно в XVIII в. значительная группа абхазов, оказавшись в условиях продолжительной лютой засухи, вынуждена была переселиться на Северный Кавказ («Алашара», 11, 1987, с. 134).

залась в корне перекроенной, причем прогрессирующие с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов своей жизни.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, состав населения перемещивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложнились насильственным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Это — махаджирство. Связанное со столкновением интересов крупных держав — России, Турции, Англии и др., оно происходило несколькими этапами. Первая волна переселения имела место частично еще в 20—40-х годах (в этот период эмигрировали некоторые феодалы, недовольные присоединением к России, часть участников вооруженных выступлений 1821 и 1824 годов, а также пострадавшие в результате жестоких карательных экспедиций царских войск в район Цебельды и Дала и др.), вторая — в период Крымской войны (1853—1855 гг.), третья — в связи с упразднением ставшего уже ненужным царизму Абхазского владетельного княжества (1864 г.), четвертая — во время Лыхненского антиколониального и антифеодального восстания 1866 года и пятая, самая крупная — в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов⁵.

Так, поголовно были выселены садзы — особый субэтнос в составе абхазского народа, связующее этническое звено между абхазами, абазинами и убыхами, многочисленные абхазские горные общества Аибга, Ах-чипсы, Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цебельда. Вообще

⁵ Вопросы махаджирства подробнее исследованы в фундаментальном труде Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века» (Сухуми, 1975). Книга основана на богатейшем фактическом материале, а сложный процесс миграции абхазов показан на фоне общекавказского переселенческого движения в Турцию, махаджирская проблема рассматривается в тесной связи с историческим развитием взаимоотношений России с народами Кавказа вообще, Западного Кавказа в особенности, а также, разумеется, с международным положением и международной политикой европейских держав того времени — России, Турции, Англии, Франции и др., каждая из которых преследовала свои завоевательские цели на Кавказе.

опустели вся Северо-Западная (от Бзыби до Хасты) и вся Средняя Абхазия (совр. Сухумский и Гульрипшский районы), были выселены большинство бзыбских, а также абжуйских сел и др. Картина была удручающая. «Куда же делись коренные жители этой страны?» — с возмущением восклицал грузинский литератор и общественный деятель Тедо Сахокия в 1903 году⁶. Говоря словами акад. Н. Я. Марра, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни юдичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»⁷. Эмигрировало и много абазин, причем ушли большей частью из племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, баговцы, большинство чегреев и мысылбаев). Тапантовцы сравнительно менее поддались переселению⁸. Всего же переселилось в Турцию, вероятно, около 100 тысяч человек абхазского⁹ этнического корня, включая абазин.

Часть махаджиров поселилась в Батумском районе, который тогда находился еще в руках турок. В целях колонизации турецкое правительство, начиная с 1862 г., уступило земли в районе Батуми абхазским эмигрантам, которые обязаны были платить аренду мечети. Абхазские выселенцы вначале работали поденно на береговых работах, а затем постепенно оседали среди аджарцев в окрестностях Батуми, где поселились в селениях Махмудия, Ферия, Салибаури, Ангиса и Каха-

⁶ Сахокия Т. Путешествия... Тбилиси, 1950, с. 296 (на груз. яз.).

⁷ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938, с. 177.

⁸ Лавров Л. И. Абазины. «Кавказский этнографический сборник». М., 1953, с. 16.

⁹ Современный американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения английских консулов в Сухум-Кале и Керчи в шестидесятых годах XIX века, пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150 000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне. (Выделено мной. — Ш. И.). Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее черкесское племя — убыхи». Автор далее указывает, что абхазские и убыхские земли, с которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселяться азовскими казаками и всякого рода «заслуженными» царскими чиновниками. (Эхуд Р. Толедано. Османская работорговля и ее упадок. 1840—1890, Принстонский университет, Нью-Джерси, с. 149). Поскольку в приведенной здесь цитате убыхи упоминаются отдельно, то, само собою понятно, что под абазами можно подразумевать только собственно абхазов, т. к. собственно абазин в то время на побережье уже давно не было.

бери. Абхазская деревня Нурие стояла на месте бывших торговых рядов на Нурийской площади, которая занимала центральную часть современного г. Батуми, а тогда лежала за его чертою (впоследствии многие из этих абхазов были угнаны в Турцию)¹⁰. Оседали там они как при выезде из Абхазии, так и во время частичного возвращения из Турции, причем сперва турецкие, а потом (после присоединения Аджарии к России) царские власти препятствовали их возвращению на Родину. Процесс массового оседания абхазов в Аджарии происходил в период упразднения Абхазского княжества (1864 г.) и абхазского восстания 1866 года, а в основном во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В Аджарии нашли свою вторую родину абхазы из разных этнографических групп и регионов Абхазии — садзы, бзыбцы, гумцы, цебельдинцы, абжуйцы, самурзаканцы и др. Количество абхазов, поселившихся к концу XIX в. в Батуми и его окрестностях (сс. Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудие, или Мнатоби, Ферия, Кведа Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в Кобулети, Пичвнари, Цихисдзири, Чаква и др.), составляло не менее 10 тысяч человек¹¹.

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого дают о себе знать и по сей день. «... Мы убили чудную страну», — сказал один из русских ученых и писателей XIX в. Евгений Марков — современник махаджирских событий в Абхазии. Н. Я. Марр указывал в качестве одной из причин выселения абхазов их стремление «спасти свою крепко сложенную древнекультурную общность, свое человеческое достоинство». Царское правительство, принуждая население к махаджирству, добивалось избавления от беспокойного, непокорного элемента и высвобождения обширной, к тому же стратегически важной территории для осуществления своей широкомасштабной колонизационной политики и дальнейшего рас-

¹⁰ Вольненский Л. В. История Батумского края. «Батумское побережье». Батум, 1911, с. 37; Кольфоглу И. И. Древние известия о Батуме. ИКОИРГО, т. XXVIII, № 1, 1905, с. 46.

¹¹ Ачугба Т. А. Из этноязыкового развития абхазов Аджарии, т. 2—3 (рукопись).

ширения русского влияния на юго-восток, а «кровавый султан» Абдул-Хамид, названный В. И. Лениным «турецким Николаем II»¹², сделавший орудием своей агрессивной политики религиозно-политическую идеологию панисламизма, надеялся не без основания получить в свое полное распоряжение даровые рабочие руки и воинственных солдат для защиты в огне сражений своей разваливающейся по частям империи. С тех пор абхазская диаспора — пребывание большинства нашего народа вне их родины — стала фактом.

Так разновременно оказались рассеянными по всей Турции и ее бывшим владениям абхазские и другие кавказские переселенцы, которые, подвергаясь более чем столетней ассимиляции, сохраняют еще в той или иной степени многие свои этнические особенности.

За последнее время советскими учеными сделано немало по истории и этнографии зарубежных стран, о чем свидетельствуют академическое издание многотомной серии «Народы мира» и многие другие публикации. Частью этого важного научного мероприятия является также активное изучение зарубежных соотечественников.

Абхазский народ никогда не переставал интересоваться жизнью своих братьев, оказавшихся волею исторических судеб оторванными от родины.

После свержения царского самодержавия среди всех слоев абхазского населения, в том числе и зарубежного, оживленно начинают обсуждать проблему махаджирства, о путях и средствах возвращения абхазских переселенцев на родину. Эти вопросы широко освещались, в частности, в первой абхазской газете «Апсны», выходявшей в Сухуми в 1919—1920 годах. Обращают внимание, например, статьи Д. И. Гулиа¹³, Д. Алания¹⁴ и др.

В 1920 году в Сухуми состоялся съезд абхазской интеллигенции, принявшей специальную резолюцию по вопросу об абхазских махаджирах, в которой было выражено заветное желание абхазского народа перенести, наконец, этот вопрос «в плоскость практического разрешения». 12 июня был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджиров». Послед-

¹² Ленин В. И. ПСС, 4-е изд., т. 15, с. 160.

¹³ См. «Апсны», 13 и 30 марта 1920 года и др.

¹⁴ «Апсны», 30 марта 1920, № 10 (18).

ний 20 августа через первого абхазского профессора М. Ш. Бутба — потомка цебельдинских махаджиров — обратился к «Черкесскому комитету» в Стамбуле для совместного разрешения вопроса об абхазских переселенцах, «брошенных судьбой в объятия Турции». «Черкесский комитет», куда входили и абхазы, обратился к грузинскому меньшевистскому правительству с заявлением о содействии турецким абхазам в их стремлении к обратному возвращению на родину. Однако не только дело не было сдвинуто с мертвой точки, но и само «прошение махаджиров исчезло в Тифлисе»¹⁵.

Интерес к махаджирской проблеме не ослабевает и после установления Советской власти в Абхазии, о чем свидетельствуют посвященные ей художественные произведения всех почти жанров, народные предания, песни-плачи, воспоминания, выступления руководителей республики, представителей общественности и т. д.

Так, например, на первом съезде Советов Абхазии, 16 февраля 1922 года, заместитель председателя Ревкома Абхазии Н. А. Лакоба в своем заключительном слове по докладу о федерации Закавказских республик и о включении Абхазии в Грузинскую ССР на договорных началах, коснулся и вопроса о турецких эмигрантах. Он сказал: «Один из возражавших товарищей говорил, что если Абхазия и маленькая, то численность населения можно увеличить, вернув эмигрировавших. Товарищи! Переселить турецких эмигрантов очень и очень трудно. Правда, абхазцам, желающим вернуться, никто дороги не закрывает, а попробуйте их переселить сюда!...»¹⁶.

История эмиграции кавказских горцев, известной в народе под названием махаджирства (от арабо-турецкого *muhasir* — «переселенец»), то есть о причинах, количестве и конкретных обстоятельствах массового насильственного выселения абхазов, убыхов, абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов вообще, осетин, ингушей, чеченцев, дагестанцев и др. в Турцию на различных этапах бурной истории Кавказа XIX в. и о том, как

¹⁵ Г. А. Дзидзария. Очерки истории Абхазии, Тбилиси, 1963, с. 326 (см. также меньшевистскую газету «Слово» от 9 ноября 1920 г.).

¹⁶ «Съезды Советов Абхазии. Сборник документов и материалов (1922—1923)», Сухуми, 1959, с. 99.

сложилась дальнейшая судьба кавказских выходцев на новых местах их вынужденного поселения, — эта сложная история, полная неопишемого драматизма, нашла свое широкое освещение в указанной выше монографии Г. А. Дзидзария и некоторых других советских авторов. Но если вопросы исторических условий и самого процесса эмиграции в той или иной степени отражены в ряде исследований А. В. Фадеева и некоторых других историков¹⁷, то вопросы о том, как сложилась жизнь наших соотечественников за рубежом, что происходит с их языком, материальной и духовной культурой, этническими особенностями вообще, каковы тенденции демографических и других изменений, к сожалению, не заслужили еще у нас, мягко говоря, должного внимания, что, в свою очередь, объясняется главным образом чрезвычайной ограниченностью соответствующих материалов и трудностью, а порой и невозможностью их выявления.

Настоящая работа представляет собой первую попытку определенного обобщения и систематизации имеющихся на сегодняшний день материалов и источников по вопросам истории и этнографии зарубежных абхазов.

Говоря об источниках, которыми мы располагаем по интересующим нас вопросам, следует прежде всего назвать сообщения упомянутого выше М. Ш. Бутба, родившегося и умершего в Турции.

В 1920 году, как об этом сообщает Д. Гулиа в статье «Приезд Мустафы Бутба», опубликованной в газете «Апсны», из Турции приезжал один из абхазских махаджиров, выходцев из Цабала, первый абхазский профессор Мустабей (Мустафа) Шаханович Бутба — автор букваря для турецких абхазов, родители которого живут и теперь в сел. Атара и в гор. Гагра, где, между прочим, и теперь проживает сын его родного брата — Мед-

¹⁷ А. В. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. «Исторический сборник», 4, Л.-д, 1935; его же. «Кавказ в системе международных отношений 20—50-х гг. XIX в.». М., 1956; его же. «Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX в.». «Вопросы истории», 9, 1951; Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958; его же. Очерки истории Абхазии. Тбилиси, 1936; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы, Сухуми, 1965, и др.

жит Шаабанович Бутба с семьей. Он был тогда уже семейным человеком средних лет, отец его Шахан тоже был еще жив.

Целью его поездки было установление связей между переселенцами, проживающими в Турции, и их соплеменниками на их исторической родине. В течение семи месяцев он разъезжал по городам и деревням Северного Кавказа, был также в Тбилиси, а перед возвращением обратно в Турцию, в августе того же года, он посетил родную Абхазию, в частности, гостил у адзюб-жинского дворянина Кичина Маан (деда Хутуши, проживающего там же), а затем свыше десяти дней находился в Сухуми¹⁸. Члены Комитета по делам махаджиров, который тогда существовал в Сухуми, и другие представители абхазского населения устроили ему теплую встречу. Во время этой беседы М. Ш. Бутба подробно познакомил собравшихся с жизнью и бытом турецких абхазов, а хозяева рассказали ему о положении Абхазии. Узнав о рождении абхазской литературы и об издании абхазской газеты, он с радостью сказал: «Слава богу, теперь я убедился, что абхазы в Абхазии уже не пропадут».

27 августа 1920 года общественность гор. Сухуми устроила проф. А. Ш. Бутба трогательные проводы, причем из скудных средств «Сухумского центрального комитета по делам абхазцев-махаджиров» ему было выдано 7 000 рублей на нужды просвещения наших соотечественников, заброшенных на чужбину¹⁹. По некоторым сведениям, частично на эти средства в 1921 году он организовал в Константинополе абхазскую школу, которая, однако, была разгромлена турецкими шовинистами.

Интересные сведения можно почерпнуть также из разных статей и других работ Д. И. Гулиа и С. П. Басария.

С. П. Басария в 1910 году путешествовал по Турции, а в 1918 году снова ездил в Константинополь для участия в несостоявшейся мирной конференции, чтобы «рассказать правду и защитить судьбу Абхазии», беседовал там с абхазскими студентами, которые «с горечью на

¹⁸ «Апсны», 21 августа 1920 года, № 30 (58).

¹⁹ Ш. Д. Инал-ипа. Пути развития абхазской письменности, «Советская Абхазия», 28 ноября 1965 г.

сердце ... вспоминали свою милую «Страну души» — Абхазию»²⁰. О тяжелом положении кавказских выходцев и их глубоком разочаровании С. П. Басария рассказывает в статье «Горцы Кавказа в Турции» и в своей книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях», изданной в Сухуми в 1923 году.

Важным источником является также краткий отчет аспиранта Виктора Кукбы — ученика акад. Н. Я. Марра о его поездке летом 1927 года в Турцию для записи образцов живой абхазской и убыхской речи и ознакомления с положением абхазо-черкесских переселенцев²¹. Знакомству с этой ценной рукописью в шесть машинописных страничек, хранящейся в архиве АН СССР в Ленинграде, я обязан любезности проф. Г. Ф. Турчанинова (материалы и наблюдения В. Кукба широко используются мною ниже).

Следует, конечно, отметить публикации и исследования ныне покойного французского ученого Ж. Дюмезиля, имеющего крупные заслуги в изучении мифологии и языка турецких убыхов, но, к сожалению, сравнительно мало занимавшегося собственно абхазами (он собирался приехать в Абхазию и совершить со мной экспедицию к турецким абхазам, но осуществить это ему не удалось).

²⁰ Г. А. Дзидзария. Видный деятель абхазской культуры. К 80-летию со дня рождения С. П. Басария. «Советская Абхазия», 4 апреля 1965 года.

²¹ Еще раньше — 5 мая 1927 года — абхазским правительством было принято постановление о командировании и другого ученика Н. Я. Марра Арсена Хашба — будущего директора АбНИИ — в Турцию в тех же целях, выдав на поездку 600 рублей из средств Совнаркома Абхазии (ЦГИА Абхазской АССР, ф. VIII, оп. 1, д. 237, л. 121, 18 обр., 122 и др.). С ним должен был ехать и В. Кукба. Однако только последнему удалось осуществить командировку в Стамбул, но и он не получил возможности посетить далеко не все те места, где хотел побывать для своей полевой работы по собиранию материалов по убыхскому и абхазскому языкам. Поездка же А. Хашба почему-то не состоялась. Сохранилась только составленная им и одобренная Н. Я. Марром «Программа работы у убыхов в Турции», в которой предусматривались «изучение и запись убыхского языка, а также сбор материалов по этнографии убыхов», в том числе сведений о пережитках родового строя, родильных, свадебных и похоронных обычаях, одежде, а также данные о турецких абхазах и др. (А. К. Хашба. Избранные работы. Составление, редакция, предисловие Х. С. Бгажба. Сухуми, 1972, с. 126).

Привлекаются, естественно, и мои собственные полевые материалы, собиравшиеся как во время своих научно-туристических поездок в Турцию (1968 г.), Болгарию (1970 г.), Югославию (1979 г.) и др., так и многолетние записи сведений у старожиллов Абхазии, а также сообщения отдельных лиц, живших или бывавших в Турции и встречавшихся с абхазами, в том числе с теми зарубежными соотечественниками, которые приезжали к нам в качестве туристов, и пр.

Из этих последних наиболее интересными, хотя и отражающими дореволюционное положение вещей, являются информации, полученные от 89-летнего кулундхвинского жителя Мамета Жагвовича Авидзба, родившегося в Турции в 1877 году и прожившего там 36 лет (до 1913 года), а также от дуришского колхозника Назифа Джисыповича Агрба, который тоже родился там в 1902 году и 11-летним мальчиком приехал в Абхазию (в 1913 году).

У нас теперь есть вместе с тем и некоторые новейшие материалы. Это прежде всего в известной степени уникальные наблюдения и впечатления, полученные агрономом Игорем Мустафовичем Григолиа, бывшим директором Гантиадского табачного ферментационного завода, от его встреч со многими городскими и сельскими абхазами, живущими в Турции, где он по коммерческим делам побывал трижды по несколько месяцев каждый раз, а в общей сложности около 3-х лет (последний раз в 1965 году, когда он был участником Памирской международной выставки), причем именно он впервые захватил с собой небольшое количество экземпляров «Абхазской азбуки» для турецких абхазов. Я частично пользуюсь его материалами, которые любезно предоставил мне сам ныне покойный И. М. Григолиа.

Как сказано, исключительно большое значение имеют работы проф. Г. А. Дзидзария по проблемам истории Абхазии XIX — нач. XX вв., особенно указанная выше знаменитая монография о махаджирстве, в которой на основе огромного количества разнообразных фактических материалов нашли широкое освещение не только вопросы многосложной истории выселения абхазских и других кавказских горцев в Турцию, но и дальнейшая тяжелая судьба махаджиров и их потомков в продолжение последнего столетия. Мы не раз еще

Будем обращаться к ней в своем последующем изложении.

За последние десятилетия появились сравнительно более благоприятные условия для изучения жизни и быта наших зарубежных соотечественников. Представители абхазской научной и творческой интеллигенции, совершившие научно-туристические поездки в разные страны, собрали значительный ценный материал о турецких, сирийских и других абхазах, который частично уже опубликован.

Проблема духовных взаимосвязей двух половин одного народа, влияния абхазской советской литературы, культуры вообще на духовную жизнь наших современных заморских соотечественников впервые нашла свое отражение в содержательной статье историка и журналиста В. Д. Авидзба, напечатанной в журнале «Алашара». Ее основное содержание выражено в заглавии: «Д. И. Гулиа и заморские абхазы». На основе богатых личных впечатлений, полученных во время нашей с ним совместной поездки в Турцию летом 1968 года, а также других материалов, включая многочисленные встречи и переписку, автор убедительно показывает процесс возникновения и развития литературных связей между советскими и турецкими абхазами, большое влияние в этом процессе многогранной творческой деятельности основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа, следование его традициям начинающих и немногочисленных пока абхазских литераторов, живущих за морем и проявляющих все больший интерес к истории и развитию национальной художественной культуры советского народа. Статья содержит также основные сведения о жизни и незаурядной творческой деятельности первого поэта и ученого среди махаджирских абхазов О. Б. Бегуа, о его высоком уважении и горячей любви к «великому Дмитрию Гулиа»²².

Большое количество фольклорно-этнографического материала по зарубежным абхазам удалось собрать заведующему отделом истории XIX века Абхазского государственного музея Руслану Гожба. Некоторые основные результаты этой многолетней собирательской работы изложены в его ценной статье «Махаджирство:

²² В. Авидзба, Д. И. Гулиа и заморские абхазы, «Алашара», 6, 1974 (на абх. яз.).

трагедия длиною в сто десять лет», напечатанной к 110-летию со времени последней миграции абхазов в двух номерах сухумской студенческой газеты осенью 1988 года²³. В основе статьи лежат абхазоведческая литература и материалы обширной переписки автора и его встреч со многими зарубежными абхазами. Но автор иногда бывает слишком доверчив к получаемой от них информации, которая, естественно, не всегда является достаточно точной и убедительной. Вся вторая часть статьи посвящена историко-этнографической и другой литературе и источникам (в основном на иностранных языках) по зарубежным кавказским горцам, в том числе абхазам, хотя автор и сам не претендует на то, что его обзор, включающий до двух с половиной десятков названий с некоторыми комментариями, является исчерпывающим или всегда достаточно точным.

Как сказано, постепенно расширяются связи с зарубежными соотечественниками, более оживленными становятся не только переписки между людьми, но деловые и прочие поездки в обе стороны, взаимные посещения родственников, друзей и т. д. Например, неоднократно ездили в гости к сородичам в Турцию сухумский адвокат Р. Н. Бигуаа и житель г. Гудаута Ч. М. Авидзба, которые рассказывают немало интересного о своих многодневных пребываниях у своих родственников. Можно привести и другие примеры подобного рода.

В разное время вместе с Абхазским государственным ансамблем народной песни и танца в ряде стран (Сирия, Западный Берлин, ФРГ и др.) побывал бывший министр культуры Абхазской АССР, писатель и ученый, доктор искусствоведения А. Х. Аргун, который имел много интересных встреч с государственными и культурными деятелями тех краев и с живущими там абхазами, черкесами и другими кавказскими выходцами, подолгу беседовал с ними, обменивался мыслями и мнениями. Интересные факты и впечатления, полученные от этих поездок, он изложил в ряде своих выступлений и статей, особенно в книге «Неугасающий огонь», которые в совокупности представляют собой важное подспорье по теме настоящих очерков²⁴.

²³ Р. Гожба. Махаджирство: трагедия длиною в сто десять лет. Страницы истории. Газ. «Абхазский университет» 23 и 30 сентября 1988 года.

²⁴ Алексей Аргун. Неугасающий огонь. Сухуми, 1982.

В 1988 году в Сирийской Арабской Республике побывала делегация советских писателей, в составе которой находилась абхазская поэтесса Нелли Тарба. В результате этой поездки появилась на свет ее книга «Шардаамта» — в стране Шам (Сирийские встречи)». Слово «Шардаамта», что в переводе с абхазского выражает «долгие лета», представляет собой название абхазской народной застольной песни, а «Шам» (Шьам) означает «Сирию». Издавна абхазы представляли ее благоденственной, райской страной, о чем и пословица: «Каждый свою родину видит (воспринимает) как Шам» (Дасу иџсадгьыл Шьам еиџи ибонт).

Перед читателем проходят живо написанные картины о сказочной стране, ее древней и современной культуре, уникальных памятниках, о дружеских творческих вечерах и встречах с сирийскими коллегами. Основное место, однако, занимают думы о жизни потомков абхазских махаджиров, которых занесла туда нелегкая судьба. Наряду с зарисовками, порою полными «сердца горестных замет», мы находим там так много конкретной информации (иногда с уникальными этнографическими деталями), что книгу можно было бы назвать и «Встречами с сирийскими абхазами». Песня, которую поет на свой особый, «ностальгический» лад сирийский абхазский юноша Гани Агрба, как и само название работы, является символическим выражением ее содержания.

В конце 1988 года в течение месяца с лишним, пробыл в разных населенных абхазами городах и селениях Турции писатель Анзор Мукба, сообщения которого, сделанные по возвращении из поездки, вызвали огромный интерес у представителей широкой общественности Абхазии. Его путевые заметки в сочетании с видеофильмом — это большой и исключительно ценный материал для научного изучения современной культуры и быта турецких абхазов²⁵, который я не успел, к сожалению, использовать в достаточной степени. Неиспользованными остались, к моей большой досаде, и богатые материалы поездки экономиста Фени Авидзба (1989 г.), фольклориста и литератора С. Л. Зухба (1990 г.),

²⁵ См. подборку Людмилы Сергегия в гагрской газете «Авангард» от 17 марта 1989 года под названием «Моя родина... Апсны... Мой брат» (на абх. яз.).

материалы и разыскания старого абхазского жителя Стамбула, поэта и ученого О. Б. Бегуа, основные абхазоведческие труды которого, написанные на турецком языке, не вполне, однако, доступны, к сожалению, нам из-за отсутствия абхазского и русского перевода (см. ниже).

Из сделанного здесь краткого и неполного обзора видно, что с литературой о зарубежных абхазах у нас теперь уже не такое плохое положение, как это было, скажем, лет 30 или 40 тому назад. И все же до сих пор, к большому сожалению, нет еще почти ни одной специальной научной статьи или очерка по вопросам истории и этнографии наших заморских соотечественников, не говоря о фундаментальных исследованиях, если не считать одной замечательной филологической монографии на французском языке всемирно известного ученого Жоржа Дюмезиля «Абхазские этюды» (см. ниже). Для преодоления указанного существенного пробела в научном абхазоведении требуется прежде всего безотлагательное интенсивное собирание полевых и других материалов путем проведения соответствующих командировок и экспедиций, попытки чего предпринимались, как мы видели, еще в двадцатых годах.

Цель предлагаемых вниманию читателей этюдов состоит в том, чтобы на основе имеющихся на сегодня литературных и полевых материалов, включая авторские разыскания, путевые записи и наблюдения, свести по возможности воедино накопившиеся основные источники в виде нижеследующих кратких популярных историко-этнографических очерков о жизни и быте зарубежных абхазов. Это один из первых шагов к созданию в будущем фундаментального исследования по интересующей нас теме, весьма актуальной, как известно, в научном и практическом отношении.

1. Из политической и культурной жизни заморских абхазов

Борьба переселенцев за социальную справедливость, за свои национальные интересы, за свое существование, которая продолжается до наших дней, была сравнительно более активной в период революции и прихода новой власти в Турции.

Так, почувствовав сразу же после своего переселения результаты грубой турецкой ассимиляции, абхазы и черкесы созвали свой «парламент» (меджлис). Однако и на него и на его членов не замедлили обрушиться репрессии «кровавого султана» Абдул-Хамида II (1876—1909), которым были перевешены члены этого «парламента» или сосланы на каторгу в Триполитанскую пустынь. Такие суровые репрессивные меры еще больше усугубляли противоречия между кавказскими выходцами и правителями страны. Борьба нередко принимала острые формы, хотя не всегда это было связано с национальным вопросом.

Так, например, мстя за низложенного и умерщвленного султана Абдул-Азиза, черкес Гасанбей в июне 1876 г. убил нескольких министров в доме Мидхада-паши — великого визиря, главы младотурецкой партии¹. Или другой факт. Когда пантюркисты убили деятеля абхазского происхождения Назым-пашу Басарь, командовавшего армией в Балканскую войну, другой абхаз по имени Селим-паша Квацба, мстя за него, застрелил великого визиря Шевкет-пашу.

После кемалистской революции черкесский меджлис вновь был открыт и некоторое время он регулярно собирался, а иногда созывал «Энджумен», то есть «Великое народное собрание абхазов и черкесов». Как пишет С. Басария, меджлис послал в начале первой мировой войны на конгресс всемирной лиги защиты ма-

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXXIV. СПб., 1902, с. 245—246.

ных наций своих делегатов; по окончании же войны он, совместно с дипломатическим представителем горских народов Кавказа, вручил меморандум с изложением чаяний абхазо-черкесского народа в Турции миссиям всех держав, а также послал своих делегатов в Европу на конференцию².

В 1912 году турецкие абхазы и черкесы организовали в Константинополе абхазо-черкесский Комитет. Из абхазов членами Комитета являлись проф. М. Ш. Бутба и офицер (авиатор) Джамал Маршан (между прочим последний был и руководителем махаджирского десанта, высаженного в августе 1918 г. у Сатамашо в Абхазии).

О деятельности этого Комитета В. Кукба в своем отчете о поездке в Турцию в 1927 году пишет так: «Комитет ставил перед собой культурно-просветительные задачи. При нем были две секции: абхазская и черкесская. Задачей каждой было составить алфавит и выпустить учебники на родном языке, а также собрать этнографический материал. Средства Комитет получал из добровольных взносов, вносимых черкесами и абхазцами. Кроме того, устраивали общественные игры национального характера (скачки с призами), которые очень удачно проходили и привлекали большие средства в пользу Комитета. Кроме того, игры способствовали сплочению не только черкесов и абхазцев, но вообще горцев... Комитет сумел открыть в Константинополе школу с пансионом на 60 чел. Был выпущен начальный учебник абхазского языка, также готовилась к печати грамматика. Черкесами был выпущен ряд учебников, вообще ими было сделано больше, чем абхазцами»³.

В 1918 году, когда Константинополь был занят англичанами, Комитет фактически прекратил работу. После прихода к власти кемалистов здание Комитета было разрушено, а имевшиеся издания на черкесском и абхазском языках были конфискованы и сожжены.

Находясь в Константинополе, В. Кукба близко познакомился с проф. М. Бутба и еще с одним черкесом по фамилии Ду, работавшим тогда в торгпредстве

² С. Басария. Указ. соч., с. 106—107.

³ ЛО ААН, ф. 800, ог. 6, № 277, лл. 1—5.

СССР. Оба они, будучи хорошо информированными о жизни кавказских выходцев, рассказали ему немало интересного о прошлом и настоящем положении абхазов и черкесов в Турции.

Согласно их сообщениям, до турецкой революции кавказские горцы, являясь в значительной своей части военной опорой для султана⁴, пользовались определенными привилегиями, порой не уступавшими правам коренных жителей: многие лучшие земли были заняты ими, выдвигались на высокие государственные посты, руководство турецкой армией нередко находилось в руках горцев и т. д. Все это заставляло последних «твердо стоять за султана», который смотрел на верхушку абхазов и черкесов, как на верных проводников его реакционной политики.

Турецкая национальная буржуазная революция, свергнувшая султана, повела решительную борьбу с внешними и внутренними врагами, в том числе и с той частью абхазо-черкеского населения, которое оказывало «активнейшее сопротивление в пользу султана». Поэтому положение абхазов и черкесов резко ухудшилось после ликвидации деспотического султанского режима. В глазах нового руководства Турции они потеряли доверие и, как политически неблагонадежные элементы, стали подвергаться притеснениям, гонениям и преследованиям.

Вот как записал В. Кукба слова вышепоименованных своих информаторов: «Враждебная часть абхазов и черкесов, которые были в состоянии оставить Турцию, убежали в разные страны. Большая часть с греческой армией поехала в Грецию. Из них 200 были абхазцы. Оставшаяся часть подвергалась деспотическим наказаниям со стороны нового турецкого правительства, в виде избиения их группой в мечетях... Когда они в городах говорят на своем родном языке, то с большим недоверием относятся турки, толкуя их разговор как злоумышленное намерение, а потому стараются не говорить на родном языке в городах»⁵.

⁴ В качестве одной из основных военных сил султана кавказские выходцы под названием «черкесов» выступали, например, на Балканском полуострове.

⁵ ЛО ААН, ф. 800, оп. 6, № 277, лл. 1—5.

Своей непримиримостью и активными антиправительственными действиями, подогревавшимися и направлявшимися агентами английского империализма, абхазо-черкесские экстремисты еще больше осложнили и без того незавидное положение своих соплеменников. Противники нового режима, обосновавшиеся в Греции и подстрекаемые англичанами, переправляли оттуда в Турцию террористов, состоявших в основном из абхазов и черкесов, покушавшихся на самого Кемалю. Например, в октябре 1927 года были задержаны в Бурсе 7 человек — черкесы и абхазцы — с бомбами, причем на суде они признались, что перешли границу с целью совершить покушение⁶.

Как бы в довершение всевозможных невзгод и превратностей судьбы, постигшей кавказских переселенцев, в 1919 году вспыхнула греко-турецкая война, спровоцированная державами Антанты, особенно Англией, и длившаяся до 1922 года. Эта война принесла много горя абхазам. Они снова оказались в водовороте сложных политических противоречий между сторонниками старого режима и кемалистами. Кроме того, ожесточенные сражения во время наступления и отступления греческой армии происходили как раз в Западной Анатолии, то есть в районах и вблизи основного сосредоточения абхазских поселений — Измир (Смирна), Маниса, Алашехир, Ушах, Афьон-Карахисар, Эскишехир, Балыкесир, Бурса, Енишехир, Измит и др. В результате этого много абхазов погибло или было выселено в Грецию и другие страны⁷.

Боясь возмездия и политических репрессий со стороны кемалистской революции за свою приверженность к режиму феодально-теократической монархии и личности самого султана, многие абхазы в те годы, как уже отмечалось, вынуждены были эмигрировать из Турции, в частности, значительная их группа бежала в Грецию вместе с отступавшей греческой армией⁸, где условия жизни оказались также неблагоприятными для них. Как в абхазской поговорке: «Упавшего с дерева ужалила змея».

⁶ Там же.

⁷ «Апсны», 24 июля 1920 года, № 26.

⁸ См. роман турецкой писательницы Халидэ-Эдиб-Ханум «Огненная рубашка», переведенный на русский язык и изданный «Закони-«эй» в 1927 году.

Так верхушка абхазской эмиграции, идя, как и во времена махаджирства, против «течения истории», не нашла, к сожалению, своего места в кемалистской революции, представлявшей собой антиимпериалистическое, национально-освободительное движение, возникшее в основном в результате военного поражения Турции в первой мировой войне и последовавшей за этим борьбы за территориальную целостность и государственную независимость страны. В ходе этой революции, лидером которой являлся М. Кемаль, прозванный «отцом турок» (Ататюрк), были ликвидированы султанат (1922), халифат (1924), провозглашена республика (1923), проведены и другие прогрессивные буржуазно-демократические преобразования.

Но и среди сторонников этого движения имелось немало реакционных элементов, которые стремились свернуть национально-освободительную борьбу и добиться сближения с империалистами. Они группировались вокруг таких крупных военных и государственных деятелей Турции, как Рауфбей, Киазым Карабекир, Рефетбей и др.⁹

Виднейшим из этих деятелей являлся Рауфбей. Как пишет З. Авалишвили в своей книге «Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 годов», изданной на французском языке в Париже в 1924 году, Рауфбей был родом абхазец из Сухумской области, а С. П. Басария, уточняя эти сведения, указывает, что он происходил из Гагры, а фамилия его была Ашхаруа¹⁰. Рауфбей принимал самое активное участие в политической жизни и войнах Турции первых двух-трех десятилетий XX в. Он представлял страну на важнейших международных совещаниях, в частности, был руководителем турецкой делегации на Трапезундской конференции 1918 года, а 30 октября того же года вместе с Решад-Хикметом подписал на борту английского крейсера «Агамемнон» на острове Лемнос Мудросское перемирие, по которому султанская Турция признавала себя побежденной, согласилась на предъявленные Англией условия и выходила из первой мировой войны (тяжелые условия этой капитуляции действовали до полного изгнания англо-греков в 1922 году). Потом Ра-

⁹ «Сов. историческая энциклопедия», 7. М., 1965, с. 168.

¹⁰ С. Басария. Указ. соч., с. 106.

уфбей на некоторое время выступал в качестве одного из руководителей Анатолийского (кемалистского) движения, а в 1923 году был даже главой Ангорского (Анкарского) правительства Турции и совместно с измирским (смирнинским) губернатором Рахимбеем вел снова дипломатические переговоры с Англией и т. д.¹¹ Не менее значительной была его военная деятельность. Это был «ученый моряк с английским морским образованием, командовал знаменитым крейсером «Гамидие», на шумевшим своей неуловимостью и дерзостью по Средиземному морю в Балканскую войну, был морским министром по окончании Европейской войны в кабинете англомана Тефика-паши» и т. д.¹²

Значительное место занимает Рауфбей или, как его еще называют, Хусейн Рауф, в книге воспоминаний известного советского дипломата С. И. Аралова. Работая советским полпредом в Турции в 1922—1923 годах, он неоднократно встречался и подолгу беседовал с Рауфбеем. Создавая политический портрет этого незаурядного, хотя и противоречивого деятеля в истории новой Турции, автор указывает, что Рауфбей считался «черкесом». Отец его переселился в Турцию из Кабарды (кабардинское, вообще «черкесское» происхождение ошибочно приписывается ему и в некоторых других источниках, но фактически он был, несомненно, абхазом из рода Ашхаруа, „*აშხარუა*“, — пишет З. Авалишвили), не любил, однако, когда ему напоминали его кавказское происхождение¹³, был в почете у султана Абдул-Хамида, и сам нисколько не скрывал свою к нему приверженность. Он говорил М. Кемалю, что «душой и сердцем предан султану, так как отец его жил благодеяниями монарха и принадлежал к сановникам Оттоманской империи»¹⁴. Это, однако же, не помешало ему объявить в Великом Народном Собрании Турции, по инициативе М. Кемаля, о низложении сул-

¹¹ З. Авалишвили. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 годов. Воспоминания. Очерки. Париж, 1924. Грузинский перевод. Тбилиси, 1925 г., с предисловием Ш. Элиава, с. 184, 199—200.

¹² С. Басария. Указ. соч., с. 106.

¹³ С. И. Аралов. Воспоминания советского дипломата. М., 1960, с. 175; З. Авалишвили. Независимость Грузии в 1918—1921 гг. Тбилиси, 1925, с. 189.

¹⁴ С. И. Аралов. Указ. соч., с. 143.

тана и внести предложение считать день упразднения султаната национальным праздником страны. В Стамбуле считали его взбунтовавшимся солдатом, но и кемалисты, в том числе сам Ататюрк, не доверяли ему. В этом сказалось характерное для него политическое лицемерие. Тем не менее, М. Кемалю приходилось с ним считаться, стараясь привлечь его на свою сторону и предоставляя ему высокие посты в государстве, вплоть до того, что Рауфбей был Председателем Совета Министров с 12 июля 1922 года до 4 августа 1923 года, а также и министром иностранных дел¹⁵. С. И. Аралов пишет: «Выдвинутый Мустафой Кемалем в премьер-министры в интересах политической борьбы с реакционной оппозицией в меджлисе, Рауфбей во внешней политике действовал двурушнически — демонстрировал якобы дружественные чувства к Советской России, а за спиной Мустафы Кемала вел интриги, поддерживая связь с реакционными силами в Стамбуле, а через них — с империалистическими кругами Англии»¹⁶. С. И. Аралов, сгущая краски, рисует его как яркого противника Советской России, врага Турецкой республики, англофила и агента Антанты, одного из основателей Прогрессивно-республиканской партии и главарей оппозиции. Рауфбей впоследствии был осужден к изгнанию из Турции на 10 лет, но снова появился на политической арене после прихода к власти Исмета Иненю, когда старые враги Ататюрка пришли к власти и заняли ответственные посты¹⁷.

По словам М. Ш. Бутбы, к началу 20-х годов текущего столетия среди турецких абхазов было только 2—3 человека с университетским образованием, 5—6 человек со средним образованием (гимназическим и пр.), а в турецкой армии — много офицеров, в том числе генералов абхазского происхождения. «Абхазы предпочитают службу в армии», — говорил М. Ш. Бутба.

Хотя военная служба является по традиции главной сферой деятельности тех кавказских выходцев, которым посчастливилось выбиться в люди, но среди них встреча-

¹⁵ Р. П. Корниенко. Рабочее движение в Турции, 1918—1963 гг. М., 1965, с. 154.

¹⁶ С. И. Аралов. Указ. соч., с. 140.

¹⁷ Там же, с. 115, 219 и др.

ются также видные государственные, гражданские деятели¹⁸ и ученые. Такими деятелями из абхазов и абазин в начале XX в. являлись, например, следующие: профессор с парижским университетским образованием Азизбей Мкер-ипа (выходец из села Бибердовского), который в начале двадцатых годов был представителем Анкарского правительства в Москве; Хусейн Тосунбей — выходец из Очамчиры, президент черкесо-абхазского меджлиса, крупный политический деятель, один из инициаторов турецкой революции, проведший одиннадцатилетнюю ссылку в Триполи при последнем турецком султани Абдуле-Гамиде; Решитбей — родом из садзов, внук последнего садзского князя Решида Гечба; Барцыц — знаток парламентского дела, родом из бзыбских абхазов; художница Ачба — дочь Асланбея Ачба, произведения которой в 1918 году были выставлены как в Турции (в Пере), так и в Америке¹⁹. Сын псырдзхинского абхазского мусульманина-фанатика Хасана Маан был в хоре султанских музыкантов солистом (впоследствии вернулся на родину и принял христианство)²⁰.

Представителей немногочисленной зарубежной абхазо-черкесской интеллигенции интересуют судьбы родного языка, они изучают вопросы истории и этнографии, собирают произведения устной народной словес-

¹⁸ Например, Хайрадин ат-Туниси (по-турецки Тунуслу Хайеддин-паша) был сыном абхазского крестьянина из с. Бамбора по фамилии Нанба, в 1835 году 10-летним мальчиком был продан на стамбульском невольничьем рынке и попал в Тунис, обладал незаурядными способностями, учился сперва в Тунисе, а затем в Стамбуле и Париже, где в течение нескольких лет основательно изучил военное дело и систему государственного управления. Вернувшись обратно, становится министром тунисского военно-морского флота и председателем высшего совета, является автором первой тунисской конституции, в 1873—1877 гг. возглавлял правительство Туниса. Впоследствии, однако, из-за разногласий с реакционной оппозицией провел несколько «мрачных лет», но в это трудное для него время получает приглашение на службу в Стамбул, где становится великим визиром, то есть главой правительства Османской империи. Тем не менее в условиях феодальной реакции при «кровавом султани» Абдул-Хамиде II впал в немилость и навсегда уходит из политической жизни. Перу его принадлежит ряд получивших признание сочинений, в том числе о политическом устройстве европейских стран. Умер он в 1890 году (см. Г. А. Дзидзария. Человек удивительной судьбы. «Сов. Абхазия», 19 октября 1978 года).

¹⁹ С. Басария. Указ. соч., с. 106.

²⁰ «Кавказ», № 5, 1869.

ности. К таким энтузиастам своей национальной культуры относятся первый абхазский профессор М. Ш. Бутба, о котором говорилось выше, известный на Востоке ученый-историк черкес Юсуф Иззет-паша — автор многотомного исторического исследования на французском и турецком языках. По сообщению С. П. Басария, он доказывает, в частности, что народы древней Греции одного племени с черкесами и абхазами²¹.

И в настоящее время некоторые деятели черкесского или абхазского происхождения занимают важные посты в отдельных ближневосточных странах. Так, согласно сообщению арабской газеты «Аль-Яум», в Иордании черкесы — «народ смелый, сыны его отличаются искренностью и твердостью духа», и они добились значительных успехов. «Некоторые из них, — писала эта газета в номере от 1 октября 1963 года, — занимают важные государственные посты, как, например, Саид аль-Муфти, нынешний заместитель главы иорданского правительства, Расфи Мирза, который в прошлом возглавлял министерства обороны и внутренних дел. Один из черкесов занимает также пост заместителя начальника генерального штаба Иордании»²².

По сообщению И. М. Григолия, в Турции встречаются абхазы-депутаты, представители деловых кругов и др. Например, известный турецкий журналист Ени-Сабах — родом абхаз, Ардзинба Яшар-Бир — уполномоченный новой турецкой партии по Стамбульскому округу, он же председатель общества выходцев из Кавказа (из гудаутских абхазов, но не помнит из какого села, слабо говорит по-абхазски), Ажиба Джамаль — генеральный директор банка, обслуживающего хлопчатобумажное производство во всей Турции (главная резиденция банка находится в Стамбуле). И. Григолия встречался и с двумя Бегуа (Бигуаа) — Омаром и Сабри, причем первый из них инженер-лесовод, пишущий стихи на абхазском языке, ныне на пенсии (см. ниже). В начале 1963 года Хакибей Абуков, будучи в Турции, узнал о том, что в Стамбуле живет один профессор из абхазов и зашел к нему на квартиру, но жена послед-

²¹ С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 62—63.

²² «Аль-Яум». Утренняя газета (арабская), 1 октября 1963 года (Израиль).

него, вышедшая навстречу к гостям, заявила, что хозяин очень болен и принять посетителей не может.

Рассказывают, что немало лиц абхазского происхождения числятся среди деловых людей Турции, что руководящие посты разного уровня занимают или занимали в прошлом представители таких, например, абхазских фамилий, как Маршан, Маан, Арстаа, Цугба, Авидзба, Чуаз, Калцба, Бутба, Жиба, Бганба, Кьятас, Тванба, Аргун, Тарба, Хибба, Ашуба, Папба и др.

В этом отношении представляет интерес сообщение моего американского коллеги Карла Бандманна, благодаря которому в результате нашей переписки мне стали доступны некоторые сведения из биографии одного турецкого абхаза (абазина?) по имени Мурат Яган-ипа, живущего в настоящее время в Канаде (г. Ванкувер). Проф. К. Бандманн написал мне 7 марта 1982 года: «У меня появился интерес к Вашему народу в результате знакомства с моим другом Муратом Яган-ипа, здесь, в Ванкувере, где мы сейчас живем. Его предки по происхождению с нагорной части Абхазии, из местности Ашкара, в течение четырех поколений были Ахами. Дедушка Мурата Сат²³ Яган, с 15-ю тысячами других абхазцев, в 1918 году переселился в Турцию, в провинцию Мараш. Получив разрешение от султана, он до своей смерти в 1925 году²⁴ жил в Чорлу и Истамбуле. Отец Мурата Мит²⁵ Яган был назначен главой Ашкара в Изуняйла в провинции Мараш. Он также был в течение трех лет депутатом Румелии в турецком парламенте до 1926 года. Он умер в 1927 году. После смерти отца Мурат получил образование на турецком и французском языках. В 1964 году Мурат переехал в Канаду, где и проживает в настоящее время со своей семьей. Надеюсь, эти сведения устанавливают личность Мурата, а также его интерес к своему народу и родине».

По всей вероятности, у Мурата Яган-Ипа, человека не только высокообразованного и знающего языки, но

²³ По-абхазски Саат (Саат).

²⁴ Возможно, в этих датировках какая-то путаница у автора письма или его информатора, так как ни о каком пятнадцатитысячном переселении абхазов в Турцию в 1918 году не может быть и речи, если только не имеется в виду небольшой десант абхазских махаджиров, неудачная попытка вооруженного сопротивления меньшевикам в Абжуйской Абхазии и их обратное возвращение.

²⁵ Абхазская форма, вероятно, Мты (Мты).

и проявляющего, как видно, большой интерес ко всему, что связано с Абхазией и абхазами, большой материал по вопросам истории и этнографии абхазского народа, если бы только нам удалось установить с ним творческие контакты по этим делам²⁶.

Надо полагать, что история еще вскроет немало имен деятелей абхазского происхождения, сыгравших ту или иную роль в политической, культурной и военной истории Турции и других стран Ближнего Востока.

А здесь особо следует отметить деятельность современного поэта, ученого и просветителя Омара Бирамовича Бегуа (Бюйюкá), предки которого переселились в Турцию из с. Абжаква под Сухуми. Он родился в 1900 году²⁷. Первые его литературные опыты были связаны с Кораном, который любознательный юноша пытался перевести на абхазский язык.

Учился сперва в дюзджинской школе, лицей закончил в Едирне, а в 1930 году, завершив высшее образование, получает диплом «инженера-лесовода». С 1964 года, когда он ушел на пенсию, сотрудничает в Стамбульском отделении Кавказского культурного общества; занимается научным изучением языка, этнографии и истории абхазов, одновременно создает на абхазском языке вдохновенные поэтические произведения, часть из которых опубликована в нашем журнале «Алашара».

В многогранной деятельности О. Бегуа центральное место занимают, наряду с художественными сочинениями, многочисленные труды и материалы, в том числе архивно-документальные, по широкому кругу абхазоведческих проблем, которые созданы на турецком языке и ждут своего перевода и соответствующего анализа и изучения. Среди них особое значение имеют две его крупные работы — «Абхазская мифология» (Стамбул, 1971) и двухтомный «Кавказ...» (Стамбул, 1985, 1986), изданные в частном порядке за счет Етема Арютаа, Сабри Бегуа и некоторых других состоятельных

²⁶ По словам К. Бандмана, именно Мурат Яган-ипа рекомендовал меня ему для консультаций по абхазоведческим вопросам, а сам Мурат узнал о моем существовании через «Вайклифскую организацию по переводам Библии», существующую в США.

²⁷ Факты и наблюдения, приводимые здесь в отношении жизни и деятельности О. Бегуа и его ближайших друзей и коллег, заимствуются частично из указанной выше статьи В. Д. Авидзба.

«меценатов» абхазского происхождения. В этих и других публикациях и целом ряде рукописных работ много разнообразных и ценных материалов, интересных мыслей, догадок и гипотез (иногда, быть может, слишком смелых) по вопросам грамматики и лексики абхазского языка, включая этимологические разыскания и абхазо-турецкий словарь, по истории и этнографии Абхазии, в том числе уникальные статьи о древних абхазских знаменах (хранятся в Абгосмузее) и печати абхазского владетеля VIII века на арабском языке. Ему принадлежат большая статья об абхазской мифологии в турецкой специальной энциклопедии, брошюра «Хазрет Ибрахим Аублаа и кавказцы» (Стамбул, 1975), очерки по вопросам демографии и расселения турецких абхазов, абазин и убыхов. Им составлено до 60 жизнеописаний ученых, художников, композиторов, журналистов и других деятелей абхазского происхождения. Выявлено большое количество «абхазологических» материалов и документов, хранящихся в стамбульских и других турецких музеях, архивах и библиотеках, составлены обширные библиографии по Абхазии, Кавказу в целом и т. д.

С точки зрения собственно абхазоведческих проблем, наиболее ценной, судя по оглавлению, является его монография по абхазской мифологии (объемом свыше 320 страниц). В ней читатель найдет много материалов, представляющих значительный интерес для сравнительно-исторического исследования традиционной абхазской культуры, особенно духовной. Обширный обзор литературы предмета от Библии и Корана до современных западных ученых составлен, к сожалению, без учета трудов абхазских и других советских исследователей. Привлекается большое количество культурно-исторических и прочих терминов, включая топонимическую лексику, в том числе абхазские названия рек, но мы пока лишены возможности сколько-нибудь конкретно судить о научных результатах его многочисленных этимологических и других лингвистических разысканий (например, анализ терминов «ра», «псы» и др.). Отдельную группу материалов составляют эсхатологические легенды, этногенетические предания (например, о происхождении абхазов, грузин, армян), мифы о древнеабхазских богах, духах и героях, включая доселе неизвест-

ные, малоизвестные, полузабытые, а то и вовсе забытые имена. Например, богиня-великая мать Анчве-Шана, бог животных Айтар, бог лесов и охоты Ажвейпша, бог пчел Анан, божества моря Мышандау и Ашху-Мекепсис, мать вод Дзызлан, бог дождя Дзыуауа, бог почвы Дзар, богиня целомудрия Ханзиса (Ханси-са), божество женского рукоделия Арышна (Ярыш, Ярышна), бог здоровья Хания (Ания), бог ума и знаний Атана, бог металла Шефси-Айнарджи, богиня красоты Агунди, бог крепкого сна Циблок, бог кошмара Напкылчва, абхазские музы Рада-Раше-Рара-Рирара, бог войны Арис, бог цивилизации Ауыблаа, эпические герои Наарты и многие другие земные и небесные мифологические образы.

Вся поэзия О. Бегуа также посвящена родной Абхазии. Его стихи — это идущие из глубины сердца лирические излияния патриотических чувств и философские раздумья о судьбах соплеменников, песни и плачи о потерянной родине, о любви к ней, о ее трагическом прошлом, проникновенные молитвенные призывы к единению и счастью ее малочисленного, но сильного духом, обремененного историей и традициями народа. Некоторые из них опубликованы²⁸, а большая часть в рукописи.

Поэта вдохновляют не только мифологические образы «Страны Души», но и ее современные реальности. Особенно восхищает его образ Д. И. Гулиа, жизнь и деятельность которого служат для него образцом беззаветного служения своему народу и который в сердце О. Бегуа — сегодняшнего заморского Д. Гулиа — занимает совершенно особое место. В конце стихотворения «У памятника Дм. Гулиа» мы находим такие слова (в подстрочном переводе): «Жаль, достойного тебе слова сказать не могу, (но) твое имя врезалось в мое сердце». Вообще О. Бегуа считает себя последователем Д. Гулиа, испытывает к нему чувство глубочайшего уважения и восхищения, превозносит его, в частности, в своем напечатанном в журнале «Абхазском календаре» поместил и портрет своего любимейшего учителя с надписью: «Всемирно-известный поэт».

О. Бегуа, создавший на латинской графической основе особый алфавит для турецких абхазов, делает мно-

²⁸ См. абхазский журнал «Алашара» — 1967, № 9, 1968, № 7, 1974, № 6 и др.

то, чтобы знакомить их с абхазской дореволюционной и советской культурой и ее деятелями. «Песня об одной трагической жизни» — так называется его статья о сыне последнего владельца Абхазии поэте Г. Чачба (Шервашидзе), напечатанная вместе с знаменитым стихотворением «Уарада» в переводе на турецкий язык самого О. Бегуа в журнале «Кавкасиа»²⁹, причем этот шервашидзевский поэтический шедевр в Турции многие знают наизусть, а сам О. Бегуа считает его лучшим из всего, что создано в абхазской поэзии.

Омару Бегуа принадлежит также ряд статей в выходившей до недавнего времени турецкой газете «Камчи», посвященных Абхазии, в частности, жизни и деятельности основоположника абхазской драматургии С. Я. Чанба, под названием «Соратник отца абхазской литературы Д. Гулиа», причем в газете был опубликован в переводе на турецкий язык и отрывок известной чанбасовской драмы «Махаджиры» с портретом автора. Он же является одним из основателей упомянутых здесь газеты и журнала и фактически возглавляет в них абхазские отделы.

Таковы некоторые черты замечательной жизни Омара Бегуа — обаятельного человека, живущего скромной интеллигентной жизнью, снискавшего огромную любовь и уважение среди своих соплеменников.

О. Бегуа не одинок в своей благородной деятельности. Подросли молодые кадры, которые, следуя его примеру, делают немало для ликвидации неграмотности на родном языке, изучения и пропаганды советской национальной культуры абхазского народа. К ним относится, например, молодая высокообразованная женщина Махинур Папба, недавно приезжавшая с мужем в Сухуми, и в первую очередь она пошла к памятнику Д. Гулиа и, по просьбе О. Бегуа, прочитала там же его стихотворение, посвященное отцу абхазской литературы. Она знает многие произведения абхазских литераторов — стихи и прозу Д. Гулиа, в том числе «Камачич», «Под чужим небом», «Повесть о моем отце» Г. Гулиа и др. И таких примеров много. Дочка самого О. Бегуа Нураи занимается собиранием и изучением абхазского ономастического материала (между прочим,

²⁹ Журнал «Кавкасиа», издаваемый Кавказским культурным обществом, выходит в три месяца один раз.

ее брата зовут древнеабхазским именем Ешсоу). Е. Ашвейба опубликовал журнальную статью о Д. Гулиа (1967 г.). Выпускница филологического факультета Анкарского университета Зухал Айкусба специализируется по абхазской литературе, а Симбар Бганба перевела на турецкий язык «Повесть о моем отце» и т. д. Их мысли и чувства можно было бы выразить словами, которые завершают проникновенное стихотворение О. Бегуа «Апсны! Апсны!», то есть «Абхазия! Абхазия!»: «Нет! Нет! Не сломлена моя надежда! Мы встретимся, Апсны, мы увидимся! Но как до той поры мне быть и жить, Апсны!» (подстрочник).

А вот фрагмент художественного перевода того же стихотворения:

Гори рубахой на плечах —
Ни на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье,
Мы, может, встретимся
с тобою —

Наступит время.
Но как до этого стерпеть
Разлуки бремя!
То смерти хочется душе,
То снова — жизни,
Отягощенной
Тяготением к отчизне.
Покуда эти два огня
Сжигают душу,
Я вижу за морем вдали
Рсдную сушу³⁰.

Большую работу по проведению разных культурно-просветительных и других мероприятий среди турецких абхазов и налаживанию их связей с Абхазией ведет Орхан Расимович Шамба. У него там большие родственные и прочие связи — мать из довольно многочисленной фамильной группы Чанба, бабушка — из исчезнувшего в Абхазии рода Шарбалиа (Шьарбалыиаа), проживавшего некогда в с. Пшاپ, сестра замужем за

³⁰ Перевод с абхазского Д. Чачхалиа см.: «Сов. Абхазия», 28 октября 1975 года.

одним Айкусба, другая — учительница, сам пользуется огромным уважением и популярностью, в молодые годы (сейчас ему около 60-ти) был известным спортсменом (15 лет успешно выступал на арене для классической борьбы), а количество самих сородичей Шамбовцев, которых, по его словам, переселилось сравнительно мало, в настоящее время превышает 100 дворов.

Ввиду ограниченности материальных возможностей отца О. Р. Шамба не удалось пройти курс высшей школы, но путем систематического самообразования и чтения книг он достиг значительных результатов в своем культурном развитии. Быстро освоил и абхазскую азбуку, и теперь он свободно читает и пишет на родном языке, не пропуская ни одной новинки, которую ему удастся получить. В течение многих лет является признанным руководителем абхазо-черкесского культурного общества в своем городе Адапазары, на заседания которого он иногда приглашает председательствовать Омара Бегуа, который также приходится ему дальним родственником — мать поэта была из рода Шамба. «Омар — нашей сестры сын» (ҟахәшьаҭа), — говорит с гордостью Орхан Шамба.

2. Количество и расселение

Миграции населения также древни, как и само человечество. Они бывают малые и большие, эпизодические и длительные, локальные и почти мирового охвата и влекут за собой заметное изменение этнографической карты мира. Истории известно несколько крупнейших передвижений народов, оказавших огромное влияние на процессы этногенеза многих народов во всех частях света. Происходили они в различные исторические эпохи, в разных направлениях, под влиянием глубоких социально-экономических и политических причин, часто в результате больших военных акций, а также по религиозным и другим мотивам.

Таковы, например, т. н. «великие переселения народов», имевшие место в конце античной эпохи и раннем средневековье, последующие арабские завоевания на Ближнем Востоке и Северной Африке, монгольские и тюркские завоевания (в частности, проникновение тюрк-

ских племен в М. Азию и Юго-Восточную Европу), расселение племен банту по странам Южной Африки, эпоха великих географических открытий (переселения испанцев и португальцев в страны Центральной и Южной Америки, затем французов и англичан в основном в Северную Америку), ввоз в Америку африканских негров в результате массового захвата и торговли рабами, переселения европейцев в Америку, Австралию, Нов. Зеландию, Южную Африку и другие страны вследствие относительного перенаселения некоторых стран Зап. Европы в период бурного развития капитализма, миграции населения из Европейской России в Сибирь, переселения китайцев в страны Юго-Восточной Азии, выселение из М. Азии свыше 1 млн. греков и переселение в Турцию более 400 тыс. турок из стран Юго-Восточной Европы, переселение немецкого населения из стран Восточной Европы в Германию в годы и после второй мировой войны, недавние миграции евреев из многих стран в Палестину (а затем в Израиль) и др.³¹

Только с учетом масштабов таких крупных миграций населения можно согласиться с характеристикой махаджирства как «этнического события преимущественно локального характера», как «эмиграции в Турцию и Сирию небольших групп северо-кавказских переселенцев»³².

Одним из самых важных, но и самых неясных и запутанных вопросов истории махаджирства является вопрос о численности абхазского населения, как и других кавказских выходцев, в Турции и других странах региона. Доброкачественные и объективные источники по этому вопросу вообще отсутствуют, а имеющиеся сообщения того или иного характера очень часто совершенно не соответствуют действительности или страдают крайней противоречивостью. Сведения, исходящие от самих турецких абхазов, по-видимому, несколько преувеличены и приблизительны, так как они не основываются на точных научных данных свободно проведенных переписей населения. А с другой стороны, если послушать турецких деятелей, придерживающихся шо-

³¹ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, с. 17—18.

³² «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия». Под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. И. Чебоксарова. М., 1959, с. 394.

винистической политики, то в их стране вообще нет ни одного не-турка. Так, например, бывший генеральный секретарь Народно-республиканской партии Турции Реджеб Пекер, один из представителей пантюркизма и расизма, писал, что в «Турции нет не-турок, а есть люди, которым внушена мысль, что они курды, черкесы, лазы и т. д.»³³.

В действительности же, хотя современная Турция и относится к числу стран с относительно однородным национальным составом, — основная народность страны (турки) насчитывают около 42,2 млн. человек, но все же на ее территории проживает свыше десяти более или менее значительных национальностей: курды, арабы, греки, грузины, в том числе лазы, армяне, «черкесы» (выходцы из различных районов Кавказа), туркмены, евреи и др.³⁴

Приведенное здесь по указанным «Очеркам общей этнографии» определение всех кавказских выходцев в Турции в количестве 70 тыс. или, как написано в БСЭ, 100 тысяч³⁵, где на долю собственно абхазов падает, не более 10—15 тысяч человек, является чрезвычайно заниженным. Этому определению противоречит прежде всего то, что в XIX в. в течение десятков лет (а не только во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов) было выселено *всех* абхазов, по всей вероятности, около 100 тыс. чел., если не больше, хотя точной численной характеристике махаджирская эмиграция не поддается. За прошедшее же с тех пор столетие с лишним это количество должно было значительно увеличиться даже в тех неблагоприятных условиях, в которых жила и живет там основная масса переселенцев.

Сошлемся на некоторые материалы и свидетельства. Так, по мнению С. П. Басария, склонного, правда, к значительным преувеличениям, «в разное время абхазских племен было выселено в Турцию до 400 тыс. человек обоего пола, а черкесских до 2 млн. человек»³⁶.

³³ Цит. по Д. Еремееву — «Изучение этнографии современной Турции», «Сов. этнография», 2, 1960, с. 157.

³⁴ Народы мира, Историко-этнографический справочник. М., 1988, с. 457.

³⁵ БСЭ, т. I, 1950 (1949), с. 510.

³⁶ С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухум-Кале, 1923, с. 105.

Заслуживают внимания данные, полученные В. И. Кукба. Отметив, что информацию о положении абхазов в Турции получал от проф. М. Ш. Бутбы и офицера Джамала Маршан — членов Абхазо-черкесского комитета, а также офицеров Бганба и Саами Маршан, он писал: «Сведения у каждого брал независимо друг от друга. Сведения давали одинаково за исключением количества абхазцев в Турции. Некоторые говорили, что по всей Турции абхазцев насчитывается не менее 300 тысяч, а другие — 250 тысяч, 230 тысяч и 200 тысяч»³⁷.

По утверждению проф. М. Ш. Бутба, в 20-х годах текущего столетия в Турции проживало около 200 тыс.³⁸, а по словам Н. А. Лакоба — до 300—350 тыс. абхазов³⁹. В личном архиве Е. А. Эшба сохранились фрагментарные записи, связанные с его непродолжительным пребыванием в Турции в 1919 году. В одной из этих заметок в общей форме говорится о том, что «больше половины абхазского народа живет в Турции».

Если верить словам некоторых наблюдателей, подолгу живших в Турции (упомянутые выше Мамет и Хусейн Авидзба и др.), то абхазов даже больше в этой стране, чем черкесов.

По данным большого энциклопедического словаря Гердера (Фрайбург, 1953), общее количество абхазов, проживающих как в СССР, так и за границей, составляет 150 тыс. человек⁴⁰. Если принять эту цифру с учетом, что сейчас в нашей стране около 100 тыс. абхазов, то за рубежом их будет приблизительно столько же, но не меньше.

Во время многочисленных бесед с разными абхазами, живущими в Турции, агроному И. М. Григолия говорили, что в настоящее время там насчитывается около полутора миллиона всех кавказских выходцев («черкесов»), а количество собственно абхазов Джамал Маршан, Омар и Сабри Бегуа и др. определяли ему в 100—104 тыс. человек, в некоторых сообщениях упоминалась

37 ЛО ААН, ф. 800, оп. 6, № 277, лл. 1—5.

38 «Апсны», 28 августа 1920 г., № 31 (на абх. яз.).

39 ЦГА Абх. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 62, лл. 188—189; ф. 3, д. 83, л. 6.

40 Вл. Алпенидзе. Абхазия в немецкой энциклопедической литературе. «Алашара», 5, 1960, с. 101 (на абх. яз.).

цифра 70 тыс. Истина, по-видимому, находится где-то около середины этих показателей.

По данным О. Бегуа, общее количество абхазов в Турции сейчас превышает 100 000, а в арабских странах — 15 000 человек, хотя называют (напр., Р. Гожба) и другие цифры — в Ираке, например, до 15 тыс. «черкесов», в Иране до 5 тыс., в Ливане до 2 тыс., а в Сирии и до 35 тысяч, что, возможно, является преувеличением, если даже считать абхазов и черкесов вместе.

Большинство абхазов живет в сельских местностях, но растет и число горожан. Из крупных городов Турции больше всего абхазов можно встретить по традиции в самом Стамбуле — «матери мира», как называли его восточные поэты (св. 2 тыс.), а еще больше в Измире и других городах.

Современная официальная турецкая статистика если и не полностью игнорирует наличие абхазов как самостоятельной национальной группы, то она все равно содержит слишком урезанные и противоречивые сведения об их количестве в составе населения страны. Так, согласно всеобщей переписи 1955 года, когда учитывались данные только по родным языкам, численность абхазов в Турции, считавших родным языком абхазский (абазацъа), определялась: в 1935 г. — 10 099 человек (черкесов — 91 972), в 1945 г. — 8 602 (черкесов 66 691), в 1950 г. — 17 200 (черкесов — 75 837), а в 1955 г. — 12 748 (черкесов — 90 738)⁴¹.

По совокупности данных — фактических и логических — можно смело утверждать, что, хотя количество махаджиров точному определению не поддается, вследствие чего мы теряемся в разногласии мнений, приведенные цифры, особенно в отношении численности турецких абхазов, являются чрезмерно заниженными.

Обращает внимание, что на страницах некоторых органов современной арабской печати изредка мелькают цифры порядка до 1 млн. и даже выше, когда речь заходит о количестве «черкесов», то есть всех выходцев из Кавказа в Турции. Например, арабская газета «Аль-Яум», издающаяся в Израиле, 1 октября 1963 года писала, что «большинство черкесов живут в настоящее

⁴¹ Всеобщая перепись населения (Турции) 1955 года. Анкара, 1956, с. 51 (на тур. яз.). Данными последних переписей, начиная с 1960 года, мы, к сожалению, не располагаем.

время за пределами своей исторической родины. Два миллиона их живут в деревнях Анатолии и в крупных турецких городах, а также имеются небольшие черкесские группы в Югославии, Румынии, Сирии, Иордании и Израиле»⁴².

Здесь мы имеем дело также очевидно с явным преувеличением, но следует остерегаться и другой крайности. Вообще, как сказано, наука еще не располагает точными статистическими данными о количестве и расселении «черкесов» за рубежом, а что касается абхазов в Турции, то в целом, то есть говорящих на родном языке и не владеющих им, взятых вместе, должно быть там сейчас, по крайней мере, не менее 100 тысяч человек, что соответствует и представлениям лучшего знатока этого вопроса О. Бегуа.

Существует много описаний очевидцев, которые свидетельствуют об отчаянном положении переселенцев, особенно в первые периоды после эмиграции. Вот, например, что говорил известный большевик-революционер С. Г. Буачидзе, который два с половиной года провел в Турции: наши крестьяне там «не имели земли, не имели даже голоса на суде. И горцы-эмигранты говорили, что положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»⁴³. Этим объясняются и поток беженцев на родину, продолжавшийся вплоть до начала первой мировой войны, и рост самосознания среди кавказской переселенческой массы.

Крайне затруднительное положение громадного большинства иммигрантов объясняется не только тем, что им приходилось начинать жить заново, не имея на чужбине буквально ни кола, ни двора, но и рядом других усугубляющих обстоятельств социального и политического характера. В частности, страны, куда попали переселенцы, — Турция, а также Сирия, Ирак, Иордания, Египет, Болгария — были самыми отсталыми аграрными странами, с господством феодально-крепостнических отношений, бесправием основных масс населения, причем Турция все больше превращалась в полуколонию и сырьевой придаток империалистических держав. В то время как горские феодалы и на новом месте пользовались определенными льготами и привиле-

⁴² «Аль-Яум» (Утренняя газета), 1 октября 1963 года.

⁴³ Цит. по Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 488.

гиями (им предоставляли лучшие земли, выделяли денежные пособия, продвигали по служебной лестнице и т. д.), трудящиеся, наоборот, подвергались беспощадной эксплуатации не только со стороны турецких помещиков и чиновников, но и своих дворян и князей⁴⁴, прикрывавшихся часто в корыстных интересах аталычными и другими традиционными патриархальными отношениями со своими крестьянами. Конечно, местные жители — крестьяне, рабочие, рыбаки и др. — помогали, чем могли, обоздоленным людям, — вспомним, например, семью Д. И. Гулиа, оказавшуюся на турецком берегу, как писал он сам, «в ужасающем положении — без жилья, без еды», которую спасали от гибели местные рыболовы⁴⁵, но такие факты не меняют общую картину страшного народного бедствия.

«Черкесское» население, куда, как сказано, включаются кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абхазы, абазины, убыхи, осетины, и др., разбросано малыми и сравнительно более значительными группами почти по всей территории Турции, а в основном в ее западных районах. Н. А. Кисляков отмечает, что наиболее многочисленные группы кавказских выходцев встречаются в провинциях (илах, или вилайетах) Кайсери и Болу⁴⁶.

Турецкие абхазы живут в основном вблизи Черноморского побережья, между Стамбулом и Болу, наиболее компактно в вилайетах Сакарья (центр — г. Адапары) и Дюздже. В первом из этих вилайетов 25 абхазских сел, во втором — 20. Менее компактные абхазские поселения разбросаны по вилайетам: Бурса, Ескишехир, Самсун, Синоп, Билечик и др. Всего, по подсчетам О. Бегуа, количество сел, в которых живут абхазы, доходит до 200, причем только в 30 из них встречаются представители других национальностей (грузины, черкесы, турки и др.)⁴⁷.

В настоящее время, по многочисленным устным и другим сообщениям, группы абхазского населения имеются во многих городах и вилайетах Турции: Адапа-

⁴⁴ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 482.

⁴⁵ Д. Гулиа. Стихи. М., 1964, с. 8.

⁴⁶ «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», с. 449.

⁴⁷ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 493.

вары, Дюздже⁴⁸, Измит, Ескишехир⁴⁹, Хендек, Бурса, Енигаул, Сивас, Самсун⁵⁰, Терме, Чаршамба, Бафра, Акчишехир, Синоп (по-абхазски Синап), Измир, Стамбул, Анкара и др. В основном эти земли растянулись широкой, но не сплошной полосой между Стамбулом и Анкарой.

Из всех этих пунктов наиболее «абхазскими» являются Адапазары, Дюздже, Ескишехир и некоторые другие, где абхазы компактно занимают довольно значительную территорию. Недаром В. Кукба, Ж. Дюмезиль и другие исследователи, интересуясь языком и фольклором абхазов Турции, стремились попасть прежде всего в Адапазары, Измит, Ескишехир, Дюздже и др., которые, по словам В. Кукба, наиболее густо заселены абхазами, черкесами и убыхами, причем некоторые аулы в районе Адапазары были заселены исключительно убыхами⁵¹.

Кавказские выходцы в Турции живут, как было сказано, главным образом в деревнях, расположенных часто в горных местностях, а также в некоторых мелких городах и районных центрах. В больших городах их сравнительно мало. В Стамбуле или в Анкаре далеко не всякий скажет, кто такие, например, убыхи и где они живут. Например, в 1927 году, как рассказывает В. Кукба, в советском посольстве в Стамбуле никто «не знал о существовании убыхов вообще и искали в словарях, но не нашли, потом как-то узнали, что есть такое племя»⁵². Ему также понадобилось дня два или три, чтобы встретиться там с абхазами или черкесами⁵³, но положение с тех пор, можно сказать, резко изменилось: всеобщий процесс урбанизации не мог обойти и турецких абхазов.

Абхазские эмигранты, основывая свои поселения на новых местах жительства, давали им названия тех селений или поселков в Абхазии, откуда они вышли, например: Аацы, Анхуа, Гагра, Гуп, Джгерда, Члоу, Дал, Ачандара, Уарча, Адзюбжа, Эшера⁵⁴, Абжаква, Ара-

48 ЛО ААН, ф. 800, оп. 6, № 277, лл. 1—5.

49 Там же.

50 Там же.

51 Там же.

52 Там же.

53 Там же.

54 С. Басария. Указ. соч., с. 107.

садзих, Алахадзы, Гума, Калдахуара, Хамыш, Цабал (в районе Бурсы), Мцара и т. д. В селении Мцара, находящемся рядом с двумя другими абхазскими деревнями — Цгу и Тваникыта, живут, например, родственники упомянутого выше дурипшца Назифа Агрба.

Вот что говорил Назиф Агрба, проведенный в Турции (с. Мцара) первые одиннадцать лет своей жизни, хотя его рассказ отражает дореволюционное положение поселений с их старыми, вероятнее всего, уже измененными названиями. «Из всех известных мне абхазских селений в Турции, — утверждал он, — самым значительным является Гума, куда из Мцары можно добраться пешком за один неполный день. Затем идут села Мцара, Цгуаа (рядом с Гумой), Тваникыта, то есть село рода Тванба (последние три селения в районе Дюздже), село Джир-ипа Махты⁵⁵ (тоже рядом с Гумой, на р. Дивылы), село рода Амчба (это село от Мцары отделяет та же река), село Бейкуей (рядом с деревней рода Амчба), село Калиак (рядом с Бейкуей), село Афтанна (рядом с Калиак), село рода Ашуба (Ашэикыта, рядом с Афтанна), село Кайлара и др., а Хандакь и Измит являются уже городами. В этих городах и в их окрестностях тоже живут абхазы. В Измите, например, немало представителей фамилий Конджария и Таркил. К востоку от этих мест, заключил Н. Агрба, уже мало абхазов, так как они живут в основном в Западной Турции.

Близ Бурсы есть абхазский микрорайон, который местные жители называют до сих пор Цабал (Цабал), а вокруг него, как рассказывают, имеется еще 12 абхазских деревень по сто с лишним дворов в каждой, причем всех их вместе называют Хрипсовцами — по патронимическому имени одной из ветвей абхазской княжеской фамилии Маршан, происходящей из Цебельды.

Я сошлюсь еще на свидетельство другого старика — Мамета Авидзба, прожившего, как указывалось выше, свыше 35 лет в Турции — в сел. Гума и других местах. Имея в виду также дореволюционный период, он говорил: «Абхазы живут сплошной массой и отдельно от турок. От наших сел до турецких надо идти 3—4 дня

⁵⁵ Этот Махты Джир-ипа по фамилии Куадзба, по словам того же информатора, построил в своей деревне собственный лесопильный завод и с. Гума многие называли его именем (Махты икыта).

(Атыркуеи хареи 3—4 мыш ныкуа хабжьоуп; атыркуа дабаау). Селения называются большей частью по имени князей и дворян, которые в них господствуют». Затем он продиктовал мне список некоторых селений абхазов Турции, указывая иногда основателя и количество жителей в них, давая и другие пояснения к нему (формы названий по информатору):

1. **Апсара** — здесь живет 200—300 дымов, главенствовал там Асланбей (Чачба). Здесь лежит большой камень, на который становятся ораторы, выступая на народных собраниях (ср. староабхазское название Иверской горы — Апсара).

2. **Кайлара** — здесь жил Камлат Маан (Маргания).

3. **Бейдыл** — 20 тыс. жителей.

4. **Бычка** — районным центром, к которому этот пункт относится, является **Хандакь**⁵⁶.

5. **Гума** — 400 дымов.

6. **Адабазар** — это губернаторство и кругом одни абхазы; вблизи него есть, например, сел. Сакарей (Сакарей)⁵⁷.

7. **Дузча**.

8. **Була**.

9. **Чылмиа**.

10. **Малан** — там жил, в частности, гумский князь Ачба (Агума Ачба).

11. **Калдахуара**.

12. **Акапа** — 600 дворов.

13. **Измыт** — это больше всех, как Абхазия, — пояснял М. Авидзба.

14. **Аскы-Шьахар** — там живут выходцы из Дала и Цебельды.

15. **Афтания**.

16. **Село Хаджибея Амчба** и др.

По утверждению М. Авидзба, между Измитом и Дюздже расстояние почти пятидневного «спокойного» пешеходного пути, причем все это расстояние человек

⁵⁶ Немало в Турции переселенцев из известного абхазского дворянского рода Маан (Маргания), который Ж. Дюмезиль называет «племенем Ман» и представителей которого, по его же словам, «много в абхазских деревнях области Хендек» (выделено мной, — Ш. И.). (Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 74).

⁵⁷ «Наша деревня под названием Тагуарек находится в районе Адапазар—Хендек», — писал мне стамбульский студент Бюлент Эшба.

проходит через сплошные абхазские села. Нет там ни турок, ни черкесов (Ачаркьаз дызгуалашэода. Аҧсуа дахьыкоу, тыркуагь, чаркьазгьы дубазом). Это подтверждает и Хусин Шаханович Авидзба (г. Сухуми). Вспоминая свою поездку в Турцию в 1907 году, он говорил: «Есть такие абхазские населенные пункты, которые не соседят с турками» (Тыркуа дыхьыргуламгьы ыкоуп).

Эта информация знающих сказителей находит свое значительное подтверждение и в сообщении проф. М. Ш. Бутба о том, что абхазы Турции живут в основном в Измите, Адапазары, Хендеке, Акиазе, Диуздже, Ескишехере, Енигауле, Сивасе, Самсуне и др.⁵⁸ Несмотря на изменения, происшедшие с тех пор, география расселения турецких абхазов, представленная в приведенных сообщениях, в основном соответствует действительности и для нашего времени с той лишь разницей, что здесь перечислены не все пункты проживания абхазов⁵⁹ и не указаны изменения названий (например, Гума переименована в Дируин).

На официальной территориально-административной карте Турции отсутствуют, как правило, абхазские или другие иноязычные топонимические названия, но сами абхазы, а в отдельных случаях и некоторые окрестные жители, пока продолжают называть свои деревни на новых местах жительства старыми именами, какие носили их селения на их исторической родине. Встречаются и названия, связанные с некоторыми абхазскими родовыми или личными именами. Например, Аублаа ркыта (Аублаа ркыта) — «село (рода) Аублаа», Геччаа ркыта (Гьачаа ркыта) — село Гечба», Чыгуаа ркыта (Чыгуаа ркыта) — «село (рода) Чыгуба» и др.

⁵⁸ Газ. «Апсны», 28 августа 1920 года (на абх. яз.).

⁵⁹ Упомянутый выше Орхан Шамба, который является ныне одним из лидеров заморских абхазов и лучших знатоков их жизни и быта, писал автору этих строк: «Мы, живущие в Турции абхазы, разбросаны по разным городам и селениям страны. Например, выходцы из Дала и Цебельды живут в районе Ескишехир и Биленджик, абазины (выходцы из Ашвы) — в районе Кайсери — Узунай-айла, ахчипсуйцы осели в деревнях вокруг Диуздже, а выходцы из Бзыба, Абжаквы, Джгерды и Кутула основали свои поселения в Измите и его окрестностях, которые называются по-абхазски Измитской Впадиной (Измыт Агуафара). На этом побережье имеют ся значительные города, и здесь живет много абхазов».

Кадыр икыта (Кадыр икыта) — «село Кадыра», Тапшь икыта (Тапшь икыта) — «село Тапша» и др.⁶⁰

Фактом является и определенная компактность расселения абхазов в дореволюционной Турции, причем, по свидетельству очевидцев, значительные ее пережитки сохраняются до наших дней. Нередко абхазские поселения находятся в непосредственной смежности с адыгскими (например, шапсугскими), но вперемешку между собой они тоже не населяют одну и ту же деревню. Иными словами, при образовании своих поселков махаджиры, по возможности, руководствовались принципами кровного родства и этнической принадлежности, что диктовалось соображениями взаимопомощи в борьбе за общие интересы.

Такое расселение, видимо, доставляло немало хлопот властям и мешало им в проведении политики отуречивания. Вот почему, если бы не поражение Турции в первой мировой войне, приведшее ее к критическому состоянию, турецкое правительство, согласно сообщению М. Ш. Бутбы, намеревалось полностью ликвидировать компактность расселения абхазов, рассосав их по пять-десять-пятнадцать дворов между турками в турецких селениях.

Таким образом, оказавшись в чужой стране, иммигранты расселялись властями по своему усмотрению, часто вдоль границ государства или на зависимых территориях, чтобы максимально использовать их в качестве военной силы, молодых же людей брали в армию, где им приходилось проливать кровь за чуждые интересы. Вместе с тем махаджиры старались по возможности выбирать удобные для жизни земли — плодородные, с водой и лесом, возвышенные места, расположенные подальше от больших городов, чтобы не раствориться в чуждой этнокультурной среде, причем пытались селиться компактно — семейными и родовыми группами и даже целыми общинами, сохраняя при этом и названия тех селений, в которых они жили на родине. В одном из своих писем 1983 года пожилой турецкий абхаз Тенгиз Бганба сообщал: «Известно, в какое черное время попали наши отцы, когда они прибыли в

⁶⁰ Р. Гожба. Указ. соч., «Абхазский университет», 23 сентября 1988 года.

Турцию. Абхазы были надорваны голодом и болезнями, а лучшую часть из них, отделив от народа, отправили на войну. Их матери, сестры, дочери, жены, чтобы защитить свою честь, основали в высокогорных лесистых местах свои селения. До сих пор целый ряд селений сохраняется на таких возвышенных территориях». Он пишет далее, что никогда раньше не было таких опасений за наш язык, обычай и традиции, как сейчас.

3. Хозяйственные занятия

Этнографический быт турецких абхазов еще не был предметом изучения из-за отсутствия соответствующих материалов. К сожалению, о их жизни и культуре мы можем судить пока главным образом на основании устных сообщений наблюдателей. Имеющиеся же отрывочные сведения говорят о том, что эмиграция и длительное пребывание абхазов в Турции, разбросанных небольшими группами чуть ли не по всей стране, окруженных поглощающими их турецкими поселениями, подвергающихся политике ассимиляции и исламизации, изменили во многом их быт и культуру.

Вместе с тем, как известно, этнические общности, если они не мизерные по количеству и не совсем рассеяны, проявляют большую силу сопротивления, ибо каждый живой организм хочет существовать и борется за жизнь. Абхазы живут в Турции десятками тысяч, часто отдельными компактными селами в горных изолированных местах, до недавнего времени занимались в основном земледелием и скотоводством, слабо были втянуты в торгово-промышленную деятельность, лишены в массе своей возможности пользоваться плодами просвещения и цивилизации. Все это вместе взятое в условиях отсталой, консервативной страны с замедленными темпами социально-экономического и политического развития, содействовало в известной мере сохранению языка иммигрантов, их обычаев, традиций и других этнических особенностей.

В настоящее время, — пишет Н. А. Кисляков, — кавказские выходцы в Турции «все более ассимилируются турками, но частично еще сохраняют родной язык, свое-

«образный тип жилища, элементы национального костюма»⁶¹.

Трудным оказался, естественно, земельный вопрос. Многие трудящиеся крестьяне с самого начала испытывали большие затруднения в связи с малоземельем. Кроме того, как признаются сами турецкие абхазы, разные обстоятельства заставляли их или их предков продавать (иногда за бесценок) свои земельные участки частично или даже целиком (Изаазарызен, аамтала адгыылкуа хамхатит), что в целом ряде случаев повлекло за собой тяжелые последствия в экономической жизни значительной части деревенских жителей. Теперь они, конечно, хорошо понимают цену земли и редко кто из них так легко расстанется с нею, хотя и продавать уже почти нечего: даже самые зажиточные крестьяне владеют не более 5—12 гектарами земли.

В отношении хозяйственных занятий турецкие абхазы, живущие в сельской местности, ничем уж особенным не отличаются от того, что мы наблюдаем в самой Абхазии. Согласно сообщению М. Ш. Бутбы и других информаторов, главными их занятиями в начале текущего столетия являлись земледелие (кукуруза, табак, пшеница, просо на коньяк, рис, овес, сахарная свекла, жаук, который идет на производство высококачественной бумаги, и др.), животноводство (овцы, козы, коровы, мулы, лошади, а кое-где держат и верблюдов), овощеводство и садоводство (фрукты, в том числе виноград, из которого делают, однако, не вино, а сладкое блюдо под названием «бегмез»), а также торговля и предпринимательство, в том числе лесоводство (продавали пихтовые, сосновые и другие лесоматериалы).

Турецкие сельские абхазы сохраняли свою страсть к коневодству и конному спорту, по-прежнему устраивают торжественные (аеырфара) и поминальные (атарчеи) головокружительные скачки (последние черкесам неизвестны). До недавнего времени встречалось и конокрадство, которым занимались также и их соплеменники в дореволюционной Абхазии.

Вот, например, как Д. Гулиа излагает эту часть беседы с М. Ш. Бутба, отражающей, правда, положение вещей чуть ли не вековой давности: «Воровство, коно-

⁶¹ Указ. «Очерки общей этнографии...», с. 449.

крадство, как и субботние и годовые поминки по умершим, у них распространены так же, как и здесь. Очень предаются верховой езде. Облачившись в короткую одежду, надев на ноги чевяки и ноговицы, обмотав вокруг головы башлык, а через плечо перекинув ружье, сядет абхазец верхом на лошадь и отправляется по своим делам или промышлять воровством лошаденку. Удастся ему украсть где-нибудь хотя бы паршивую клячу, он спешит продать ее за дешевенький пистолет (кьарахук), а потом, довольный собой, возвращается к себе домой»⁶². Занятия воровством нужно объяснять, разумеется, не исходя из каких-то мифических врожденных качеств народа, а конкретными условиями жизни, их нищенским существованием на чужбине.

Абхазские всадники, отправляясь в путь, берут с собой 3—4 кг овса для корма лошади (аехьа), в правой руке держат плетъ, которая иногда специальным ремешком подвешивается на поясе.

В 1920 году Д. И. Гулиа в Сухуми встретился с одним северокавказским черкесом, неоднократно ездившим в Турцию к своим родственникам-переселенцам, проживавшим в «черкесском городе Дюздже». Этот черкес, хорошо знавший и быт турецких абхазов, живших по соседству с его родственниками, рассказал Д. Гулиа немало любопытного, особенно о жизни населения абхазской деревни, которая под названием Сакарей находится вблизи гор. Адапазары.

По словам информатора, небольшая часть абхазов устроилась в Турции неплохо, но большинство из них, в отличие от черкесов, влачило жалкое существование. Особенно бедственным было положение жителей упомянутого селения Сакарей. Оно находится в горной местности, люди живут на самой вершине горы. Ввиду каменистости почвы там невозможно пахать и обычным способом сеять зерно, поэтому кукурузу им приходилось сажать от руки. Жилищами служили примитивные круглые плетеные хижины (акуацэ), такие же, какие были и в дореволюционной Абхазии. Окрестные жители удивлялись, как можно жить человеку в таких постройках. «Таких жилищ я не видел», — удивлялся черкес. А в конце он рассказал следующее о трудолю-

⁶² «Апсны», 28 августа 1920 года, № 31.

бии и необычайной ловкости абхазов. Однажды он вместе со своим приятелем-черкесом проезжали через сел. Сакарей. Вдруг спутник остановил его и указал на пихту (сосну), росшую вблизи дома одного абхаза, который поднимался по дереву, обрезая топориком ветви. «Гляди, что будет!» — сказал, затаив дыхание, местный черкес приезжему. Когда абхаз добрался до самой макушки дерева, то оно закачалось в небе, как будто сверху на него сел гигантский орел. Еще мгновение и, казалось, отчаянный абхаз полетит вниз со страшной высоты. Но в этот момент он прыгнул оттуда и пересел, лучше сказать, «перелетел» на соседнее дерево, которое отстояло от него на расстояние нескольких аршин, и продолжил там спокойно свою работу⁶³.

Бедность и нищета, бывшие уделом большинства переселенцев, вынуждали их, особенно в первые годы эмиграции, идти в кабалу, выполнять самую черную работу, залезать в долги или, став абреками, сотнями уходить в горы и заниматься вооруженным грабежом и другими недозволенными делами, за что власти их жестоко преследовали, судили, ссылали, казнили. Оторванные от родной почвы, лишённые средств существования, некоторые из них вынуждены были прибегать иногда даже к продаже одного из своих детей, чтобы сохранить жизнь другим.

Вот, например, один такой случай, рассказанный мне бывшим учителем Маркозом Каландия. Во время последней волны махаджирства выселилась в Турцию из сел. Мокви одна крестьянская семья по фамилии Андарбуа. Глава семьи вскоре умер в изгнании и остальным стало невмоготу там больше жить. Решили вернуться обратно, но не было денег на дорогу. Тогда Чапырхан — так звали вдову — продала турку свою восьмилетнюю девочку по имени Зейнат и выехала с двумя сынишками — Османом и Мадии — на родину. Прошло время. Зейнат сделалась красавицей, и хозяин перепродал ее (разумеется, втридорога) богатому стамбульскому паше, который женился на ней. По настоянию жены паша в 1896 году вызвал к себе ее братьев, держал их у себя года три, а в 1899 году отпустил домой с большими дарами. Но, преследуемые князьями Хабу-

⁶³ «Апсны», 6 июля и 28 августа 1920 года, № 23 (51) (на абх. яз.).

гом Ачба и Таташем Маршан, им в 1903 г. снова пришлось ехать к сестре за море, но на этот раз уже навсегда.

По сообщению того же информатора, в 1878 году группа аацинских жителей во главе с дворянином Зосханом Маан выселилась в Турцию. Среди них был Басиат Тванба с женой. Переселенцы в конце концов обосновались в местности Джумухурия, где, по рассказам, собралось до 10 тыс. абхазов, в том числе Басиат, у которого уже были сын Керим и дочка Селимхан. Последняя была очень красива и соседи, зная цену красоты, говорили ее отцу, что на счастье ему родилась она у него. От лишений и тоски по родине заболели родители, а так как средств на лечение не было, то вынуждены были продать девушку, хотя и это не помогло — больные вскоре все равно умерли. В 1914 году, когда началась война, Кериму пришлось оставить жену и пойти в армию. По его собственным словам, он служил на одном из германских военных кораблей, действовавших в Черном море, и, когда однажды они подошли к Сухуму, высадился на берег и скрылся. После войны он привез из Турции свою семью и жил сперва в сел. Аацы, а затем в Эшерах.

Но не всегда прибегали к торговле людьми по безвыходной нужде. Феодалы и другие искатели легкой наживы, промышлявшие разбоем, из бесчеловечной продажи своих же соплеменников извлекали большие барыши. И таких проданных по той или иной причине абхазских молодых людей — лучших девушек и юношей — можно было встретить во множестве в Стамбуле, а также других крупных турецких и других ближневосточных городах.

Один из абхазских крестьян-махаджиров, рассказывая о грубом обмане турецких агентов, рисовавших «райскую жизнь» в Турции, говорил: «Масса бедствий ждаю нас там: голодали мы там, зябли, мерли, как мухи, ни золота, ни рису, ни сказочной тыквы так и не видели. Вдобавок ко всему, привилегированные знатные абхазцы, пользуясь турецким законом, надумали восстановить крепостное право и стали целыми семьями продавать туркам крестьян-абхазцев»⁶⁴.

⁶⁴ С. И. Образцов. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). «Сотрудник Закавказской миссии», № 1, 1 января 1914 года, с. 13—16.

Некоторые западные авторы XIX в. были склонны преувеличивать как «удобства», представлявшие иммигрантам турецкими властями, так и «хищнические привычки» кавказских «разбойничьих орд», не учитывая тяжелые условия их существования, особенно в первые годы после махаджирства, вынуждавшие часть из них к совершению правонарушений. Вот как об этом писал английский ученый Карлайль Мак Коан: «Черкесы в азиатской, как и в европейской Турции, представляют эмиграцию из Абхазии и Дагестана, возникшую с крымской войны, а в особенности после окончательного поражения Шамиля. Строгость, с которой русское правительство обошлось с большинством из этих племен после упомянутых событий, побудила многих искать убежища во владениях султана, где правительство дало им свободные участки земли и другие удобства для мирного водворения... Горцы Кавказа внесли с собой в Армению и М. Азию, а также в Болгарию и Фракию свои незаконные хищнические привычки и оказалось, что Порта вместо пастухов-пахарей приютила разбойничью орду. Везде, где только появлялись они, тотчас же становились предметом ужаса и только в редких местах, где власти действовали энергически, они подчинились чему-то похожему на общественный строй. Утверждали, однако, что в случае войны они образуют хорошие иррегулярные войска, но опыт не оправдал даже эту надежду, и 350 000 или более черкесов, разбросанных горстями по М. Азии и Сирии, способное лишь тревожить местных жителей, являют собою элемент, от которого и правительство и народ были бы рады избавиться. По поводу их значительного прилива в 1864 г., сэр Генри-Бульвер, тогда посол при Порте, посоветовал растянуть их военными колониями по армянской границе, и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против их прежних гонителей, но эта прекрасная идея не была приведена в исполнение, и они были рассеяны внутри, как бы нарочно для всего того зла, которое они причиняли. Они продолжают продавать своих дочерей в гаремы Стамбула и Каира и, таким образом, вместе со своими единоплеменниками в Румелии образуют единственный остающийся источник, откуда могут быть добываемы белые женщины-рабыни»⁶⁵.

⁶⁵ Карлайль Мак Коан. Указ, соч., с. 115—116 (перевод с англ.).

Статья 61 Берлинского трактата 1877 года гласила: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего промедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их осуществлением»⁶⁶.

Не отрицая полностью распространенности конокрадства и набегов кавказских «рыцарей ночи», следует еще раз подчеркнуть, во-первых, что соответствующие сообщения нередко носят преувеличенный характер, потому что основные массы переселенцев были заняты мирным трудом, во-вторых, хищничества и другие правонарушения имели место в основном только в первый период после иммиграции, в-третьих, к совершению разного рода набегов, включая нападения на караваны, шедшие с шелком из Персии в Турцию, принуждали отсутствие минимума средств существования, неустроенности, эпидемии и голод. С другой стороны, как сказано, абхазам приходилось расплачиваться дорогой ценой за свое непослушание и противозаконные действия, в частности, по требованию персидского правительства турецкие власти расселяли их малыми группами по дальним безлюдным, мало пригодным для жизни местам.

С тех пор прошло много времени, и не стало, конечно, никаких «хищнических привычек» со стороны наших горцев, которые теперь работают в универмагах, на транспорте, различных предприятиях, в больших ресторанах, служат в армии или государственных учреждениях, стали специалистами и т. д., а некоторые сами, сделавшись энергичными дельцами-бизнесменами, вращаются миллионными капиталами.

4. Жилище, одежда, пища

До сравнительно недавнего времени турецкие абхазы, как утверждают очевидцы, в какой-то степени еще сохраняли свой древний тип жилища. Лет 50—60 тому назад беднейшая часть из них жила в примитивных

⁶⁶ «История дипломатии», Т. II, М.—Л., 1945, с. 118.

конусообразных круглых плетеных хижинах, известных под названием «аквацв» (акуацэ)⁶⁷. Но уже с двадцатых годов этот тип жилища и там становится все более редким явлением. В деревнях плетеные постройки кое-где еще остаются, в том числе специальные брачные домики (амхара), но форма их меняется: круглый план уступает место четырехугольному, горизонтальное плетение — вертикальному («как у армян», — пояснил один сказитель). Теперь жилые дома турецких абхазов, убыхов и др. представляют собой четырехугольные в плане постройки современного типа с открытыми, как и в Абхазии, верандами (абарца)⁶⁸. Сохраняется также характерный для абхазских поселений свободный двор перед жилищем (амзарха). Жилищная проблема у них и сейчас одна из самых острых.

В начале 20-х годов турецкие абхазы, рассказывал М. Бутба, одевались по-разному: большинство носило уже не национальную черкеску, а разного рода «короткую одежду» (акьяѣ-маѣкуа).

В то же время еще стойко сохранялись такие элементы оригинально-абхазского мужского костюма, как ноговицы, башлык и др., удерживались также традиционная любовь к верховой езде и привязанность к вооружению — почти все взрослые мужчины вооружены пистолетами или охотничьими ружьями — на всякий случай, в том числе и на случай действия не изжитых еще пережитков обычая кровной мести.

Приведенному выше свидетельству М. Бутба несколько противоречат воспоминания Мамета Авидзба, согласно которым форму черкески носили до революции даже больше, чем в самой Абхазии. Как видно из полученных адыгейским ученым Аскером Гадагатлем фотографий выступлений ансамбля народной песни и танца кавказских горцев в Турции, а также судя по иллюстрациям последнего (третьего) выпуска «Анатолийских документов» Ж. Дюмезиля, изданных в 1965 году, еще кое-где сохраняются остатки традиционного кавказского мужского (полный комплект черкески) и женского костюма. Но это все же только уходящие пережитки, связанные с театрализованными представле-

⁶⁷ «Апсны», 6 июля 1920 года, № 23 (51).

⁶⁸ Ж. Дюмезиль. Анатолийские документы о языке и традициях Кавказа, Париж, 1965, табл. IV (на фр. яз.).

ниями старого быта или с жизнью отдельных, наиболее традиционных пожилых людей. В основном же кавказские выходцы еще в начале текущего столетия начали одеваться уже на другой лад. Например, брюки в большинстве своем они носили уже не такие, какие были в моде у абхазов на родине (узкого фасона), а по-турецки — с длинными и широкими полами. Старый Хусин Авидзба рассказывал, что в 1907 году он видел в одной из абхазских деревень Турции абхаза по имени Зекерна Ванача, над которым посмеивались окружающие люди за то, что он продолжал шить себе брюки по староабхазскому образцу — прилегающие к телу, узкие книзу и со «стременами» (ашькыл), держащими штаны постоянно в натянутом положении. Теперь уже господствует, особенно в городах, общеевропейская форма как мужской, так и женской одежды.

Так история одежды заморских абхазов за последнее столетие с небольшим была историей ее неуклонной деградации — от полного господства изумительного традиционного комплекса еще на рубеже XIX—XX вв. до жалких его остатков в наши дни, обреченных к полному исчезновению в ближайшем будущем.

Немецкий антрополог Лушан, который был одним из зачинателей антрополого-этнографического изучения зарубежных кавказских горцев, писал в 80-х годах XIX века, касаясь особенностей образа жизни «черкесов»: «...черкесы и их ближайшие земляки с Кавказа держатся совершенно особняком от своих турецких и прочих соседей. Они живут в собственных деревнях, которые издали бросаются в глаза своей особенной постройкой домов и хижин. Они почти сохранили свой чисто национальный костюм и характерные уздечки и седла. Они все еще разводят свои породы кавказских лошадей и вообще остались народом наездников с настоящими школами верховой езды в каждом даже самом бедном селении».

Другому немецкому ученому Г. Гроте принадлежит такое описание абхазов, убыхов и черкесов района Ада-пазары, сделанное позднее — в начале XX века: «Черкесов можно издали отличить по одежде и манерам от остальных довольно единообразно одетых мужчин магометанского населения Малой Азии. Большая барашковая или меховая шапка-папах; темный сборчатый

кафтан, плотно обхватывающий тело (т. н. «черкеска»), нередко расшитый красными шнурами; узкие облегающие штаны придают черкесу что-то смелое, крепкое, военное. Он кажется сросшимся со своей небольшой ловкой лошадкой, на которой всегда готов проделать головокрумные наезднические штуки. Нам не раз доводилось видеть черкеса, который горячил свою лошадь и для собственного удовольствия некоторое время скакал наперегонки с поездом. Самый бедный черкес отличается каким-то горделивым достоинством в манерах и выражении лица»⁶⁹.

Подобные характерные свидетельства очевидцев показывают, что иммигранты в первые периоды своего зарубежного существования продолжали еще вести свой прежний, «чисто национальный» образ жизни, но с течением времени у них, как и везде, дедовские традиции, несмотря на всю свою привлекательность, начинают слабеть, и экзотический «народ всадников» все более воспринимает общеевропейские стандартные формы во многих сферах материальной и духовной культуры, точно также, впрочем, как и их соплеменники на родине отцов.

Несколько слов о пище, но не вообще, — турецкие абхазы питаются, в основном, как и все вокруг, — а, главным образом, только с точки зрения сохранности национальной кухни, которая, как и другие элементы традиционной материальной и духовной культуры, проявляет большую живучесть в основном в отдаленных сельских провинциях, чем в больших городах. Конечно, в этой сфере, как и в других областях жизни народа, за прошедшие десятилетия произошли значительные изменения, что, однако, требует специального изучения с конкретными этнографическими фактами в руках.

В деревнях главной хлебной пищей турецких абхазов является мамалыга — крутая каша из кукурузной муки с той лишь разницей, что они подсаливают воду перед варкой и не раскладывают ее деревянной лопаткой отдельными порциями по числу едоков, а, опрокинув котелок, кладут просто одной общей массой на круглый или, по староабхазскому обычаю, на четырехуголь-

⁶⁹ Цит. по Р. Гожба, указ. соч., «Абхазский университет», 30 сентября 1988 года.

ный длинный столик (аишэа), и едят затем все вместе, отламывая рукою по кусочку. Мамалыгу едят, как и у нас, с вареной фасолью вместе с соленьями (капуста, кольраби), молочными продуктами, курятиной с ореховой подливкой, мясом и пр. Ни вина, ни водки не делают и не употребляют их. Совершенно исключается, конечно, из меню и всякая свинина.

Деликатесным и в то же время почетным кушаньем считается по традиции мясо дичи. Ан. Мукба рассказывает, как в Измите молодой хозяин по фамилии Багателя пошел со своей древней абхазской кремневкой в ближайший лес и, пока накрывали стол, доставил для угощения далекого дорогого гостя несколько подстреленных на скорую руку вальдшнепов (ацыблыкькуа)⁷⁰.

Знаменитую абхазскую универсальную соль с красным перцем и специями, широко известную под названием «аджика», заморские абхазы также хорошо знают, как и на ее родине — в Абхазии.

На квартире у Ердема Аншба (Анаш) — начальника таможенной службы порта Стамбул и его жены красавицы-турчанки Ещым, — пишет в своих воспоминаниях о недавней поездке в Турцию, Сирию и Египет Заира Цвижба, — «нам накрыли стол из абхазских блюд: мамалыги, фасоли, солений, сыра-сулугуни, кислого молока, которое у них постоянно в меню, курятины с ореховой подливой, аджикой, но без спиртного»⁷¹.

5. Брак и семья

Турецкие абхазы женятся в основном только на своих же соплеменницах, а также на убыхках и черкешенках, чему способствует и то, что эти народы очень близки между собой по культуре, обычаям, языку. При этом не очень еще редки факты умыкания невест как внутри своей группы, так и за ее пределами, а в прошлом похищения были частым явлением (например, лет 70 тому назад молодой абхаз по имени Есхак Папба насиль-

⁷⁰ «Авангард», 17 марта 1989 года.

⁷¹ Заира Цвижба. Соединить два берега. Из зарубежного блокнота, «Советская Абхазия», 24 мая 1989 года.

ственно увез черкешенку, заткнув ей рот войлочным мячиком, чтобы она не могла кричать).

С турками браков абхазы, как правило, не заключают. Но именно как правило, а исключений, особенно за последнее время, не так мало. Только в прошлом сравнительно очень редко встречались смешанные абхазо-турецкие браки: ни абхазы не женились на турчанках, ни турки на абхазах. «Я этого не видел и не слышал», — говорил Хусин Авидзба. Это же подтверждают и другие наблюдатели. Например, Назиф Агрба сказал: «Абхазы не выдают своих девушек туркам, а если кто-нибудь из последних похитит абхазку, то все равно отберут обратно». Такое положение некоторые объясняют тем, что турчанки закрывали свое лицо чадрой, а абхазки — нет. Это, конечно, не означает полного отсутствия или запрещения брачных союзов между представителями абхазской и турецкой национальностей. Они все же встречаются, особенно в верхушечных слоях общества. А дочь Албуза Маан, близкого родича Каца Маан, жившего в Стамбуле и Измите и пользовавшегося большими привилегиями, попала в гарем и, как говорят, родила султану Абдул-Гамиду (Хамиду) сына. Браки заключаются в основном в своей этнической среде, а также между абхазами, с одной стороны, и черкесами и грузинами⁷², с другой.

Свадебные обряды турецких абхазов, в отличие от наших, не отличаются такой сложностью, а пиры — такой многолюдностью и пышностью, что частично объясняется отсутствием у них спиртных напитков — вина и водки, а свадебное меню у бедняков ограничивается в основном только мамалыгой и вареным мясом. Как рассказывают, за столом многие держат голую кость от зарезанного на пир животного и ударяет ею по столу, аккомпанируя танцам.

Иначе выглядят свадьбы представителей имущих слоев населения. Приведу рассказ Мамета Авидзба об одной абхазской свадьбе в Турции.

Махтыбей Джир-ипа (Ардзинба), женившийся на сестре крупного абхазского феодала-дворянина Албуза

⁷² В своих дневниковых записях Заира Цвижба рассказывает о встрече в Турции с 9-летним грузинским мальчиком Ерманом Кобаидзе, одетым в черкеску, и его матерью-абхазкой из известного рода Званба.

Маан, устроил по случаю своего бракосочетания пышный и многолюдный свадебный пир со скачками с призами и другими зрелищными представлениями. Один из участников, настроенный, видимо, против хозяина, подошел к последнему и сказал: сегодня, правда, здесь много народу, но если, вернувшись домой, кто-нибудь спросит, что было интересного на свадьбе Махтыбея, то нам нечего будет ему рассказать.

— Разве! — отозвался хозяин, а затем, не долго думая, добавил: вот еще что было интересного. Сказав это, он выхватил пистолет, но люди успели предупредить кровавое преступление.

Было ли это так или нет, сказать трудно, хотя не доверять рассказчику у нас нет никаких оснований. Но если это действительный факт, то чего в нем больше — дикой жестокости, несовместимой к тому же с обычаем гостеприимства, или своеобразного проявления традиционного «закона гор», не оставляющего безнаказанным сознательное публичное оскорбление чести и достоинства человека?

Турецкие абхазы живут в основном малыми семьями, но кое-где все еще встречаются и большие семейные коллективы, состоящие иногда из пяти и даже больше поколений. В состоятельных семьях большее внимание уделяется, в частности, эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Идею спасения мира красотой абхазы выразили по-своему. «Красота сто недостатков скроет» (Аџшзара шэ-грак ацэахуент), — говорят они, подчеркивая этим силу воздействия прекрасного на душевное состояние, ум и чувства человека. Широкой известностью пользуется Кереман Халис Едже. Она потомок абхазских переселенцев, происходит из старинного рода бзыбских крестьян Ебжноу, сейчас ей около 80 лет и живет в Стамбуле. В свое время — на Всемирном брюссельском конкурсе красоты 1932 года — была признана красивейшей в мире. О бывшей «Мисс мира» О. Бегуа рассказывает в своей книге по истории абхазов, а недавно в дар Абгосмузею прислал и ее фотографию, взятую из турецкого журнала тех лет⁷⁴.

⁷³ См. комментарий З. Цвижба к статье В. Шакрыл «Сухумская красавица: впереди финал», «Сов. Абхазия», 23 июня 1989 года.

⁷⁴ Вспомним и прекрасную парижанку Мэри Шервашидзе, также вдохновлявшую в свое время поэтов и художников и волею судеб закончившую недавно свою жизнь вдали от родины.

6. О родовом составе абхазского населения Турции

В Турции представлены почти все абхазские фамилии, в том числе и те, которые в самой Абхазии уже не встречаются. По своему количественному составу они самые разные — от одного двора до двухсот и даже больше. Говорят, например, что род Капба насчитывает 202 двора, Авидзба — 150, Шамба — свыше 100 и т. д. Громадное большинство фамилий — деревенские жители, в городах сравнительно мало (в Стамбуле, например, встречаются Арютаа, Бигуаа, Гечба, Жиба, Званба, Папба, Трапш, Хватыш, Цугба и др.). Из фамилий бывших князей и дворян можно назвать, например, Ачба, Гечба, Званба, Инал-ипа, Маан (их больше всего в области Хендек), Маршан, Мканба, Чаабал, Чачба, Яшба (Эшба)⁷⁵ и др. Гораздо больше, конечно, крестьянских фамильных групп, например, Абухба, Агрба, Ажиба, Акусба, Амичба, Аншба, Ардзинба, Арстаа, Ахба, Ашхаруа, Ашуба, Багапш, Бганба, Бутба, Губаз, Кобахия, Куадзба, Куджба, Купалба, Палба, Цугба, Цвижба, Чанба и др. Назовем и несколько фамильных имен, которых не стало в Абхазии: Адзба (Азба), Акушба (Акушба), Алацба (Алатцба), Авхаа (Аџхаа), Атейба (Атейба), Аублаа, Баалоу, Гардан, Таскуач (Таскуач), Хвмар (Хѣмар), Цвацваба (Цѣатцѣаба) и др. (см. более полный список в приложении).

Фамилии турецких абхазов, часть из которых приведена здесь в своей «натуральной» форме, сохраняются

⁷⁵ Интересные сведения об этом старинном и некогда широко распространенном абхазском роде, представители которого живут в районе Адапазары-Хендек (с. Тагуарек), содержатся в упомянутом выше письме студента Бюлента Эшба. По его словам, которые основаны на сообщениях отца и других старших сородичей, он принадлежит к фамилии Эшба, точнее Яшба, отца звали Шабан, деда — Ибрагим, а прадеда — Альяс (Ильяс), который во время переселения с трудом добрался до Гиресуна и там скончался. Деду тогда было всего лет 6—7. Альяс с отцом Акуном и братьями жил в Цебельде (Цабал). Как рассказал другой старый родич из той же деревни, дед Акуна был известен в Цебельде под именем Бедрук (Бадрыкуа), отец — Безрук (Базрыкуа), у самого Акуна был сын Хатажук (Хатажѣкуа), внук — Абаджа (Абаџа) (все они умерли в Абхазии), только правнук Акуна — Шайб похоронен в Турции, а праправнук по имени Раиф, сообщивший об этой генеалогии, жил еще тогда, когда отправлял студент свое письмо ко мне, и ему было тогда (1970 г.) лет 75.

по традиции лишь для внутриэтнического использования. Юридической силы они не имеют. Для официальных целей дедовскую фамилию или изменяют до неузнаваемости (так из «Бигуаа» получилось «Бюйюка»), или берут какое-нибудь приглянувшееся арабское или турецкое слово и присваивают его себе в качестве «паспортного» имени (например, в документах Орхан Шамба значится под фамильным именем «Чакар»)⁷⁶. Исчезли также все традиционные мужские и женские личные имена, причем все это является одним из элементов политики денационализации иноэтнической общности. В. Кукба писал: «Надежда моя найти проф. Бутба через Константинопольский университет не увенчалась успехом, так все фамилии переделаны на турецкий лад, а я не знал, как называют проф. Бутба по-турецки» (потом ему все же удалось встретиться с ним где-то под Константинополем)⁷⁷.

7. Язык и фольклор

Самым важным признаком национального самосознания является язык. Сохранили ли, и в какой степени, зарубежные абхазы родной язык?

Одним из главных и достоверных источников по этому вопросу, как и по другим, являются сочинения и устные свидетельства проф. М. Ш. Бутбы. На основе латинского алфавита он написал, а в 1919 году типографским способом издал в Стамбуле отдельной книжкой букварь для детей турецких абхазов на 34 страницах малого формата. Характерно и внешнее оформление этой книжицы: на лицевой стороне обложки имеется фотоснимок пятерых вооруженных абхазов, одетых в черкеску (двое полулежат впереди, а другие стоят позади). На обороте — изображение какой-то печати, по-видимому, эмблемы абхазо-черкесского общества в Турции. Книга называется так: «*Cerques elifbe apsifsele. Vizviz: Abitp M. Aşıqse 1. Istampail, 1335—1919*», то есть: «Черкесский букварь по-абхазски. На-

⁷⁶ У самих турок фамилии были введены только в 1934 году и еще не совсем успели прижиться.

⁷⁷ ЛО ААН, ф. 800, оп. 6, № 277, л. 1—6.

писал: Абитб М. Год. 1. Истамбул, 1335—1919». Кроме того, на обложке мы читаем: «Ariy afşeki, alserre zimov yirbeit, yirguerpheyt», то есть: «Эту книгу имеющие силу просмотрели и утвердили».

Этот букварь, заслуживающий специального изучения, несомненно является одним из важнейших памятников культурной жизни наших зарубежных соотечественников, свидетельствующих, в частности, о том, что турецкие абхазы и их дети сохранили свое национальное самосознание и свой родной язык. Опыт создания букваря, пусть и страдающего недостатками, и прохождение по нему грамоты на родном языке в абхазских селах Турции являлось выражением борьбы турецких абхазов, чтобы окончательно не ассимилироваться, за сохранение своей национальной самостоятельности. Однако фактически почти никакого практического применения учебник не имел и дальнейшего развития дело школьного обучения родной грамоте не получило, как впрочем это имело место и в отношении создания азбук на языках других нацменьшинств Турции⁷⁸.

Тот же проф. М. Ш. Бутба во время встречи с абхазской интеллигенцией летом 1920 года утверждал, что все двести тысяч абхазов, проживающих в Турции, говорят по-абхазски, никто из них не забыл родного языка; на сходках и собраниях, как и у себя дома, пользуются только абхазским языком. Хотя они знают и турецкий язык, но не так хорошо, как родной, причем далеко не все⁷⁹. По свидетельству Н. Агрба, жители таких сел, как Гума и Цгу, возможно, и вовсе не знают турецкого языка, ибо до революции не было там поблизости турок. Даже некоторые турки, живущие среди абхазов, говорят на абхазском языке. В с. Соук-су (Джгерда); вилайет Сакарья, все без исключения говорят по-абхазски⁸⁰ и т. д.

Около сорока лет французский ученый Ж. Люм-зиль занимался изучением кавказской филологии —

⁷⁸ Например, по инициативе группы турецких грузин в 20-х годах колонией грузинских католиков был издан детский учебник родного языка в Стамбуле, но дело кончилось тем, что правительство пресекло это мероприятие (см. статью С. Джикия в газ. «Заря Востока» от 29 января 1946 года, № 21).

⁷⁹ «Апсны», 28 августа 1920 года, № 31.

⁸⁰ Сообщение выходца из этого села экономиста Эрола Кылыч (Куталиа) (Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 503).

языков и фольклора убыхов, черкесов и абхазов, проживающих в Турции, и по этой тематике им написан целый ряд работ. Главными источниками, из которых исследователь черпал необходимые материалы, являлись живые носители названных языков. При этом он опирался главным образом на людей, которые одинаково пользуются не только одним, но двумя и даже тремя родственными языками, как своим родным языком — абхазским, убыхским, черкесским. И таких информаторов Ж. Дюмезилю посчастливилось найти несколько человек⁸¹.

Так он опубликовал убыхские тексты «двуязычников», то есть одинаково хорошо владеющих убыхским и черкесским языками. Этими «двуязычниками» являлись два убыха — один по имени Ильяс, а другой — Тефик Есендж. Последнему особенно много обязан как французский, так и другие исследователи языка убыхов (норвежский лингвист Г. Фогт)⁸².

Проверочное редактирование убыхских текстов осуществлялось при помощи двух черкесов, для которых черкесский язык является родным. Один из них жил в Турции, потом в Сирии, затем работал в доме фонда Толстого под Парижем и, наконец, уехал в Нью-Йорк, а другой изучал в Париже статистику. Первого Ж. Дюмезиль посещал в течение 3-х лет два раза в неделю, а второй 4 года был его постоянным сотрудником. Кроме того, к своим последним публикациям на убыхском языке автор приложил черкесские версии — кемиргойские Кубе Шабана и кабардинские Андемира Ашкина. «Благодаря этим версиям, — пишет Дюмезиль, — для сравнения убыхского языка с двумя разновидностями родственного ему языка в настоящее время имеется обильный и разнообразный материал, в котором различия заметны также четко, как и соответствия».

После таких многолетних интенсивных работ по собиранию и изучению текстового и прочего материала

⁸¹ Ж. Дюмезиль. Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. V. Абхазские этюды. Париж, 1967.

⁸² В настоящее время очень небольшие группы остаточных убыхских поселений встречаются в районе Богазкёя, Даганчай и др., причем знающих родной язык осталось, может быть, десятка два-три, основная же масса ассимилировалась главным образом в адыгской, меньшая часть в абхазской, а также турецкой этнических средах.

по убыхскому и черкесским языкам автор. переходит к другому языку этой группы — абхазскому. «Над изучением этого языка, — пишет он, — я работаю вместе с Зюлькюфом Хас вот уже около 10 лет»⁸³. Дюмезиль считает, однако, что для сравнения на месте убыхского языка с абхазским обстоятельства не были благоприятными. Он пишет, что в двух деревнях — Хаджи Осман Кёй и Хаджи Якуб Кёй — имеется достаточное количество убыхов — около 30 человек, чтобы разговаривать на своем убыхском языке, но и они двуязычны, так как свободно знают и черкесский язык, как и в других местах. Следовательно, их двуязычие носит такой же характер, как и Тефика Есенджа: убыхский и черкесский. Но, указывает далее ученый, так было не всегда. «Дедушка Тефика по материнской линии Ибрагим, родом из эмигрантов, говорил по-убыхски и по-абхазски, но не по-черкесски. Но среда в этих двух деревнях была в основном чисто черкесская, и период жизни двух поколений оказался достаточным, чтобы исчез вспомогательный язык, ставший ненужным»⁸⁴.

Только в 1958 году в другой области, на южном берегу озера Сапанча, где Дюмезиль начал свои исследования еще в 1930 году, он смог встретить одну женщину, владеющую абхазским и убыхским языками, и даже двух людей, говорящих одинаково хорошо на трех языках — абхазском и убыхском языках и на одном из западночеркесских диалектов. Но один из них по имени Чизамыгва Хюсейнбей из Киркпинара, которого Дюмезиль знал с 1930 года, умер. Ханума Хандан из Машукке, знающая два языка, в 1960 году помогла ему перевести на убыхский язык сотни пословиц из книги Д. И. Гулна и два абхазских текста из предыдущих публикаций (впрочем, замечает он, ее убыхский язык не был вполне безупречным). Больше содействия французскому лингвисту оказал владеющий тремя языками Хаджи Хусейн из Курт-Кёя, входящего в большую деревню Яник у Киркпинара. «Он перевел многие тексты Зюлькюфа на такой убыхский язык, в котором Тефику пришлось мало что изменить»⁸⁵. Дюмезиль работал с ним два летних периода и восхищался им, как и Тефи-

⁸³ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 2.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, с. 3.

жом, видя, как из его уст свободно и легко выходили соответствующие убыхские и черкесские эквиваленты времен, превербов, частиц и аффиксов абхазского глагола, или же в обратном порядке — абхазские эквиваленты оборотов и форм, свойственных убыхскому языку. Но смерть Хаджи положила конец этому плодотворному сотрудничеству.

Наконец, в окрестностях Стамбула пожилая женщина, знающая три языка, по имени Ханума Азиз, убыхка по происхождению, согласилась быть информатором Дюмезиля. Но она говорит не на том диалекте, которым пользуется исследователь, а на другом абхазском диалекте, являющемся ее основным языком, к тому же недостаточно хорошо владеет убыхским и черкесским языками. Дюмезиль пишет, что «ее абхазский диалект принадлежит к диалектам, различающим две серии шипящих губных звуков. В ее понимании фонемы, которые меня так затрудняли при изучении убыхского языка (s° , z , $\check{s}^{\circ}$, $\check{z}^{\circ}$), совершенно идентичны, как это, кажется и мне. Я не надеюсь найти других двуязычных людей»⁸⁶.

С 1961 года Дюмезиль работал в Стамбуле. Туда он часто приглашал Зюлькюфа и Тефика Есенджа, причем последний переводил на убыхский язык абхазские тексты, которые предварительно были продиктованы исследователю Зюлькюфом Хас⁸⁷.

Книга «Абхазские этюды» начинается с общего описания говора основного информатора автора по абхазскому языку — Зюлькюфа Хаса (по метрике Зюлькюфлю Хаса). Это был 40-летний абхазец, который служил в муниципалитете Стамбула, родом из деревни Юзункаорман, вилайет Сакариа (район Адапазары). Он сообщил Дюмезилю, что говорит на бзыбском диалекте, что подтверждается и некоторыми чертами фонетического и морфологического характера. «Впрочем, он полагает, — пишет автор, — что в абхазском языке, собственно говоря, нет диалектов; по его мнению, есть лишь люди, которые говорят правильно, — это и есть бзыбский язык, а другие говорят на диалекте бозук или каба, то есть на испорченном или народном языке»⁸⁸.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, с. 4.

После предисловия, из которого заимствуются в основном эти сведения, и краткого грамматического очерка абхазского языка, в книге даны 11 текстов на двух, трех или четырех языках — абхазском, убыхском, адыгском и кабардинском, а также в переводе на французский язык. Только текст № 11 дан на одном абхазском языке, так как он очень близок к ранее опубликованному автором рассказу на черкесском и убыхском языках.

Оригиналы этих текстов, за редким исключением, абхазские. К ним приложены версии на убыхском, западно-черкесском и восточно-черкесском языках. А когда оригиналом является убыхский текст (№ 3), то и к нему автор дает абхазский и черкесский варианты. После всех вариантов идут примечания, причем примечания к абхазским текстам более развернутые. Все слова первых пяти текстов и примечания автором подвергнуты анализу по составляющим их элементам с применением принятых им условных знаков. Переводы выполнены по оригиналу и дословно.

Книга кончается описанием поправок к II—III томам «Анатолийских материалов» Ж. Дюмезиля. Поправки эти по поручению автора и при сотрудничестве Тефика Есанджа выполнены другом Дюмезиля — Жоржем Шарашидзе, профессором школы живых восточных языков, который с 1963 года также занимается изучением абхазо-адыгских языков. С этой целью в 1965—1966 годах он жил в Турции и работал там с местными абхазами и черкесами. Профессор фольклора Анкарского университета Пертев Н. Баратов снабдил все тексты фольклорными указателями. «Зюлькюф колеблется, — пишет Дюмезиль, — когда у него спрашивают о происхождении этих рассказов. Мне кажется, что за исключением текстов 1, 3, 10 и 11, ни один из них не является чисто кавказским. Это — турецкий фольклор в абхазском переложении»⁸⁹.

Как сказано, наряду с широко распространенными у многих народов мотивами и сюжетами, в записанных Ж. Дюмезилем абхазских текстах встречаются и отдельные оригинально-абхазские фольклорные сюжеты. Таков, например, рассказ под названием «Умная де-

⁸⁹ Там же.

вушка» (текст XI), посвященный теме предбрачного испытания, причем существует и близкий к нему убыхский вариант.

Кроме того, в авторских комментариях к этим текстам можно почерпнуть некоторые, правда, не очень значительные, но все же ценные сведения о прошлом и настоящем турецких абхазов, в частности, о их этнографическом быте. Некоторые стороны этого быта подверглись все-таки не столь радикальным изменениям, несмотря на столетие со дня выселения и неблагоприятные условия для развития их национальной культуры.

В этом смысле характерен следующий эпизод, о котором сообщается Ж. Дюмезилем в его книге. Говоря об условиях фиксации предания «Дагуа-ипа Закарейа» (текст III), автор пишет: «Однажды октябрьским вечером 1961 года Тефик Есендж и я были приглашены к Зюлькюфу Хас, который хотел нас представить своим родителям. Его отец передал этот рассказ по-турецки, но на следующий день он отказался продиктовать его мне по-абхазски, считая, что он неприличен и что если представители племени Маан, которых много в абхазских деревнях области Хендек, узнают об этом, то это вызовет вражду с их стороны. Тефик этого не побоялся, и, спустя несколько дней, он продиктовал его мне на убыхском языке. Впоследствии Зюлькюф согласился перевести его с убыхского на абхазский под контролем Тефика, не ручаясь за точность»⁹⁰.

Читая «Абхазские этюды», поражаешься тому, насколько мало изменился и сам родной язык турецких абхазов. Достаточно сказать, что во всех одиннадцати абхазских текстах общим объемом свыше 30 печатных страниц лишь единичные слова и термины могут быть непонятными современному читателю-абхазу из Советской Абхазии. Это свидетельствует о значительности количества говорящего на нем населения, не потерявшего свои национальные особенности, и о необычайной живучести и консервативности языковых форм, которые не легко поддаются радикальным изменениям даже в неблагоприятных условиях и сохраняются в течение столетий.

⁹⁰ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 74.

Даже в турецких гаремах, где, по словам Ж. Дюмезиля, «повелевали кавказские женщины», была не только слышна абхазская речь, наряду с другими «черкесскими» языками, но ее усваивали и другие обитательницы сераля, как это засвидетельствовано, например, тем же знаменитым исследователем кавказских языков и традиций в Анатолии. Вот что мы у него читаем:

«Хандам Ханым имела интересное происхождение. Она негритянка. Войдя в гарем еще совсем ребенком, она выросла на службе у кавказских женщин, которые повелевали там. Так она усвоила убыхский и абхазский языки. Она также говорит по-цыгански. В данное время, возможно, ей лет 70. Живет она со своим сыном Ахметом..., невесткой и тремя внуками (Тимур, Тахир и Гюльсель). Я его знаю с 1960 года, в Машукие, где он занимался перевозкой прекрасных яблок... Хандам Ханым знакома со мной через посредство Хазиз Ханым, которая знает два языка: убыхско-абхазский. В районе Манияс двуязычность только убыхско-черкесская»⁹¹.

У меня сохранились выписки из одного трогательного письма абхазского мальчика из Турции, датированного 10 мая 1966 года. Он пишет брату своего деда, упомянутому выше старому куланурхвинскому жителю, ныне покойному Мамету Авидзба. Письмо фактически содержит бесхитростную характеристику состояния абхазского языка в некоторых населенных абхазами областях Турции. В нем мы находим такие слова (оставляю все, как в оригинале): «... Ихсан Дузчи служит. Он очень хорошо живет. В которые мы имеем на селении сельское хозяйство; есть у нас люди, которые они там еснет (?) и собирают урожай. Население там мы имеем дома, одновременно Дузчи то же имеем дома. Мы, начиная с маленького и взрослого, разговариваем на абхазском языке. Среди нас нет ни одного человека, чтобы он не знал абхазского языка. Везде мы разговариваем на абхазском языке. У вас, оказывается, есть школа на абхазском языке; об этом мы узнали. Из ваших детей кого-нибудь есть или нет окончившие учебное заведение. Об этом Вы напишите нам. Наши Гума переименовали (в) Дируин, т. е. мы раньше называли Гума, а теперь мы называем село Деруин. На этом село про-

⁹¹ Там же, с. 36.

водили электрификация, одновременно Деруине открыли школа... Когда мы получили Ваше письмо, я пошел Хаджи Изерту, он с руки мне взял и поцеловал письмо. И он заплакал...»⁹².

Конечно, не все турецкие абхазы могут сказать, что «среди нас нет ни одного человека, чтобы он не знал абхазского языка», но что есть населенные пункты с преобладанием живой абхазской речи и что в целом их не так уж мало можно считать установленным фактом, как в этом мы сами могли убедиться во время своего путешествия по Турции летом 1968 года. Тем не менее существование там слишком неблагоприятных условий для развития абхазского языка не нуждается, конечно, в доказательствах, независимо от таких, правда, небольших, но характерных фактов, как указанное в приведенном письме упразднение с легкостью необыкновенной абхазского топонимического названия Гума, проникшего туда так же вместе с нашими махаджирами.

Самым характерным в жизни турецких абхазов в языковом отношении является то, что многие из них свободно говорят на двух, трех и даже четырех языках: абхазском, убыхском, черкесском и турецком. Ж. Дюмезиль в своем письме ко мне от 26 января 1964 года сообщал: «В Турции, где я работаю ежегодно, я встречал абхазцев, владеющих несколькими диалектами, но они не знают как называется диалект, на котором они говорят. Один из этих абхазцев продиктовал мне множество интересных текстов, которые были переведены по моему распоряжению на черкесский и убыхский язык «двуязычниками». Раньше у меня было трое «триязычников», владеющих абхазским, убыхским и черкесским языками, но теперь остался в живых только один, или точнее одна из них. Впрочем, есть и «двуязычница», которая говорит на абхазском и убыхском языке: «двуязычников», владеющих абхазским и черкесским, гораздо больше».

Есть немало сел, где говорят только на одном — абхазском — языке. «В Дюзче только слышна абхазская

⁹² Из письма Ихсан Озер Орман Текникер Окулунда Лаборант Мамету Авидзба из Дузчи Болу в Турции от 10 мая 1966 года. См. также «Амцабз», 6, 1966 г.

речь», — говорил И. Григолия. Омар Бегуа преподнес ему свою визитную карточку, на обороте которой он написал с помощью латинского шрифта трогательное четверостишие на чистейшем абхазском языке. Вот фотокопия текста этого стиха:

Аиҳабцәа рнапы ҳагузуеит,
Аицбацәа рылақуа ҳаргузуеит,
Ақулацәаггы ҳамышыныхәа рауат,
Ишәыхына еицҳахьаат!

Перевод (подстрочный):

Старших руку мы целуем,
Младших глаза мы целуем,
И сверстникам желаем счастливого дня,
И пусть будет с нами то же, что и с Вами!

Все это показывает, что абхазская устная речь звучит еще во многих деревнях и городах Турции в своей, если можно так выразиться, первозданной чистоте, без каких бы то ни было существенных изменений фонетики, морфологии или синтаксиса, и, как видно по всему, будет жить долго. А, может быть, «если будет на то господня воля», воспрянет еще и покажет свои силы к новой жизни и развитию, в отличие от ближайшего родственного ему убыхского языка, звуки которого, не слышимые на его кавказской родине вот уже более ста лет, замолкнут скоро и за морем, не выдержав, по малочисленности его носителей, конкуренции с ассимилирующими языками, прежде всего турецким.

Проф. В. И. Абаев в личном письме сообщил мне весной 1966 года, по возвращении из поездки в Париж, следующее: «Одновременно со мной в Париже оказался знаменитый убых Тефик Эсенч. Я записал от него на магнитофонную ленту два убыхских сказания и одну черкесскую песню... Насколько могу судить, это будет уникальный в Советском Союзе документ звучащей убыхской речи, которая, увы!, исчезнет скоро с лица земли...».

Ж. Дюмезиль в одном из писем 1964 года сообщал, что у него имеются значительные записи абхазского фольклора, делавшиеся им во время своих неоднократ-

ных посещений Турции, что он на днях снова уезжает в Анатолию «на сбор урожая к последним убыхам», что этим летом он, «может быть, проживет немного у абхазцев в деревне Адабазар». А через год в Майкоп адыгейскому фольклористу Аскеру Гадагатлю он писал в 1965 году: «... я очень хорошо поработал особенно с убыхами и абхазами».

И. Григолия привез из Турции грамзапись нескольких песен и текстов на чистом абхазском языке, сделанную им в 1965 году: «Героическая песнь» в 2-х вариантах, «Песнь Аиргь» и др., нартское сказание — «Песнь матери Нартов» («Сатаней — Нарта ран лашэа»), новый вариант легенды об Абрскиле («Абрцкь-ыл»)⁹³ и др. Он рассказывал, что Омар Бегуа, познакомившись с изданными в Москве абхазскими нартскими сказаниями, сказал: «Это очень хорошо, но я не совсем согласен с составителями: у абхазов нартский эпос представлен гораздо шире и богаче».

У турецких абхазов в какой-то степени еще сохраняются старинные национальные песни и танцы, а также отчасти и некоторые народные музыкальные инструменты (двухструнная скрипка «апхьарца», в меньшей степени свирель «ачарпан» и др.), но собиранием и изучением все более исчезающих уникальных материалов музыкального фольклора никто никогда не занимался и не занимается по сей день, в результате чего, можно сказать, с каждым днем деформируются и уходят в небытие редчайшие страницы духовной культуры абхазского народа.

Зарубежные абхазы проявляют, естественно, огромный интерес к Советской Абхазии, к быту и культуре абхазского народа. Характерно в этом отношении письмо, полученное мною весной 1970 года от студента III курса географического факультета Стамбульского университета Бюлента Эшба. Он пишет, в частности, что писать и читать по-абхазски его научил, как и многих других, Омар Бегуа. «Я прочитал Вашу книгу под названием «Из истории абхазской литературы». Она мне премного понравилась. Но вместе с тем, много

⁹³ Легенду об Абрскиле знали, по-видимому, и убыхи. Рассказ об «убыхском Прометее» записан в Турции в 1955—1956 годах Ж. Дюмезилем и А. Намитоком со слов одного из лучших знатоков убыхского фольклора.

нию, не очень много, но они все же помогают составить представление о жанровой специфике и современном творчестве наших заморских соплеменников.

Научный работник Абхазского государственного музея Р. Гожба в настоящее время готовит к печати большой сборник почти всех жанров национального фольклора турецких абхазов, включая ранее им опубликованные, — фрагменты народного эпоса, сказки, историко-героические песни, предания, пословицы, поговорки и др., составленный, можно сказать, целиком по любительским записям потомков самих махаджиров, сделанным корреспондентами составителя в недавнее послевоенное время. Объемом свыше 20 печатных листов, сборник неопровержимо свидетельствует о том, что очень многие абхазы, проживающие в Турции, продолжают еще сохранять в чистоте как свой родной язык, так и образцы уникальных произведений устного народного творчества⁹⁷, хотя уже и не без некоторого влияния традиций турецкого или другого иноязычного фольклора.

В целом, однако, отсутствие всякого содействия со стороны властей и ассимиляторская политика делают перспективы развития национального языка и культуры турецких и других зарубежных абхазов не радужными. Тем более необходимо предпринять все возможные меры для их сохранения и дальнейшего развития.

8. Религия

В Абхазии и до махаджирства ислам успел пустить значительные корни, причем разжигавшийся турецкими агентами-фанатиками «вопрос веры» (адин-ус) был (по крайней мере для части населения) одной из причин самого выселения. Оказавшись же в самой Тур-

⁹⁷ Дополнительные оригинальные версии нартских сказаний турецких абхазов, записанные Джамалом Харания и др. со слов разных современных сказителей, — «Нарт Сасрыква» (два варианта), «Выдж и Нарт Сасрыква», «Гунда Прекрасная и Айлахвба Хьгу» и «Нашьбабух» — см. в новой публикации Р. Гожба «Сказания турецких абхазов» («Алашара», 5, 1989, с. 81 сл.). См. также замечательные материалы того же автора в «Трудах Абгосмузея»: Сухуми, 1980, вып. V, с. 38—64.

ции — цитадели мусульманства — они полностью восприняли учение Магомета, уверовав, что последний действительно является посланником самого Аллаха, причем; по словам М. Ш. Бутбы, особенно придерживаются догматов этой религии представители старшего поколения, а также дети.

Некоторые правоверные мусульмане из абхазов совершали паломничество в Мекку, как, например, Албуз и Камлат Мааны, которые, как рассказывают, три месяца находились на этой «священной» земле (хаџра ицент) и умерли там.

Как и турки, от которых восприняли ислам, все верующие абхазы являются мусульманами-суннитами (суннизм, в отличие от шиизма, считается основным, ортодоксально-правоверным направлением в исламе). «Абхазов-христиан в Турции нет, — говорил Мамет Авидзба, — турки заставляли их всех перейти в мусульманство». Масса верующих до сих пор неукоснительно выполняет все предписания ислама, в том числе придерживается запрета в отношении не только свинины, но и вина. По словам того же старика, махаджиры, как и все другие абхазы, очень любят вино, но у себя дома пить его не могут, поэтому, если хотят нарушить религиозный запрет, едут в город, где все подобные обычаи соблюдаются вообще гораздо менее строго.

В каждой деревне имеются мечети и муллы, причем многие из этих последних являются абхазами.

Не только христианские, но и значительная часть тех языческих обрядов, которые имели большую силу и широкое распространение в дореволюционной Абхазии, под влиянием ислама махаджирскими мусульманами предана забвению⁹⁸. Но все же некоторые традиционно-абхазские религиозные культы и обряды кое-где, по видимому, сохраняются. А перед первой мировой войной еще довольно широко устраивались, например, общественные моления для вызывания дождя (ацуныхэа), многолюдные поминки с принесением жертв (аџсататэ) и ритуальными скачками (атарчеи) и др. Хусин Авидзба также подтверждает, что турецкие абхазы устраи-

⁹⁸ Имеются сведения о том, что махаджиры называли одну из турецких вершин Дыдрыпшом, но, как видно, она так и не стала для них «священной горой» (Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, с. 42).

вали в его время (1907 г.) моление «ацу», но он, будучи сам истым мусульманином, отрицает бытование других языческих верований, обрядов и молений, которые, по его словам, вытеснены исламом. От необычайно развитого некогда у абхазов языческого культа сохранились лишь жалкие остатки и отдельные с насмешливым оттенком передаваемые воспоминания.

Пожалуй, больше, хотя и в измененном виде, сохраняются похоронные (например, указанные ритуальные скачки) и поминальные обряды, а из них прежде всего поминки по умершим с жертвоприношениями (аџс-хура).

— Как-то раз, — рассказывал Хусин Авидзба, вспоминая свою поездку к турецким абхазам в 1907 году, — я с моим младшим братом шли по селу и попали на чьи-то поминки.

— Смотри, тут готовятся поминки, но почему режут козу, а не овцу, как это положено у нас в этих случаях? — удивился брат.

— Да, сынок, — ответил один из местных стариков, — в Абхазии скота много, а тут мы вынуждены довольствоваться часто одной козой в качестве жертвы душе покойного.

Как мусульмане, турецкие абхазы оставили также оплакивание умерших в форме битья ладонями по голове (у мужчин) и царапания лица (у женщин), ношение траура по покойнику.

Зато они хорошо пока сохраняют представления об Анцва (Анцэа), как главного национального бога абхазов, занимающего в их сознании такое же положение, как Аллах, хотя никаких культовых обрядов в его честь не совершают.

Таковы некоторые вопросы этнографии турецких абхазов, которые, как и другие кавказские выходцы, в течение многих десятков лет подвергаются поглощению и ассимиляции, но, несмотря на это, сохраняют еще, особенно представители старшего поколения, родной язык и некоторые другие свои этнические особенности.

9. Национальное самосознание

У зарубежных абхазов, особенно турецких, сохраняются представления о традиционных этнографических группах, об основных подразделениях абхазской этни-

ческой общности, таких, как садзы (живут в основном между Болу и Измитом), бзыбцы, абжуйцы и др., а также и о более мелких родоплеменных локальных группах, например, халцысах (халцыс), ахчипсуйцах (ахчып̄саа), исхувцах (п̄схэаа), гумцах (гумаа), дальцах, цебельдинцах (далаа, табалаа) и др.

Анзор Мукба записал слова одного из глубоких стариков по фамилии Ванача (Уанаѣа), который, говоря о своем происхождении, сказал так: «Мы и там были ахчипсхувцами, и здесь остаемся ими». Ахчипсхувцы, которые до своего поголовного выселения обитали в районе среднего течения р. Мдзымта, живут сейчас в ряде сел близ Адапазары и Хендека.

Вместе с тем подавляющее большинство абхазов, проживающих ныне в Турции, даже те из них, которые уже совсем или почти не говорят по-абхазски, сохраняют в неприкосновенности и свое общеабхазское национальное самосознание. Каждое их выступление на встречах, каждое письмо к родственникам и друзьям в Абхазии, проникнуто тоской по родине отцов, любовью к ней, неутоленной надеждой воссоединения на земле предков. Слова «абхазы» (ап̄суа), «абхазский народ» (ап̄суа жэлар), «абхазский язык» (ап̄суа бызшэа), «родной язык» (ахатэы бызшэа), «родина» (ап̄садгьыл) и другие понятия и термины, отражающие собой этническое самосознание — ведущий признак этноса, постоянно слышимы в устах едва ли не у каждого из них. Сохраняются даже некоторые этноцентристские представления⁹⁹, и все это поучительный материал для этнопсихологических исследований вообще. «Наши деды, наши отцы, — изливает душу в своем письме Тенгиз Бганба, — умерли, погруженные в грезы об Абхазии и своих братьях в ней. Молюсь, чтобы нам это было не суждено. Да свершится наше единение в пределах Абхазии».

Конечно, не все так мыслят, не все так переживают за судьбу родины своих предков, не у всех такое развитое самосознание, и в этом сказываются не только дистанция времени и пространства, длительные процессы этнической ассимиляции, стремление к приспособлению к условиям страны проживания, не только

⁹⁹ «Я объехал весь мир, но лучшего народа, чем абхазский, встречать не приходилось», — сказал Анзору Мукба один пожилой абхаз по фамилии Хватыш (см. «Авангард» от 17 марта 1989 года).

прямое или косвенное давление властей, но также и узко-классовые и сословные предрассудки, которые еще не совсем изжиты у части абхазского населения Турции. Но таких «космополитов» в целом все же сравнительно очень мало. И это несмотря на неприкрытую политику отуречивания. Еще в начале века, во время беседы с С. П. Басария, стамбульские студенты-абхазы с горечью в сердце говорили ему: «Мы оставили ... Абхазию, думая сохранить свои национальные особенности, а эти ... «тюфяки» совсем хотят отуречить нас; мы теперь настаиваем, чтобы в школах разучивали горское шение, думаем создать свою азбуку, решили не бросать свой национальный костюм»¹⁰⁰.

Развитие национального самосознания, которому содействует и непосредственное знакомство с жизнью советских абхазов, стремление к этническому выживанию подтверждаются не только горячими словами, недостатка в которых нет, но и определенными конкретными делами.

Так, в г. Адапазары, ставшем теперь побратимом нашего Сухуми, в течение ряда лет существует общий абхазо-черкесский клуб, где абхазы, абазины, остатки убыхов, адыгейцы, кабардино-черкесы, вообще представители кавказских народов из окрестных сел и городов время от времени встречаются, проводят свои праздники, концерты национальных песен и плясок, обсуждают вопросы, связанные с родным языком, вообще развитием национальной духовной культуры. Кроме того, по словам А. Мукба, сейчас там собираются, по примеру советских абхазов, построить нечто вроде национального ресторана в виде комплекса традиционного абхазского двора, включая т. н. «большой» деревянный дом «акваскья». Есть и в Стамбуле Кавказский клуб, где также проводятся праздничные и другие мероприятия с активным участием абхазов. Как говорят, имеется там и второй подобный же клуб, который служит местом собраний в основном одних абхазов.

Итак, все горцы Кавказа, живущие в Турции и других ближневосточных странах, хотя известны под именем черкесов, но каждая из этих народностей сохраняет сознание своей этнической индивидуальности и память о своей исторической родине. Этому способство-

¹⁰⁰ С. П. Басария. Избранные сочинения, с. 26—27, 82.

вало и то, что до сравнительно недавнего времени еще были живы старики, которые хорошо помнили свою родину и сохранили острое чувство привязанности к ней (например, еще в 30-х гг. в Турции жил 120-летний Омарбей Инал-Ипа, которому во время выселения было не менее 50 лет и, конечно, прекрасно помнил покинутую «Страну души») ¹⁰¹. Такие глубокие старики, по словам М. Ш. Бутбы, «постоянно говорили об Абхазии, передавая свою любовь к ней и подрастающему поколению. Все хотят вернуться в Абхазию, но особенно этого добиваются те из них, которые имеют образование», то есть интеллигенция ¹⁰². Если они увидят кого-нибудь из Абхазии, то прежде всего спрашивают, сохранилась ли самобытность абхазов (Аџсуара ыџоума Аџсны?), а на народных собраниях молятся, чтобы бог благословил Абхазию (Иа, Апсны Анцџа иныџџа!). Мамет Авидзба вспоминал слова своей бабушки Фендык Цугба, которая, оказавшись в эмиграции, часто повторяла: «О, дети мои, лучше было умереть тогда, когда нам пришлось уходить от русского».

¹⁰¹ С. П. Басария. Редкие случаи долголетия в Абхазии, «Труды» АбНИИКа, в. II, Сухум, 1934, с. 104.

¹⁰² «Апсны» 28 августа 1920 года, № 31.

II. В АРАБСКОМ МИРЕ

1. В стране Шам

Абхазские эмигранты, как и многие другие кавказские переселенцы, которым трудно жилось в Турции, стали расселяться в поисках лучшей доли по всему Ближнему Востоку. Почти в каждой арабской стране можно встретить более или менее значительные группы абхазов, а с недавних пор они рассеяны по всему миру — от Европы и США до самой Австралии и Японии¹.

Новые поселенцы — абхазы, адыги и кабардинцы, основавшие здесь свои довольно обширные колонии, называются у арабов одинаково «черкесами» (шаркис) в основном по причине сходства их обычаев и традиций, а не столько из-за количественного преобладания черкесов. К тому же «черкесы» держали себя несколько обособленно от всех других. До сих пор они сохраняют свою спаянность, особенно в сельских местностях, не всякого допускают в свою среду и не всякий осмелится обидеть их. Один египетский геолог, много лет работавший в Сирии и Иордании, рассказывал, — пишет Л. Е. Кучберия, — как они с возвышенности обозревали (в подзорную трубу) абхазское село, не осмеливаясь войти туда, и как они видели издали стройных абхазских девушек, в длинных юбках разгуливавших по двору². Вначале не было смешанных браков, и даже на свои «клубные» собрания арабов не допускали и т. д. Но все эти «изоляционистские» строгости с течением времени стали ослабевать, хотя некоторые их пережитки все еще дают о себе знать.

В арабском мире наибольшее количество наших за-

¹ Существует одна характерная турецкая поговорка: «Абхаза, хотя бы хромого, найдешь и в Багдаде». Смысл этого выражения состоит в том, что абхаза можно встретить чуть ли не всюду на земле.

² Л. Кучберия. Из этнографии абхазов арабских стран, — «Алашара», № 5, 1971, с. 76 (на абх. яз.).

рубежных соотечественников проживает, пожалуй, в Иордании и Сирии, которую абхазы, как мы уже знаем, называют Шам (Шьам), что выражает собой священную землю, хотя ее «божественность» не избавила кавказских поселенцев от новых тяжелых испытаний судьбы.

Везде, в том числе в Сирии, абхазы по силе возможностей старались выбирать для своих поселений удобные для жизни возвышенные места, напоминающие собой по естественно-географическим условиям родную Абхазию. Черкесы, в том числе абхазы, живут в Сирии (точнее, жили до недавнего времени) в основном в двух близ Дамаска находящихся областях — Эль-Кунейтра (сс. Эль-Мадария и др.) и Хахус — четвертая по величине область страны, а также на Голанских высотах (с начала XX в.), где находилась, в частности, абхазская деревня Момсие (Мумсна), оккупированная Израилем. Небольшие группы абхазских переселенцев встречаются в Латакии, Дору и др. Живут они во всех этих местах не одни, а вместе с основной массой населения — сирийскими арабами. В Дамаске их стало значительно больше после разрушения в ходе военных действий Кунейтры и других близлежащих абхазских деревень, откуда многие переселились в столицу и ее окрестности. Немало абхазов и в столице соседней Иордании, Аммане (здесь особенно много кабардинцев, которые принимали большое участие в строительстве этого города).

Занимаются они в основном земледелием, скотоводством и торговлей, а за последнее время самой престижной трудовой деятельностью для молодых мужчин стала служба в авиации, которую называют «небесной кавалерией».

Вблизи сирийского городка Эль-Кунейтра, в 4-х километрах от него, до израильской агрессии существовала небольшая абхазская деревня под названием Гас-сания. Жители ее до своего поголовного переселения в Дамаск занимались земледелием и скотоводством, пасли свой скот на близлежащих лугах, строили дома, предусмотрев в них, по старой кавказской традиции, «женскую половину» жилища. В составе населения деревни был, в частности, неукротимый абхазский род Абаза. Об одном из них — молодом Валиде Хамди-Аба-

за — напечатан любопытный рассказ в «Комсомольской правде» от 5 июля 1967 года, — о том, как он вступил в Армию народной обороны, а его старший брат стал военным летчиком, как он попал в плен и совершил дерзкий побег из-под страшных пыток, как его родители, покинув насиженные места, вынуждены были, спасая свою жизнь, перебраться в столицу³.

До 1958 года в сирийской армии были специальные подразделения «черкесов», куда входили и абхазы. Была у них и своя национальная форма — носили черкеску. Сирийские летчики по традиции набираются в основном из абхазов. Например, в 1958—1960 годах в Советском Союзе учились и проходили практику 12 человек сирийских летчиков, все из абхазов в возрасте до тридцати лет. Имя одного из них Мамдух Хамди Абаза (из абхазского племени Куджба). По его словам, в 20 километрах от Дамаска имеется одно чисто абхазское село, а его предки жили в Абхазии и переселились в Сирию в 1870 году.

Количество абхазов в Сирии невелико, но фамилий, которыми они представлены, сравнительно немало. Это видно из следующего перечня, составленного по полученным Н. Тарба и другими нашими информаторами данным:

Агрба — переселились сюда из Турции в 1905 году и, по одним рассказам, их количество не превышает 40, а по другим достигает до 500 человек, во всяком случае, составляют одну из наиболее многочисленных абхазских фамильных групп в Сирии.

Агъаш — оригинальная фамилия, неизвестная по другим источникам.

Арюта, Арютаа (Арѳтаа), некоторые ее представители носят и другое имя — по личному имени деда Джаткьар (Цъаткьар) (например, писатель Фадиль Джаткьар Арютаа).

Акукуба, или Кукуба — встречается, по-видимому, только в г. Латакия (там живет, например, Сумар Абаза-Кукуба)⁴.

³ А. Агарышев. Побег из-под пыток. Рассказ сирийского юноши о том, что он пережил за несколько дней плена. — «Комсомольская правда», 5 июля 1967 года.

⁴ Н. Тарба. Указ. соч., с. 27 (почти все сведения, собранные Н. Тарба по фамилиям, сообщены ей очень интересным сирийским абхазом средних лет Изо Агрба).

Апса (Аџса) — представлена единственной семьей из 5 человек.

Ашлидза (Ашлииза) — тоже редкое фамильное имя.

Багба (Баџба).

Быджа (Быџба).

Вадза (Ѡаза) (Авидзба?).

Вардан (Ѡардан)⁵.

Джурта (Ѣурта).

Джаткьар (Ѣаткьар, Ѣаткьараа).

Иазауа — очень редкая фамилия.

Гечба, Агечба, Агеча (Гьечба).

Гуагуа (Гогуа, Гогуаа).

Куджба, Куджа (Куџба, Куџаа).

Кукуа — редкая, происходящая, может быть, от личного имени (как и в ряде других случаев).

Кушба (Акшба?).

Кабрадж (Кабраџ).

Казан, Казанба (Казанба).

Каркуа (Кызаду) (Карџуа, Кызаду).

Кушба (Кушба, Кушба, Кушба).

Лапан, Лапан-Ипа (Лаџан, Лаџан-Иџа, Лаџанаа).

Лейба, Лейа, Лейаа.

Маан, Маана, Маанаа.

Маршан (Маршьан, Маршьанаа). Отмечают три патронимические ветви этой княжеской фамилии — **Тапш** (Таџшь, Таџшьаа), **Урыч** (Урычаа) и **Хирыпс** (Хьрыџс, Хьрыџсаа), названия которых происходят от имен более или менее дальних предков — Тапша, Урыча и Хирыпса. Интересно, что и сам «Маршан» тоже иногда становится личным именем (например, сына Шарафа Абаза Маршан наделили им). Переселились Маршановцы из Турции еще в 1887 году⁶.

Папба, Папаа.

Тарба (Тарба)⁷.

⁵ В газете «Известия» от 15 января 1963 года была опубликована заметка под названием «Он был самым старым человеком в мире», в которой, со ссылкой на сирийские газеты, сообщалось, что в сирийском городке Изаз умер Махмуд Вардан, считавшийся самым старым человеком в Сирии и, возможно, во всем мире. Махмуд Вардан, которому было 163 года, принадлежал, вероятно, к роду абхазских махаджиров Вардан (Ѡардан).

⁶ Н. Тарба. Указ. соч., с. 108.

⁷ Одна из сирийских деревень называется Тарба, если только это неслучайное совпадение с широко распространенной в Абхазии фамилией Тарба (Л. Е. Родин. В стране глубоких колодцев, М., 1962, с. 77).

Трам (Трам, Трамаа).
Уадзыра (Уазыра).
Халбад (Халбад).
Цвацва, Цвацваба (Цэатцэаба, Цэатцэаа).
Цвиджба (Цэыцэба, Цэыцэаа).
Чичба (Чычба, Ччаа)⁸.
Чиква, Чыкуа (Чыкуа, Чкуан?).
Чыча (Шыышыа?).
Шагариа (Шьягъариа, Саѣариа).
Яган (Иаѣан, Иаѣанаа).

В приведенном списке, который, надо полагать, не является исчерпывающим, представлены как собственно абхазские (Агрба, Арютаа, Багба, Куджба, Маан, Маршан, Папба, Халбад, Чичба и др.), так и садзско-абазинские фамилии, причем некоторые из них на их родине полностью исчезли уже давно. Как сказано, за последнее время многие абхазы, спасаясь от израильской агрессии, переселились в Дамаск, где раньше их почти не было. Летом 1969 года Ахмат Куджба в своем письме к автору этих строк сообщал, что следующие шесть абхазских фамилий лишь недавно поселились в сирийской столице: Агрба (Гырбараа), Джаткьар (Цьаткарраа), Яган (Иаѣаныраа), Лапан (Лаѣаныраа), Казан (Казаныраа), Куджба (Куѣбараа).

Обращает на себя внимание то, что почти все сирийские абхазы используют в качестве своей фамилии, наряду с традиционным родовым именем (или каким-нибудь другим новым арабским прозвищем), и свое не племенное, а общеабхазское этническое название — Абаза, что, несомненно, является одним из ярких показателей их высокого национального самосознания⁹. Вместе с тем, к сожалению, некоторые из молодых людей начинают иногда забывать свои древние традиционные родовые наименования¹⁰.

Среди сирийских абхазов немало замечательных людей, принимающих активное участие в деловой и куль-

⁸ «Нас, Чичбовцев, немало здесь. Живут они и в Иордании» (Ачычбакуа хшьардоуп ара), — сказал Шариф Чичба-Абаза (Там же, с. 91).

⁹ В арабских странах, как известно, национальность не отделяется от подданства, но кавказцы хорошо знают свое этническое и родовое происхождение.

¹⁰ Л. Кучберия. Указ. соч., с. 77.

турной жизни страны — литераторы, врачи, военачальники (в том числе генералы и полковники), общественные деятели, бизнесмены и др. По сведениям Н. Тарба и А. Аргун, к ним относятся, например, следующие лица: **Фадиль Арютаа (Джаткьяр)** — известный прогрессивный сирийский писатель, большой друг нашей страны, широко образованный человек, владеющий арабским, абхазским, турецким и английским языками, переводчик 12-томного собрания сочинений Назима Хикмета, произведений Азиза Несина, Эрнеста Хемингуэя и др. (между прочим, женат он на убыхке, которая едва ли не единственная в Сирии представительница своего славного когда-то народа).

Бурхан Трамаа — человек многосторонних способностей, художник и музыкант, травматолог и астроном, вполне прилично говорящий на родном языке, хотя и не так хорошо, как его мать, происходящая из рода Маан, оберегатель традиций отцов и дедов (ему удалось сохранить в неприкосновенности свою фамилию и хорошо помнит очертания своей родовой тамги, которые запечатлела на страницах тетради Нелли Тарба).

Ахмат Куджба (Бакир), или просто «доктор Ахмат», как называют его и абхазы, и арабы, кардио-хирург высшей квалификации, полученной в Москве, где он окончил медицинский факультет и прошел курс аспирантской подготовки, работает в дамасском военном госпитале, поддерживая постоянно тесные дружеские и родственные связи с Абхазией (женат на Ларисе Званба — абхазке из с. Звандрыпш Гудаутского района). Большой популярностью в Сирии пользуются и его отважные родные братья — генерал Мунири (женат на кабардинке), летчик, полковник авиации Саеми и Ануар, который, как и многие другие абхазы, героически погиб в боях за Кунейтру — «столицу» абхазской колонии в Сирии.

Шараф Маршан-Абаза — врач, «министр» здравоохранения обширного района Кунейтры — «второй родины» сирийских абхазских махаджиров, председатель Кавказского общества в Сирии, общественный и государственный деятель, друг Советского Союза (родом из Дала).

Мамдух Маршан-Абаза — «великий»-известный общественный и военный деятель, генерал-лейтенант, ге-

рой войны против израильской агрессии, брат Шарафа (погиб в 1981 году в ожесточенной схватке с врагами).

Уалид Маршан-Абаза — полковник, влиятельный «губернатор» большой области Хама и Хомоса, брат Шарафа (то есть тоже дальний потомок дал-цебельдинских Маршанов).

Рауф Цвижба-Абаза — генерал, командующий войсками на одном из участков ливанской границы (женат на представительнице фамилии Лейба).

Аднан Кукба (Кукуба)-Абаза — генерал авиации, а его брат **Сумир (Талат) Кукба-Абаза** — капитан морской службы.

Руфет Чичба — полковник танковых войск.

Ауаз Агрба — полковник и др.

Характерно, что несколько человек из перечисленных здесь бсееых военачальников дала стране только одна абхазская деревня под названием Гасаниа, которая находится сейчас под оккупацией Израиля, причем на счету только одного из них — Мамдуха Маршан-Абаза — четыре сбитых самолета противника.

Наряду с такими широко известными и уважаемыми в Сирии деятелями абхазского происхождения, как Уалид Абаза, Шараф Абаза, Рауф Абаза, «доктор Ахмат» и др., хочется отметить, быть может, сравнительно более скромного, но тем не менее очень интересного человека по имени **Адгель Кушба** — прекрасного сказителя, знатока абхазских преданий, генеалогий, пословиц и поговорок. Встреча с ним, пишет Н. Тарба, явилась для нее «целым открытием»¹¹.

Кое-что из бытовой жизни сирийских абхазов.

Если говорить о национальной пище, то некоторые продолжают готовить мамалыгу (абыста), фасоль, заправленную солью с красным перцем (аджика), употребляют сырныи лепешки (ачашэ), свежий сыр (ашэаза), кислое молоко (ахыртэы), пожилые люди ничего алкогольного не пьют, в том числе и вино. Курят очень многие, не исключая женщин. Национальная одежда в народе, можно сказать, исчезла, за исключением мужской папахи (ахылцарч) и женского головного платка (нередко белого цвета). Еще сравнительно недавно многие мужчины носили черкеску, а голову покрывали башлыком. Это уже отошло в прошлое. Сохраняется

¹¹ Н. Тарба, Указ. соч., с. 77.

пристрастие к оружию и стрельбе в цель (ацэ́къара). Дали пострелять из пистолета и нашей Н. Тарба.

Удивляет живучесть некоторых архаических абхазских традиций и обычаев даже в самых, казалось бы, неблагоприятных для их функционирования условиях. Это имеет место в основном в области брачно-семейных отношений и системы этикетного общения людей между собой, прежде всего речевого. Сохраняются, например, пережитки похищения невест, традиционные формы древнего обычая избегания и других ограничений между супругами, с одной стороны, и их родственными группами, с другой. 62-летний Рамазан Маршан (из патронимии Хрипсов) рассказывал, что он в течение всех первых 7-ми лет после вступления в брак ни разу не показывался матери вместе со своей женой¹². Зато совершенно не стало сложнейшей системы абхазских языческих верований, ушедших за каких-нибудь сто с лишним лет в небытие под сильным духовным влиянием монополюльно господствующей мусульманской религии.

Малочисленные сирийские абхазы в результате непрерывных браков внутри своей группы стали почти все родственниками между собой. Вследствие этого дальнейшие брачные связи оказались почти невозможными без нарушения обычая т. н. экзогамии¹³ и пренебрежения другими родственными узами. Поэтому они вынуждены заключать брачные союзы с представителями черкесской, а в сравнительно более редких случаях и арабской или другой этнической среды (например, жены Адхама Агрба и Мунира Куджба являются кабардинками). Хотя на браки с арабами многие абхазы смотрят все еще резко отрицательно, не особенно поощряют их и сами арабы, но смешанные абхазо-арабские браки все же встречаются. Например, можно сослаться на женитьбу арабского литературоведа, профессора Дамасского университета Низара Юнасуда на сухумской абхазке Л. Г. Бжания. Этнически смешанные браки,

¹² Там же, с. 108.

¹³ По материалам, собранным молодыми абхазскими корреспондентами по анкете Л. Е. Кучберия, в Иордании, например, экзогамные ограничения среди абхазов уже почти полностью преданы забвению, но это еще нуждается в дополнительном изучении и уточнении (Л. Кучберия. Указ, соч., с. 78).

если бы они приобрели массовый характер со стороны национального меньшинства, оказывают большое отрицательное влияние на функционирование родного языка, который и в семейной жизни постепенно уступает место черкесскому (кабардинскому) и арабскому языкам, хотя процессы языковой ассимиляции имеют место и в жизни тех же кабардинцев.

Созданию новой семьи сопутствует соответствующая подготовительная работа. Господствуют мирные средства заключения брака. Обе стороны в лице старших представителей договариваются «утвердить» решение молодых. Но если родители невесты не дают согласие, то жених нередко похищает свою избранницу, причем этот экзотический обычай является предметом оживленных дебатов среди арабского окружения. В условиях мирного решения вопроса жених платит т. н. «мехр», на что невеста покупает себе белье и свадебное платье, а сама ничего в дом мужа не доставляет. Сама свадьба проводится без всякого вина, жених и невеста сидят в отведенном салоне. Нередки случаи двоеженства. В отличие от арабов, у абхазов многодетных семей почти не бывает¹⁴. Как и в Турции, традиционный брачный домик «амхара» уже почти нигде не строится, он, говоря точными словами Орхана Шамба, «незаметно забрался в поликамерный общесемейный жилой дом», где для молодоженов выделяется отдельная комната (амхара афны иахцэналт).

Может показаться удивительным, но фактом является то, что арабские, в частности сирийские абхазы, несмотря на свою малочисленность, сохранили в чистоте и неприкосновенности свое национальное самосознание, любовь к своему языку и культуре. Это относится ко всем слоям населения, не только к представителям старшего, но и молодого поколения. Об этом свидетельствуют личное общение и переписка со многими из них.

Вот, например, отрывок из письма того же юного сирийского абхаза, который, пройдя затем курс московской вузовской и аспирантской подготовки в университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, стал замечательным ученым-медиком, а теперь является од-

¹⁴ Л. Кучберия. Указ. соч., с. 78.

ним из ведущих хирургов в Дамаске: «...Прежде всего, я хочу представиться. Я один из тех абхазцев, которые живут в Сирии. Меня зовут Ахмед Бакир. Я хочу попросить Вас прислать мне несколько книг для изучения абхазского языка. Я могу говорить по-абхазски, но не могу писать или читать. Я изучаю русский язык в Советском культурном центре в г. Дамаске... Как только я выучу абхазский язык с Вашей помощью, я смогу писать Вам по-абхазски¹⁵. В заключение дружески жму Вашу руку. Ваш брат Ахмед». Это тот самый Ахмед Бакир из известного абхазского рода Куджба, которого теперь в Абхазии знают очень многие.

Через некоторое время после этого я получил от его брата письмо аналогичного же содержания:

«Мой брат! Наилучшие пожелания от сирийского юноши его брату в Абхазии. Как я был рад, когда получил адрес одного из абхазских братьев Советского Союза, а теперь я достиг того, чего хотел и могу переписываться и познакомиться со многими из них. Но увы! Я не могу написать Вам по-абхазски, потому что я не знаком с этой письменностью, хотя я говорю свободно по-абхазски. И переписка моя не может идти по-абхазски, если не поможете Вы и другие абхазы, а помочь можно, если бы прислали нам книги для начальной школы и выше, какие сможете, чтобы мы научились вашему письму и чтению... Мне 22 года. Мое имя Ануар Бакир, прозвище мое Куджба. Я из абхазов, живущих в Сирии. Я еще учусь на подготовительном курсе Высшего технологического института в Дамаске. Моей мечтой было продолжить учебу в одном из университетов Советского Союза, после того, как закончу среднюю школу. Я ходил с моей просьбой в Советское посольство, но мне не повезло. Так что я продолжаю учебу здесь, в Сирии. И все же не оставляю мечту учиться в СССР, и особенно в абхазском университете, если есть такой».

Агонирующий родной язык сирийских абхазов, который, судя по всему, является одним из исчезнувших на Кавказе диалектов или говоров абхазского (или абазинского) языка, представляет собой большой науч-

¹⁵ В ответ на мое письмо он сообщал: «Здесь много абхазцев. Но большинство из них забыло абхазский язык, и они говорят по-кабардински».

ный интерес, но изучение его, сопряженное с немалыми трудностями объективного и субъективного характера, еще даже не начиналось.

Ограниченность текстовых материалов, в том числе отсутствие записей, сделанных специалистами фонетически точно, лишает нас возможности для безошибочного определения диалектной принадлежности сирийской абхазской речи, хотя имеющиеся скудные данные позволяют высказать некоторые предположения в указанном отношении. Так, образцы языка сирийских абхазов, приведенные в книге Н. Тарба (отдельные термины, пословицы, предания)¹⁶, в особенности примеры, продиктованные ей замечательным сказителем Адилем Кушба, с которым встречался и А. Х. Аргун в 1979 году, свидетельствуют о том, что информатор, и вообще многие местные абхазы, говорят большей частью на абхазском языке или, возможно, на очень близком к нему садзском диалекте абхазского языка, носители которого — садзский субъэтнос абхазского народа, обитавший в районе Гагра—Сочи, полностью были выселены в Турцию еще в 1864 году. Вместе с тем следует отметить, что они, то есть сирийские абхазы, сохраняют в неприкосновенности и свое **общеабхазское** национальное самосознание, выражающееся в едином самоназвании (аџсоу). «Мы, проживающий в Сирии (народ) **абхазского** корня (хара Суриа аџсоушьаџа иџакуоу), — говорит сам Адил Кушба¹⁷.

Положение абхазского языка в Сирии определяется поддерживаемой властями и длящейся десятилетиями ассимиляцией абхазов в господствующей арабской, а частично и кабардинской среде. Тем не менее пока абхазы жили компактно в районе Кунейтры и некоторых

¹⁶ Например, «сахъшьа» — ср. собств. абх. «сахэшьа» — моя сестра, «бхарбут» — ср. «бхарбоит» — мы тебе (женш.) покажем, «хаџныџа хџушт» — ср. «хаџныџа хџоит» — мы пойдем к нам домой, «арт сара иагыстэыхым» — ср. «арт сара истэым» — эти (вещи) не мне принадлежат, «ихџэуша бжы илымха игытысуам» — ср. «ихџэаша бжы илымха итасуам» — кому суждено разорение, тому крик (голос) предупреждение не доступен, «абџьар зкым абаза дагыныкуахуам» — ср. «абџьар зкым абаза дныкуазом» — абаза, у которого нет в руках оружия, в путь не отправляется, «нахба дызмам — иатџба димам» — ср. «еихаб дызмам еитџьб димам» — у кого нет старшего, у того нет и младшего и т. д. (Н. Тарба. Указ. соч., с. 45, 46, 77, 78, 108 и др.).

¹⁷ Н. Тарба. Указ. соч., с. 78.

других местах, их язык не испытывал опасности исчезновения в ближайшем будущем; он оставался по-прежнему основным средством общения в семье и со своими соплеменниками. Но война, разрушившая полностью основные области обитания абхазов и разбросавшая оставшихся в живых жителей в разные стороны, нанесла тем самым непоправимый ущерб сравнительно благополучному до того положению абхазского языка. Теперь уже родным языком владеют практически только люди старшего поколения, да и то уже не все. В некоторых семьях говорят на двух-трех языках (абхазском, кабардинском, арабском). Свободное знание родного языка постепенно становится редкостью. Забыты национальные мужские и женские имена, и только теперь начинают их кое-где возрождать (например, Гунда и др.).

Правда, представители некоторых наиболее многочисленных и традиционных групп, например, рода Куджба, еще хорошо говорят по-абхазски (встретившись в Москве с Г. Д. Гулиа, они немало были удивлены тем, что выдающийся писатель не совсем свободно говорит на своем родном языке).

В 1968 году Ахмат Куджба, тогда еще ученик XI класса, писал мне из Дамаска на безошибочном русском языке: «Здесь живут абхазцы, и некоторые из них, особенно мои родственники, говорят по-абхазски, другие же говорят по-кабардински вместо того, чтобы говорить на своем родном языке» (между прочим, куджбзовцы, как говорят, и по внешнему виду довольно резко отличаются от арабов и других окружающих жителей, так как почти все они светлые и голубоглазые).

Укреплению национального самосознания и развитию языка и культуры абхазов содействуют обучение сирийской абхазской молодежи в советских вузах, развитие культурных связей между САР и Абхазской АССР, обмен литературой и материалами, активизация личных и других контактов, большие юбилейные вечера, подобные, например, тому, который состоялся в 1986 году в Дамаске в связи с 65-летием Абхазской АССР и который остался в памяти всех сирийских абхазов. Значительным шагом вперед в этом отношении явилась указанная выше поездка советской писательской деле-

тации с участием абхазской поэтессы Н. З. Тарба и другие встречи.

Так, летом 1979 года участники Абхазского государственного ансамбля народной песни и танца во главе с тогдашним министром культуры Абхазской АССР, писателем и ученым, доктором искусствоведения А. Х. Аргун впервые в течение 7-ми дней находились в Сирийской Арабской Республике. Их гастроли в Дамаске прошли с огромным успехом, на спектаклях присутствовал посол СССР в Сирии В. И. Южин. Артисты познакомились с достопримечательностями древней земли, смотрели руины Кунейтры и Голанские высоты, посетили знаменитый римский амфитеатр I в. до н. э. в Басре, где руководитель ансамбля В. Царгуш, как бы оживляя давно минувшие времена, устроил импровизированный «концерт без зрителя», прозвучавший одновременно и как эхо прошлых веков, и как протест против насилия и исторической несправедливости. Посланцы Абхазии были приглашены в гости к Арафату Асаду — родному брату президента страны, виднейшему политическому и государственному деятелю Сирии, который, радушно принимая у себя дома сыновей и дочерей далекой Абхазии, «с большим уважением говорил о смелости присутствовавших там же генерал-лейтенанта Мамдуха Абаза и его брата Уалида»¹⁸.

Конечно, было много незабываемых, трогательных встреч с представителями сирийских абхазов. Уже на первом трехчасовом концерте Шариф Абаза, выражая переполнявшие его чувства благодарности, крикнул из зала: «Да здравствует Ленин! Спасибо ему за то, что дал свободу моему народу»¹⁹.

Вот что рассказал о тяжелой истории своей жизни легендарный генерал сирийской армии Мамдух Абаза (Амаршан): «Я родился в селе Гасания, которое сейчас находится на территории, захваченной Израилем. Это было густонаселенное абхазское село, более ста дворов. Из рассказов моего деда я знал, что в шестидесятые годы прошлого века из разных районов абхазских земель были изгнаны и покинули родину, терзаемую непрекращающимися войнами, много-много абхазов-

¹⁸ А. Аргун. Указ. соч., с. 60.

¹⁹ Там же, с. 55—56.

махаджиров. Попав в Турцию, многие не смогли там прижиться и двинулись в поисках куска хлеба дальше — на Ближний Восток, осели на Голанских высотах. Казалось, жизнь их нормализовалась и забот стало меньше. Все было неплохо, если не считать жгучей, щемящей боли в сердце, тоски по родным горам и долинам Абхазии... Но старики умирали, а мы, новое поколение, обласканные гостеприимством здешних жителей, стали меньше думать о родине наших предков. Мы учились, трудились, радовались и печалились — в общем жили. Но вот наступил 1967 год, и для нас грянула война. Многие наши села были захвачены, некоторые стерты с лица земли. Кто мог, тот и спасся... Раньше, когда жили все вместе, старались не забывать родной язык, мы и дома строили по абхазскому обычаю, ну а сейчас, что ж, наши люди разбросаны войной по городам и селам всей Сирии. Хорошо еще, что правительство Сирии оказало нам существенную поддержку и за это мы очень благодарны ему»²⁰.

В этом замечательном «документальном» рассказе обращает на себя внимание ряд моментов — о том, например, что многие абхазские махаджиры не «прижились» в Турции, что часть из них, придя в Сирию, осела на Голанских высотах, что абхазское село Гасаниа состояло из более чем ста дворов, что абхазских деревень в стране было много, что многие из них стерты с лица земли и что сейчас абхазов вновь судьба разбросала по всей Сирии.

В 1989 году в Сирии вышел в переводе на арабский язык исторический роман Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших». В связи с этим Советский культурный центр в Дамаске, как сообщил его директор О. Бавыкин, организовал литературно-художественный вечер. Переводчик книги доктор Мохн Эд-Дин Слик прочитал отрывки из романа, поставил свои интермедии о жизни сирийских абхазов. Самодеятельные артисты из ансамбля Кавказского благотворительного общества, председателем которого является главный врач Кунейтры абхаз Шараф Абаза, исполнили абхазские танцы и национальные мелодии. Вечер привлек внимание широкой общественности, на нем присутствовали известные сирийские писатели, члены Общества сирийско-советской

²⁰ Там же, с. 59—60.

дружбы, клуба «Родник», объединяющего проживающих в Сирии соотечественников, и др.²¹

Как уже отмечалось неоднократно, в Сирии проживает немало черкесов, а точнее кабардинцев, с которыми абхазы находятся в самых тесных взаимосвязях. Не вдаваясь в подробности их жизни и быта, сошлюсь коротко на сделанное лет тридцать тому назад описание одного советского хорошо информированного автора, тем более, что немало из того, что сказано у него о черкесах, в равной степени относится и к самим абхазам.

Вот что пишет Л. Е. Родин в своей интересной книге «В стране глубоких колодцев», посвященной Сирии, которую он изъездил вдоль и поперек:

«Ханасир — черкесская деревня. И хоть у всех домов плоские крыши, в типе построек есть что-то отличное от обычных арабских жилищ. В черкесских домах есть окна, у стен — каменные скамьи, напоминающие наши завалинки, а также невысокие выступы на углах, похожие на башни кавказских саклей». Повар советской научной экспедиции Азз-ад-Дин тоже был черкес. «Вместе с ним пришли еще три почтенных черкеса в традиционных черных каракулевых папах побеседовать с русским ученым о пастбищах, скоте, воде, о том, что им делать, как жить дальше». Много десятков лет тому назад они приехали из России. На горах были тогда хорошие пастбища, в низинах — большие пространства сенокосов, много хорошей земли для посевов. И черкесы занялись тем же, что и на Кавказе: разводили лошадей, коров, овец, сеяли пшеницу, косили сено. Когда они пришли сюда, это место было безлюдным. Его выбрали потому, что здесь было много готового строительного камня. «Без него мы бы погибли. И сейчас есть еще много камней, если кто-нибудь захочет сложить дом». В первое время многие умирали, особенно дети, а потом стали жить хорошо. «Но в последние годы все беднее становятся пастбища, и скот на четыре-пять месяцев приходится отгонять за двести пятьдесят километров. В этом году особенно плохо: нет ни корма, ни воды. Пало много лошадей и овец, коров никто не держит. Земля истощена, а навоза мало. После дож-

²¹ О. Бавыкин. Вечер в Дамаске, «Сов. Абхазия», 1 апреля 1989 г.

дей грязевые потоки все чаще заносят посевы илом и камнями...»²².

В деревне Тамм-эс-Суан лет восемьдесят назад текла речка, теперь жителям приходится рыть глубокие колодцы на дне лощины, чтобы достать воду. «Кстати, деревня тоже населена черкесами. Маами отвел душу в разговорах с соплеменниками и даже разыскал местного учителя, дед которого помнит несколько русских слов. Он — сын сподвижника Шамиля, пришедшего сюда с Кавказа в начале второй половины прошлого столетия. Черкесы уже давно усвоили бедуинские традиции, и старик угощает нас кофе, потом чаем.

— Алла верды! — напутствует он нас»²³.

Удивительно, как в современных условиях все так быстро меняется в жизни народа. Абхазский поэт и ученый Б. А. Гургулиа, будучи аспирантом, встречался на вечере кабардино-балкарской литературы в Москве в декабре 1965 года с одним сирийским молодым кабардинцем, работавшим в то время в Дамаске. Узнав, что на вечере присутствует группа молодых абхазов, кабардинец из Сирии подошел к ним и, познакомившись, рассказал им много интересного о жизни сирийских абхазов. По его словам, в Сирии свыше 3000 абхазов, и все они живут в деревне и многие нуждаются. Но они сохранили в чистоте свой язык и свои обычаи. В частности, он рассказал об одной драматической истории, имевшей недавно перед тем место в связи с похищением невесты одного молодого человека, который, мстя за оскорбление, убил похитителя — тоже абхаза. В конце кабардинец попрощался с аспирантами по-абхазки (Шэыцх-аабзиахаант!), что свидетельствует о его близком знакомстве с абхазами Сирии, вплоть до того, что усвоил прекрасно отдельные чисто абхазские слова и выражения.

Сегодня, по истечении всего лишь четверти века после этой беседы, мы не могли бы уже сказать, что все сирийские абхазы еще живут в деревнях, что они сохранили в чистоте свой язык и традиции, да и романтического казалось бы обычая умыкания невест с его часто непредсказуемыми трагическими последствиями почти уже не стало и т. д.

²² Л. Е. Родин. Указ. соч., с. 132.

²³ Там же, с. 134.

Какой-либо большой перспективы этнокультурного развития у сирийских абхазов, по-видимому, нет, о чем один из них с горестью и душевным страданием сказал коротко так: «Мы исчезнем здесь, исчезнут и наши традиции и обычаи»²⁴. Зная это, а также по причине того, что многие живут бедно, все они, во всяком случае, громадное большинство из них мечтают о возвращении в Абхазию, жаждут воссоединения со своими сородичами на родине предков.

2. На «священной земле»

Как писала арабская газета «Аль-Яум», выходящая в Израиле, на территории этого государства в настоящее время имеются две черкесские (вероятно, смешанные черкесско-абхазские) деревни — Кфар-Кама и Рейхания с населением 1 700 человек, сохраняющих в своем быту «чисто черкесские особенности» (третья деревня вымерла почти полностью от малярии, от нее осталось лишь название — «Черкесские руины»).

Один из корреспондентов газеты осенью 1963 года посетил первую из этих деревень — Кфар-Кама, которая находится в Нижнем Джалиле, и довольно подробно описал ее современное положение.

Согласно этому описанию, первое время для черкесов, прибывших в «священную землю», было очень трудным из-за непонимания местного языка и различия обычаев. Сначала они селились в больших городах, но потом, встретившись с трудностями, решили переселиться в изолированное место, и образовали 3 деревни, одну из которых, как сказано, уничтожила малярия. Остались Кфар-Кама и Рейхания. Можно назвать и разрушенное войной абхазское селение Гасаниа, которое сейчас находится на оккупированной Израилем территории.

Первое, что видит человек, посещающий ныне Кфар-Кама, сообщал корреспондент, «это смесь старого с новым: прекрасные усадьбы рядом с полуразвалившимися хижинами, трактор рядом с плугом, автомобиль модели 1963 г. рядом с чистокровными конями. То же самое можно сказать о жителях: девушки с открытым

²⁴ Н. Тарба. Указ. соч., с. 109.

лицом и рядом женщины под покрывалом, юноши в европейских костюмах или военной форме и старики в традиционной одежде».

В 1950 году здесь было создано первое в арабском мире местное управление, во главе с черкесом (адыгейцем) господином Абд аль-Азиз Шауганом. Местный совет занимается решением таких бытовых вопросов, как вода и электричество, строительство дорог, сельской мечети и начальной школы и др.

По признанию самой газеты, «одна проблема удручает особенно черкесов: это проблема забывания их национального языка. В школах их дети учат арабский и европейский языки, в то время как черкесский остается языком, на котором говорят лишь дома. Поэтому и обратились представители черкесов в Министерство культуры и просвещения с просьбой включить черкесский язык в программу черкесских школ... Кроме того, группа юношей деревни обратилась к Израильскому радио с просьбой передавать специальные программы на черкесском языке». Автор статьи указывает также, что «черкесские граждане вступили в армию обороны Израиля»²⁵.

Таковы краткие и тем не менее весьма интересные сообщения упомянутой газеты об израильских черкесах. Среди них какой-то процент, несомненно, составляют и абхазы, потому что зарубежные абхазы и черкесы, связанные единством происхождения, общей культурой, родственными отношениями, живут часто смешанно или в смежных деревнях. Ограниченные, правда, материалы «Аль-Яум» убеждают нас в том, что из периодической печати можно почерпнуть очень много важных сведений по истории и этнографии абхазов, черкесов и других потомков кавказских переселенцев, если бы нашелся заинтересованный человек, который, хорошо зная арабский и турецкий языки, взял бы на себя нелегкий труд перелистать сотни и тысячи страниц газет, журналов и других изданий и материалов, хранящихся в архивах и книгохранилищах Турции и стран Ближнего Востока.

²⁵ См. арабскую «утреннюю» газету «Аль-Яум» от 1 октября 1963 года (Израиль).

3. В Мсыре, что на Ниле

Значительной была роль кавказских выходцев, в том числе абхазов, в средневековой истории Египта. Как известно, мамелюки, или мамлюки (от араб. мамлюк — раб, в частности, белый раб, «приобретенный в пользование»), — личная вооруженная гвардия египетских султанов — набирались из тюркских рабов, а по преимуществу из рабов, вывезенных с Черноморского побережья Кавказа (с XIII в.). В середине XIII в. мамлюки возвели на престол свою собственную династию (впоследствии была свергнута). Большую роль в политической жизни Египта, вплоть до уничтожения мамлюков в 1811 году пашой Мухаммедом-Али, играли «черкесские мамлюки». В течение многих десятков лет они властвовали над Египтом, выдвигая эмиров и султанов, составивших т. н. «черкесскую династию». Среди египетских пашей и мамлюков также было немало абхазов и черкесов. В XVIII в., например, в Египте стояла мечеть черкесов. Был создан «корпус черкесов», во главе которого стоял ага Али Катхода Йахйа²⁶.

Мамлюки Бурджи, или мамлюки черкесской династии, правили Египтом непрерывно в течение 135 лет — с конца XIV и по начало XVI века (1382—1517 гг.). За это время на египетском престоле побывало 23 султана «черкесского» происхождения, в том числе один по имени Инал²⁷.

Известный средневековый египетский историк Макризи (1364—1442) в своем сочинении «Книга поучений...», говоря о мамлюкской войске, пишет: «И состояло войско тюркского государства в Египте из двух частей: одна находилась при султани, а другая — в областях и городах страны, включая жителей пустыни — бедуинов и туркмен; и войско их смешанное — из тюрков, черкесов, румийцев, курдов и туркмен. А большая его часть — из купленных мамлюков, и у них разряды, к самому важному из которых относятся эмиры, обладающие сотней всадников и командование тысячей, и из этого разряда выходит большая часть их наместников,

²⁶ Абд-Ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801). М., 1962, с. 388, 405.

²⁷ Л. А. Семенова. Салах ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966, с. 189.

и некоторые из них иногда имеют на десять или двадцать всадников более положенного»²⁸. Рассказывая об одежде и вооружении эмиров, в частности, об их головных уборах, автор замечает: «... а во время Захира Баркука²⁹ стали шапки большими, с кривыми краями, и назывались эти шапки черкесскими; их носят и сейчас»³⁰.

Оригинальные войлочные шапки, описанные Макризи и хорошо защищающие от солнца и дождя, могли действительно называться в Египте «черкесскими», так как под этим обобщающим именем нередко выступает чуть ли не все, что имеет кавказское (особенно западно-кавказское) происхождение, но фактически они являются, по-видимому, принадлежностью собственно абхазской традиционной мужской одежды. Этот головной убор, не характерный для адыгских (черкесских) народов, пережиточно сохраняется у абхазов вплоть до нашего времени.

Из Абхазии происходил, например, мамлюкский правитель Египта второй половины XVIII в. Алибей аль-Кебир, который симпатизировал России и вел непримиримую борьбу с султанской Турцией. В 1770 году он объявил о своей независимости от турок, провозгласил себя суверенным государем, приняв титул «султана Египта и обоих морей»³¹.

История сохранила некоторые подробности его биографии, связанные с Абхазией.

Алибей эль-Кебир — вождь мамлюкской феодальной верхушки Египта второй половины XVIII в. Христианское имя его было Иосиф. Родился в 1728 году в Абхазии³². Был единственным сыном грузинского священника Давида³³. Младшую из его двух сестер звали Яхут. Схваченный в возрасте 13 лет шайкой пленопродавцев, он был продан торговцу Кюрд Ахмету и достав-

²⁸ Там же, с. 183.

²⁹ Захир Саиф ад-дин Баркук — первый из мамлюков Бурджи, или мамлюков черкесской династии, правивший Египтом в 1382—1399 годах, с перерывом в 1389—1390 (Л. А. Семенова. Указ. соч., с. 189).

³⁰ Л. А. Семенова. Указ. соч., с. 185.

³¹ В. Б. Луцкий. Новая история арабских стран, М., 1965, с. 23.

³² Где именно здесь он родился, неизвестно.

³³ «... un Prêtre de Georgie», т. е. грузинский жрец или священник.

жен в Египет. Здесь Иосиф попал в руки могущественного Ибрагима-кьайа, давшего ему имя Али. Впоследствии к нему приехал его отец с дочерью Яхут и внуком Росваном. После семимесячного пребывания у сына Давид вернулся на родину, а Яхут и Росван остались в Египте. Некоторые из других выдвинувшихся невольников и видных чинов двора Алибея тоже происходили из Абхазии: Росванбей (племянник Али-бея), Ахметбей, абхаз Отман-селиктор-ага, т. е. сабленосец и др.³⁴

Вот что писал Фр. Дюбуа в 30-х годах XIX в. в своем «Путешествии вокруг Кавказа»: «Большую часть рабов отвозят в Каир, где они из самого низкого состояния выдвигаются иногда на первые места и становятся первыми вельможами нашего века — султанами, адмиралами и т. д... Зихи в большинстве случаев красивы и хорошо сложены и вызывают своей красотой восхищение среди мамлюков Каира. Женщины несколько не дичатся мужчин»³⁵.

Имеются сведения о том, что некоторые видные политические и общественные деятели Ливии, члены ее парламента были по происхождению абхазами, потомками переселенцев из Абхазии.

По сообщению проф. М. Ш. Бутба, в его время, то есть в конце XIX — начале XX веков, немало абхазов еще проживало в Египте, как и в других странах арабского Востока. Но эти сведения оказались по крайней мере слишком преувеличенными. К настоящему времени они там полностью подверглись ассимиляции, и только некоторые из них частично еще сохраняют воспоминания о своей былой этнической принадлежности³⁶.

А что некогда абхазы и черкесы действительно жили здесь, напоминают собой, например, названия неко-

³⁴ Г. Бей-Мамиконян. Судьба мамлюка. Краткий исторический очерк. Послесловие к книге Унараго (К. Татаришвили) «Мамлюк». Тбилиси, 1960, с. 110, 112, 113, 116, 118, 119 и др.

³⁵ Фр. Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, с. 26, 28.

³⁶ По словам вышеупомянутого молодого турецкого экономиста, абхаза по происхождению, Эрола Кылыч (Куталиа, мать из рода Кутарба), побывавшего у нас в Абхазии летом 1976 года в качестве туриста, в Стамбуле живет один журналист и переводчик, знаток арабского и французского языков по имени Шарафетин Терим Инал-Ипа, родом из таких египетских абхазов, предки которого попали туда, по мнению информатора, после махаджирского выселения кавказских горцев.

торых каирских улиц и ресторана «Шаркис» (см. ниже)³⁷.

Об египетских абхазах с далеких времен до наших дней мы должны были получить специальную работу, но, не успев зародиться, этой вполне реальной идее «суждено было погаснуть и, по всей видимости, надолго. Дело в том, что молодой талантливый абхазский ученый-этнограф, востоковед по образованию, в совершенстве знавшая сирийский и египетский диалекты арабского языка, а также английский язык, кандидат исторических наук Л. Е. Кучберия, вышедшая еще в годы учебы в МГУ замуж за египетского студента, в течение целого ряда лет жила с семьей у родителей мужа в Каире³⁸ и имела все возможности на должном уровне выполнить мою настоятельную просьбу о написании исследования об истории и этнографии наших соплеменников в Сирии и Египте, как отмечает и она сама в ее указанной выше замечательной статье. Она с энтузиазмом восприняла это предложение и приступила к собиранию материалов. Уже в первых своих письмах она сообщала о некоторых результатах своих разысканий. О том, например, что одна из центральных каирских улиц называется Абаза. Не менее было интересно следующее ее «открытие»: «Одно из изысканных блюд, — сказано в ее бегло составленном сообщении, — здесь называется «черкесское» (шаркассийя), и является оно переработкой «сациви», т. е. вместо мамалыги рис, на него накладывают куски курицы без костей, остальное из грецкого ореха наливается в определенную миску, а потом и заливают рис с курицей. Оно пришло в Сирию, Ливан и Иорданию из Турции. В Египте его делают выходцы из Турции — черкесы и абхазы (абазины), а также подают в ресторане «Ливан».

Работа по историко-этнографическому изучению египетских, иорданских и сирийских абхазов была прервана на самой начальной ее стадии. К большому сожаде-

³⁷ Л. Кучберия. Указ. соч., с. 77.

³⁸ Между прочим, там же живет и работает уже давно и ее двоюродная сестра Т. Д. Хагба с семьей. В семидесятых годах в иорданском посольстве в Каире работал еще один абхазский специалист, и хотя по документам он является сирийцем (или иорданцем), но все вокруг знали его абхазское происхождение (Л. Кучберия. Указ. соч., с. 77).

нию, в расцвете творческих сил оборвалась жизнь Л. Е. Кучберия, и все ее материалы, наблюдения и записи, которые за короткий срок она успела сделать, тоже оказались потерянными для науки за исключением цитированного выше ее прекрасного научного очерка «Из этнографии абхазов арабских стран», который представляет собой первую содержательную работу по указанной проблематике.

Как видно из этой работы, собственно махаджиров в Египте почти нет. Абхазы, которые встречаются там под именем абаза, имеют разное происхождение: одни связаны еще с историей мамлюков, другие ведут свой род от проданных турками рабов, а третьи в разное время сами переселились, в одиночку или группами, из Турции, Трансиордании, Сирии и других стран. Отдельную группу составляют те, которых также называют абаза, то есть абхазами, но, как говорят, только за принадлежность их матерей к абхазской нации.

Как мы уже знаем, абаза — фамильное имя этнического происхождения — имеет широкое распространение в Сирии, Иордании, Египте, причем в Египте, как пишет Л. Е. Кучберия, оно объединяет теперь свыше 8 000 человек. Основателем этой «большой семьи» был некий шейх-разбойник Хасан из аравийского племени Бани Кактан, живший лет 160—170 тому назад. Оттуда он приехал в Египет и поселился на земле знаменитого Мухаммед-Али, разгромившего мамлюков в 1811 году. За обеспечение вооруженной охраны караванного пути Хасану, который еще не носил имени Абаза, были дарованы большие земли в области Шарки. Потом он решил обзавестись семьей — купил 30 жен, из них 4 — египтянки, 1 — эфиопка и 1 — индианка, а все остальные 24 девушки, полученные им от одного турецкого работорговца, были абхазами. Эти абхазки и перевернули весь образ жизни в доме шейха Хасана. Они родили ему, как в сказке, 18 мальчиков и 18 девочек. Всех детей, включая и тех, которые появились на свет от остальных шести жен, они нарекли своим этническим названием — Абаза. Эта семья так разрослась и стала такой знаменитой, что английская «Таймс» в специальной статье назвала ее «племенем». Из поколения в поколение члены этого могущественного клана хранили в своем домашнем быту многие абхазские националь-

ные традиции и обычаи и даже некоторые предметы домашнего обихода, в том числе своеобразные женские деревянные колотушки, а соседские арабские семьи заимствовали у них образцовое убранство жилищ и пр.

Из их среды вышли многие выдающиеся государственные и политические деятели, юристы, инженеры, военачальники, бизнесмены, артисты, писатели, кинорежиссеры и др., работавшие или работающие как у себя на родине, так и почти во всех европейских странах. Широкой известностью пользуются, например, поэт Абдель Азиз Абаза, писатель Сарфат Абаза, журналист Фикри Абаза, популярнейший министр Мамдух Абаза и др. У «племени» Абаза в свое время были две свои футбольные команды, они издавали два журнала, содержали даже театральную труппу. До сих пор одна из улиц Каира носит имя Измаила Абазы, а одна из живописных местностей в пределах города также известна под названием Кафр Абаза и т. д.³⁹

Среди современных представителей этого легендарного рода выделяется Мухаммед Махер Абаза — министр энергетики Египта, предки которого через Турцию оказались на африканском континенте еще в 1640 году. Абхазским туристам рассказывали, что Махера Абазу в Каире сравнивают с египетскими пирамидами — так он много сделал для своей страны. Это один из самых влиятельных и богатых людей Египта. Не менее был популярен его брат Фикри Абаза — председатель парламента и редактор газеты «Аль-ахрам», после смерти которого возглавил парламент сын Сарват. Другой племянник Махера — владелец каирского магазина русской книги, а двоюродный брат Роджи был первым актером кино в Египте. Сам Махер также один из людей с высокой культурой и широким европейским образованием — в Египте закончил институт и стал инженером-электриком, в ФРГ получил степень магистра, в Швейцарии — кандидата наук и 18 лет занимает должность министра. Абхазского языка не знает, как и почти все 5 тысяч египетских Абазы, но его необычайно интересует абсолютно все, что связано с Абхазией, и страстно желает ее посетить⁴⁰.

³⁹ Л. Е. Кучберия. Из этнографии абхазов арабских стран. «Алашара», 5, 1971, с. 79—80.

⁴⁰ Заира Цвижба. У одного из семи чудес света. Из зарубежного блокнота. «Советская Абхазия», 26 мая 1989 года.

Главный редактор египетского журнала «Альмусав-вар», член Каирского муниципалитета Фикри Абаза, сопровождавший президента Насера в СССР в мае 1968 года, сказал, выступая на банкете в г. Сочи: «Я говорю и смущаюсь. Я наполовину абхазец, сухумец. Моя бабушка была абхазка. Дедушка был араб и поэтому одна моя половина здесь, другая — там. Во имя моей прекрасной абхазской половины я приветствую гостей во главе с президентом Гамаль Абдель Насером, от имени моей второй половины я приветствую великих людей, которые создали государство — Советский Союз»⁴¹.

Выясняется, что небольшие абхазские колонии или сообщества земляков имеются на Кипре и даже в Судане. По сообщению аспиранта Московского университета им. П. Лумумбы абхаза по имени Омар Ахмед Осман, приезжавшего в Сухуми в 1977 году, в Хартуме сравнительно много абхазов, а также черкесов. У них сохранился свой язык как средство внутрисемейного общения, некоторые частично продолжают еще носить свою национальную одежду, они создали свой «Абхазский клуб», где собираются для проведения праздников и решения возникающих у них вопросов⁴².

Таковы некоторые отрывочные сведения по истории наших соотечественников в Египте, который по-абхазски называется Мсыр и который, по представлениям абхазов, является родиной непревзойденной «мысырской белой бумаги» (амсыр кьяадыш).

В конце этой части наших этюдов следует отметить, что 27 февраля 1989 года в Дамаске от имени абхазской, вообще кавказской общины, в Сирии было принято основанное на принципах справедливости и гуманности развернутое обращение на имя Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева о вынесении на соответствующем уровне правительственного постановления, предоставляющего право потомкам сирийских

⁴¹ «Красное знамя», 8 мая 1968 года.

⁴² И. Мархолна. Суданский абхаз, «Алсны капшь», 1977, сентябрь 23 (на абха. яз.).

кавказских выходцев вернуться на их историческую родину в Советском Союзе, и тем самым помочь осуществить вековую мечту, которую «тысячи добрых людей забрали с собой в могилу» (текст обращения см. в приложении).

III. НА БАЛКАНАХ

1. «Наши взоры обращены к Абхазии»

После победы кемалистской революции в Турции многие турецкие абхазы, втянутые в борьбу на стороне реакционных сил, оказались вынужденными, опасаясь репрессий, покинуть страну. Часть из них в 1921 году попала в Грецию (в основном в районе Салоники, а точнее местечко Кайлария Козанской области) вместе с отступавшими из Турции греческими войсками, потерпевшими поражение в греко-турецкой войне 1919—1922 годов. Однако через некоторое время основная масса этих абхазов, получив амнистию, выселилась обратно, но кое-кому удалось обосноваться в пограничных с Турцией местах, где имелись мечети и можно было отправлять свои религиозные обряды. Какая-то часть из них все же осталась и на севере Греции, стараясь приспособиться к местным условиям жизни.

Таким образом, отмечал Н. А. Лакоба, в греческой Македонии в 1929 году жило 700 абхазов, попавших туда в результате указанной греко-турецкой войны, причем это количество с тех пор должно было по крайней мере удвоиться, хотя точных данных об этом не имеется. Весьма небольшие группы полностью или частично ассимилированного абхазского населения встречаются в настоящее время в следующих селениях и областях Северной¹ Греции:

1. **Ипирос** — селения Амарондос (быв. Изворос). Айя Варвара (быв. Плявали), Стратиани, Асимохори (быв. Лишкаки).

2. **Македония** — область Номос Козанис, Салоники (город и окрестности), Войос, Пенталофос, Ефтахори.

3. **Фесалия** — Агиорос (-св. гора). Здесь много монастырей, много и кавказцев.

4. **Гор. Катерини** и его окрестности (в 100 км юго-западнее г. Салоники).

¹ ЦГА Абх. АССР, ф. 1, оп. 2, д. 62, лл. 188—189.

5. Флорина — северо-западная область Греции.

Во всех этих местах сотни домохозяйств кавказцев, в том числе абхазов. Последних насчитывается, по меньшей мере, много десятков дворов, если не больше.

По рассказам, греческие абхазы — профессиональные пастухи. Ездят на мулах. Занимаются и земледелием. Причем друг у друга воруют скот, хорошим человеком считается тот, кто умеет делать набеги и стрелять. Они хорошие лесоводы, заготавливают лесоматериалы. Любят острую пищу, у всех есть красный перец (висит на дверях) и соль с перцем; готовят мамалыгу, кушают козлятину.

Невесты скрываются, с женихом они не разговаривают. Муж и жена друг друга по имени не называют. Невеста моет ноги свекру. В доме стоит длинная тахта, на одной половине сидят только мужчины, на другой — только женщины. Носят башлык, вид черкески и ноговицы. Говорят своим особым языком, часто употребляют, например, какое-то ласкательное слово «гула». По религии теперь все они православные².

«Черкесы» встречаются и в некоторых других балканских странах. Например, в Добруже* было два черкесских селения, которые в 1912 году выселились обратно в Турцию. Два таких же селения имеются и сейчас в Югославии, на Косовом поле, около города Новый Базар (см. ниже).

В первые же годы после установления Советской власти в Абхазии среди абхазов, волею исторических судеб заброшенных в Грецию, возникло движение за возвращение на свою исконную родину, от которой были оторваны по независящим от них обстоятельствам. Страстно мечтая о возвращении на свою старую родину, они обратились с соответствующей просьбой к правительству Абхазской АССР. В их коллективном письме от 30 сентября 1925 года говорилось:

«Прошло более трех лет со дня отъезда абхазцев

² Эти сведения получены автором этих строк в сентябре 1961 года от Фотулы Яннакопулу — гречанки из Греции, писательницы, бывшей научной работницы Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР и от А. Г. Саплахиди, жителя гор. Салоники в 1965 г.

* В настоящее время северная часть исторической области Добруджа входит в состав Румынии, а южная — Болгарии.

из Турции. Три года жизни в Македонии, полной самых тяжелых испытаний, лишений, невыносимой жизни в непривычном для нас климате. Всегда, еще в Турции, все наши взоры, стремления были обращены к родным аулам Абхазии. Но было не время. Был старый строй, не желавший нашего возвращения к родным горам. Теперь Абхазия свободна и живет своей жизнью, и нас, волею судьбы заброшенных в чужие места абхазцев, более чем когда-либо тянет к свободным горам, к родным семьям, к братьям-абхазцам. Все мы, абхазцы, будучи воодушевлены общей идеей и мечтой: служить свободному абхазскому народу, собравшись общим собранием в м. Кайлария 28 сентября 1925 года, единодушно постановили хлопотать и просить Народный Комиссариат Сов. Соц. Республики Абхазии разрешить нам, 700 абхазцам, находящимся в Греции, возвратиться с семьями в родные аулы свободной Абхазии»³.

Президиум Абхазского обкома КП Грузии, рассмотрев этот вопрос на своем заседании от 23 октября 1928 года, принял постановление «О македонских абхазах», в котором сказано: «Признать возможным переселение 700 душ в Абхазию»⁴. Но это справедливое постановление из-за негативного отношения со стороны тогдашнего руководства Грузии осталось на бумаге, заветной мечте македонских абхазов осуществиться было не дано. И сам Н. Лакоба в конце концов был вынужден сказать: «... В чудо я не верю»⁵.

Судя по подписям под указанным обращением, — их было 16 человек, — в Греции в то время проживали представители более 10-ти абхазских фамилий, а именно: Авидзба, Акучаба (вероятно, Куджба), Ардзинба, Аршба, Ачинба, Калгба (Колбая), Когониа, Смыр, Харазиа, Шамба и др.⁶

³ Цит. по Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 500—501.

⁴ Партархив Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 22.

⁵ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 501.

⁶ Персонально документ подписали: Джан Когониа, Кадыр Смыр, Харун Шамба, Махмуд Калгба, Хафиз Авидзба, Махты Ачинба, Бекир Ардзинба, Ферхат Аршба, Нох Харазиа, Джамал Акучаба и др. (там же).

2. «Готовность помочь в беде»

Живут ли в Болгарии и Югославии абхазы? Положительного ответа на этот вопрос я не получил ни в Софии, где, в частности, я встретился с этнографом Татьяной Колевой, и других болгарских городах, которые мне удалось посетить в 1973 году, ни в Белграде, Загребе или Опатии, Пуле, Риеке или Любляне, где я побывал осенью 1979 года в порядке двухнедельной научно-туристической поездки.

Зато мне удалось найти работы югославских ученых, которые не оставляют сомнения в том, что кое-где в южной части страны, к сожалению, нашим маршрутом не предусмотренной, жили «черкесы», подвергшиеся, по видимому, почти полной ассимиляции.

Одна из этих статей, фотокопию которой получить помогла сотрудница Белградского этнографического музея Верослава Хаджи Ристич, опубликована еще в 1928 году доктором Тихомиром Джорджиевич под названием «Черкесы на нашей земле» (французское резюме носит другое название — «Черкесы на Балканах») ⁷. А с очерком Н. Зупанича о косовских черкесах познакомил меня директор Люблянского этнографического музея, замечательный ученый и прекрасный молодой человек, доктор Борис Кухар. Автор очерка (ныне покойный) был директором этого музея, а нынешний директор — его ученик. Статья представляет собой расширенный вариант доклада на международном антропологическом конгрессе в Париже 25 сентября 1931 года. В ней дается довольно подробное этнографическое и антропологическое описание черкесов района Косово (около 35 страниц с картой, иллюстрациями и французским резюме), а также содержит небольшой список черкесских слов, в том числе 14 названий черкесских поселений. Еще не так давно, сказано там, ряд сел района Косово носили названия: Черкеске село, Черкеске Ниве (близ Ниша), Черкеске поле (на Чичавици и у Прокуплу) и др. Мне пришлось быстро пробежать статью, но сведений о собственно абхазах в ней я не

⁷ Тих. Джорджиевич. Черкесы на нашей земле. «Сборник Скопского научного общества», т. III, Скопле, 1928, с. 143—153 (на серб. яз.).

обнаружил, что, вполне возможно, объясняется моим незнанием сербского языка, на котором она написана⁸.

Небольшую заметку на ту же тему еще до поездки в Югославию прислал мне венгерский ученый Мартон Иштванович. Она принадлежит перу Атанаэня Урошевича и называется «Пережитки системы рабства у черкесов Косова», а вышла сравнительно совсем недавно — в 1972 году. Для нас эта заметка особенно ценна тем, что в ней, наряду с черкесами и кабардинцами, прямо упоминаются и абхазы как этнически самостоятельная часть населения Косовской области. Там мы читаем следующее: «Мусульманские переселенцы с Кавказа принадлежат трем родственным народностям: черкесам, абхазам и кабардинцам. На нашей территории кабардинцев не было, а абхазов было очень мало («Абхаза врло мало»)⁹.

Основное же содержание статьи изложено в кратком французском резюме, которое я здесь привожу полностью:

«В своей статье автор рассматривает следующее событие, которое вскрыло существование среди черкесов Косова, переселенных в 1864 году, скрытой системы рабства, которая сохранялась в течение определенного времени после переселения. Они (черкесы) продавали членов семей своих рабов, в особенности девушек, под видом членов собственных семей. После запрещения перевозки рабов в Турцию собственность на семьи старых («бывших») рабов у черкесов Косова стала чисто фиктивной, но она хранилась в секрете по отношению к окружающим. Открытие фиктивной системы собственности над определенными фамилиями, которое произошло в 1935 году, выяснило, что черкесы, в течение многих лет после приезда в этот район, продавали в действительности не членов своих семей, а членов семей своих рабов. Эта ситуация выявилась, когда одна девушка, принадлежавшая к семье «свободных» черкесов, была похищена против воли ее родителей молодым человеком, происходившим из семьи старых рабов. Этот

⁸ Н. Зупанич. Этнографическое описание косовских черкесов. «Этнология», V—VI. Любляна, 1933 (на серб. яз.).

⁹ Атанасий Урошевич. Пережитки системы рабства у черкесов Косова. «Бюллетень Института этнографии Сербской Академии наук и искусств», т. XXI, 1972, с. 111.

человек, не будучи выкупленным у своего хозяина, не мог считаться равным со «свободными» черкесами и потому не мог получить право на брак с членом этого свободного класса. Истинное состояние вещей об этом секрете (рабстве), который строго хранился в течение длительного времени, вышло наружу благодаря тем активным попыткам, чтобы помешать одному из молодых людей вступить в брак»¹⁰. Документ очень интересный, заслуживающий специального анализа.

Приведенные сведения можно дополнить еще одним устным сообщением. Несколько лет тому назад, находясь в Москве, молодой абхазский этнограф В. Л. Бигвава случайно познакомился с югославским ученым-искусствоведом Меодридом Джеорджич, который с супругой приезжал на отдых в Сочи. Он сообщил, что в Югославии есть одно село, население которого называют абазой. Они, по его мнению, являются по происхождению абхазами. Название села и его местонахождение остаются пока неизвестными.

Детальное изучение всех этих и других материалов о балканских абхазах, которые я еще надеюсь пополнить, — дело будущего. Но уже сейчас можно сделать вывод о том, что в многонациональном составе населения южной части Югославии, особенно района Косова, со второй половины XIX в., а, может быть, и раньше¹¹, были представлены довольно значительные адыгские и, в меньшем количестве, абхазские этнические группы. Несмотря на то, что к настоящему времени, они, как видно, уже подверглись полной ассимиляции, но не может быть, чтобы остатки этих групп не сохранили бы никаких своих былых этнических признаков, а также исторических преданий, воспоминаний и пр. относительно появления их предков в этих местах. Для выяснения всех этих вопросов было бы весьма желательно командировать в район Косова абхазо-адыговедов, которые, надо полагать, еще могут собрать там интересные фольклорно-этнографические, языковые и другие материалы.

¹⁰ Там же, с. 117 (на фр. яз.).

¹¹ Как известно, в 1690 году под водительством сербского князя Арсения Черноевича произошло большое переселение сербов из юга страны (в основном района Косова) на север, в район Воеводина, а покинутые территории сербов, спасавшихся от турецкого ига, были заняты албанцами и черкесами.

Несколько слов по вопросу об абхазах в Болгарии.

В настоящее время абхазов как таковых в Болгарии, по-видимому, уже нет, они растворились в окружающей этнической среде, как это имеет место и в других балканских странах. Но в относительно недавнем историческом прошлом абхазы жили там, в частности, в районе современного г. Пелево. Болгары их называли «абазами». Было у них и свое село Абашко. Жили с болгарами мирно, вступали с ними в брачные отношения, оказывали друг другу помощь и поддержку и т. д.

Обо всем этом дает представление следующее сообщение капитана теплохода «Батак» И. Иорданова, отражающее собой обстановку семидесятых годов XIX века: «Так же от бабушки я слышал о дружелюбном... отношении абазов к местным болгарам. Достаточно упомянуть, что жители Малахаты бывали гостями в селе абазов. Имели место смешанные абазо-болгарские браки... Дружелюбие проявлялось еще в том, что абазы, вооружившись, защищали жителей Малахаты от грабителей, в частности, отступающих турок. Старые люди вспоминают, как небольшой конный отряд абазов во главе с их предводителем по имени Чичин охраняли нашу деревню до последнего момента... Проявившим бдительность в охране чего-нибудь, готовность помочь в беде другим, дают прозвище Чичин, имя предводителя абазов, честно охранявших Малахату в давнем 1878 году, стало символом хорошего защитника»¹².

Характерно, что абхазы, несмотря на свое трудное положение вдали от родины, жили в мире и дружбе с окружающим населением и, как сказано в приведенном документе, проявляли «готовность помочь человеку в беде», что они стали символом защиты от произвола и насилия.

3. В центре Европы

В историческом прошлом, а именно в период господства султанской Турции, Венгрия тоже была одной из европейских стран, куда в силу разных обстоятельств попали отдельные представители абхазского народа, в основном военные, проходившие службу в турецкой ар-

¹² Цит. по Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 484—485.

миш. Так, чуть ли не большинство будайских пашей составляли грузины, черкесы и абхазы (абаза). Список этих лиц открывает, — пишет венгерский историк Лайош Тарди, — абазинец по национальности, визирь Ипсир Мустафа, который совсем молодым попал в сераль султана, где дослужился до главного шталмейстера, а затем назначался на разные высокие должности — занимал пост бейлербея Венгрии (1639—1640 гг.), был будайским пашой, а также пашой Румелии¹³, Вани, Карамани, Анатолии (западная часть М. Азии), Сиваса, Дамаска и Алеппо, а в 1654 году становится великим визирем, женится на дочери султана, но все же попадает к нему в немилость и полгода спустя его казнят. Абхазом (абазином) по происхождению был и визирь Сиявус — член дивана, эрзерумский паша, губернатор Будайского эялета, будайский паша (1648—1650 гг.), а после своего отзыва дважды замещал должность великого визиря. Абхазом был и визирь Сари Гуссейн — будайский паша в 1663—1664 годах, а затем служил алеппским и дамасским пашой¹⁴.

Проф. Лайош Тарди в личном письме от 15 января 1974 года любезно сообщил автору этих строк, что он располагает значительными материалами по истории Абхазии XIV—XV веков, собранными им в разных европейских библиотеках и архивах. Небольшая часть этих материалов им была использована в статье о турецких наместниках в Венгрии в период ее османской оккупации, напечатанной в 1970 году в журнале «Литературная Грузия». В этой публикации, хотя автор в ней «лишь косвенно занимается абхазами и абазинами», можно, как мы видели, найти все же в числе будайских губернаторов и некоторых пашей абхазского происхождения — визиров Иршира Мустафу (1639—1640), Сиявуша пашу (1648—1650), Сари Гуссейна (1663—1664) и др.¹⁵

Вообще турецкие захватчики широко использовали кавказских выходцев в качестве пушечного мяса на различных театрах военных действий. Известный турецкий

¹³ Общее название завоеванных в XIV—XVI вв. турками-османами балканских стран.

¹⁴ Лайош Тарди. Из истории грузино-венгерских связей. — «Литературная Грузия», № 1, 1970, с. 86, 87.

¹⁵ Там же, с. 85—89.

ученый Евл. Челеби, в жилах которого также текла абхазская кровь, писал около середины XVII века: «...и сотни наших братьев-мусульман абaziнов и черкесов, курдов и туркмен, напали на кяфиров Валахии¹⁶ и Молдавии, словно голодные волки на стадо баранов, и стали рубить их саблями»¹⁷.

Вот на что тратилась из века в век энергия многих молодых людей по злой воле коварных правителей Османской империи. Можно себе представить, сколько же безумно храбрые кавказцы пролили чужой невинной и своей собственной крови в имперских интересах тиранической власти многочисленных султанов и пашей.

Недавно, лет десять тому назад, стало известно, что небольшое количество потомков абхазских поселенцев из рода Барцыц встречаются и в Польше. По словам польского летчика Веслава Барцыц, который по приглашению своих сородичей из абхазского села Блабурхва приезжал с супругой в Абхазию осенью 1978 года, польские Барцыцовцы в количестве 11 семейств, составляющих 32 человека (данные 1978 г.), живут под той же своей фамилией в с. Дымины. Все они происходят от одного предка — деда Антона Барцыц, который по неизвестным нам причинам прибыл в Польшу в первой половине XIX в., а в 1841 году женился на польской крестьянке и навсегда поселился в Дыминах. Все его потомки считают себя, конечно, не только однофамильцами, но и близкими между собой кровными родственниками¹⁸.

¹⁶ Историческая область на юге Румынии.

¹⁷ Евл. Челеби. Книга путешествий. Вып. I. М., 1961, с. 48.

¹⁸ В. Пачулиа, С. Цушба. Абхазские поселенцы в Польше — легенда или быль, «Сов. Абхазия», 3 октября 1978 года.

IV. У БЕРЕГОВ АТЛАНТИКИ

Послевоенный период характеризуется определенной активизацией миграционных процессов среди зарубежных абхазов. В основе этого лежат политико-экономические причины — поиски лучшей, безбедной жизни, хорошего заработка на сезонной или, если удастся, постоянной работе. В этих целях граждане Турции, Сирии и других стран в одиночку и группами, в основном рабочие, едут в Европу, особенно в ФРГ, а также Англию, Францию, некоторые скандинавские страны и др., где часть из них остается на постоянное жительство. Так в настоящее время сотни и тысячи абхазов, если не больше, сделали жителями разных европейских стран, особенно в Западной Германии, где, по неуточненным данным, насчитывается несколько десятков тысяч абхазов.

На концерте абхазского ансамбля в западногерманском городе Трире — родине Маркса — состоялось несколько интересных встреч и «пресс-конференций». Вот что рассказывает А. Х. Аргун об одной из них: «Первыми подошли к нам братья Цугба, потомки махаджиров. Они приехали из Турции в ФРГ и стали известными спортсменами. Надо сказать, что в Трире живет несколько сот абхазцев, приехавших сюда на заработки из Турции. Все они поражались, слушая наши рассказы о Советской Абхазии. Они не верили нам — западная пропаганда успела дезинформировать их о жизни народов Советского Союза. Позже, когда состоялась встреча со всеми абхазами и грузинами, приехавшими в поисках работы в ФРГ из многих вилайетов Турции и пожелавшими поговорить с нами, их вопросы вызывали у нас искреннее возмущение. Так, например, рабочий завода «Мерседес Бенц» Исмаил Куадзба спросил: «Разве малые нации имеют у вас право петь свои старинные народные песни?» Или же вопрос другого рабочего — Есната Отырба: «У вас разве не живут все в общежитиях? Ведь строить свои дома вам запрещают?» А вот вопрос другого абхазца-водителя Ислама

Апшицба: «А разве свадьбы у вас не отменили? Чем вы кормите своих гостей, не имея ни земли, ни кола, ни двора?» Тогда мы им напомнили, что совсем недавно в Абхазии побывала группа из двадцати человек во главе с Орханом Шамба, которые побывали в селах республики и увидели своими глазами наше житье-бытье. «Разве вам они ничего не рассказывали?» — удивились мы. На этот вопрос абхазцы ответили так: «Да, да первые дни они говорили так же, как и вы сейчас, очень хвалили Родину, Апсны, а потом им запретили вообще выступать перед населением. Не знаем почему»¹. Комментарии, как говорится, излишни.

В другом месте своей книги он пишет, что на концертах абхазского ансамбля в Западном Берлине «было много абхазцев, приехавших из Турции, Сирии, Ирака на заработки», в том числе там был родившийся в этом же городе 6-летний абхазский мальчик Мурат с отцом, и все они проявляли огромный интерес к жизни советских абхазов, народов СССР вообще².

В Кельне с некоторого времени функционирует культурный центр т. н. европейского общества кавказцев — выходцев из Турции и других стран, в котором руководителем абхазской секции является некий А. Хишба³.

В последнее время относительно значительные группы людей абхазской этнической принадлежности — выходцы из Турции, Сирии и некоторых других ближневосточных стран, подвергшихся израильской агрессии, выезжают на постоянное жительство в Америку.

Как рассказывают участники самодеятельного ансамбля «Рица» при гудаутском Доме культуры, которые летом 1988 года побывали в Америке, немало абхазов проживает и в США. Американские абхазы, представленные такими фамилиями, как Адзинба, Лейба, Маан (Маргания), Куджба, Казанба и др., попали туда не очень давно из разных стран Ближнего Востока, живут в основном вблизи Нью-Йорка, многие сохраняют в чистоте свое национальное самосознание и мечтают увидеть свою любимую родину — Абхазию⁴.

¹ А. Аргун. Указ. соч., с. 72.

² Там же, с. 43.

³ Там же, с. 73.

⁴ Георгий Амичба. Абхазские танцы на американской сцене. «Абхазский университет», 23 сентября 1988 года.

В Нью-Джерси живет с семьей один очень влиятельный среди американских абхазов человек по имени Яхья Казанба, который радушно принял и оказывал всяческое содействие известному американскому абхазоведу Поле Гарб, работающей в московском издательстве «Прогресс», а также гудаутскому ансамблю «Рица» во время его гастрольной поездки в США летом 1988 года. А недавно члены этой замечательной семьи совершили еще один благородный патриотический поступок. Дело в том, пишет поэт Д. Чачхалиа, что в начале 1984 года известный советский литературовед Е. К. Дейч, находясь в Париже, зашла в антикварный магазин «Санкт-Петербург» и неожиданно обнаружила там и отложила на короткий срок акварельный портрет жены русского художника Евреинова, выполненный А. Чачба (Шервашидзе). Поскольку времени оставалось очень мало, чтобы новая картина абхазского художника не была навсегда потеряна для нашей родины, а официальные переговоры о приобретении работы по бюрократическим каналам грозили затянуться надолго, пришлось о создавшейся ситуации поставить в известность Я. Казанба, который с сыном Иналом на следующий же день связались по телефону с Парижем и без всяких проволочек приобрели картину. Она передана нашими добрыми зарубежными соотечественниками в дар Министерству культуры Абхазской АССР во время их прошлогоднего приезда на землю предков⁶.

В самом Нью-Йорке проживает одна большая аб-

⁵ Д. Чачхалиа. Новая картина А. Чачба. «Сов. Абхазия», 7 марта 1989 года.

⁶ В июле 1989 года Яхья Казанба — руководитель абхазо-черкесской общины в Нью-Джерси — с женой-кабардинкой и сыном Иналом гостили по приглашению участников ансамбля «Рица» в Гудаутском районе, ездили по достопримечательным местам Абхазии, познакомились со многими ее людьми. Кульминационной точкой их пребывания у нас явилась встреча с многочисленными представителями абхазской общественности 11 июля в Абгостеатре, где Яхья под бурные аплодисменты всех собравшихся передал Абхазии купленный в Париже замечательный акварельный портрет жены Евреинова, принадлежащий кисти известного абхазского художника А. К. Чачба (Шервашидзе), который, как известно, около 60 лет своей жизни провел во Франции (недавно состоялось перезахоронение его останков в центре Сухуми) (См. репортажи Ю. Георгия «Счастье встречи» и «Гость приносит счастье» в «Сов. Абхазии» от 5 и 13 июля 1989 года).

хазская семья — Платон Харчлаа с женой, тремя сыновьями и тремя дочерьми, тринадцатью внуками и внучками. В марте 1989 года этот интересный человек, который, пройдя сквозь страшный огонь фронтовой жизни, сделался известным богословом, приезжал в Абхазию, ездил на родину в Ткварчели, посетил историческую поляну Лыхнашта в Гудаутском районе, читал проповеди в Сухумском молитвенном доме баптистов, цитируя и абхазские традиционные формулы, оставшиеся от матери у него в памяти, а в Союзе писателей Абхазии имел встречу с представителями абхазской интеллигенции и общественности.

* * *

Зарубежные абхазы внимательно следят за развитием Абхазии. Они гордятся ее достижениями. Их радует, что у нас своя государственность — Абхазская АССР, свои школы, литература, искусство, театр, газеты и журналы, свои научные учреждения и университет, своя большая интеллигенция. И они, имея разное гражданство, тянутся к своей единственной духовной родине, тоскуют по ней, с уст у них не сходят священные слова — «Апсны», «Абхазия», мечтают жить или хотя бы умереть на земле предков, стараются оставаться верными своему происхождению, истории и культуре.

В том же штате Нью-Джерси одна глубокая старушка-абхазка, вцепившись в руку Юлии Папба — руководительницы гастрольной поездки гудаутского ансамбля, на чистом абхазском языке рассказала, как ее — девочку 12-ти лет, умирающая мать умоляла: «Запомни, ты из рода Лоу, что живет между Сочи и Туапсе»⁷. Вот один из небольших, может быть, но ярких примеров неподвластного ни годам, ни расстоянию чувства Родины, неодолимой тяги к ней.

Наконец, еще один пример — без всяких комментариев.

Народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков, выступая в с. Члоу Очамчирского района, вспомнил о таком эпизоде из своих зарубежных поездок: «Я

⁷ Заира Цвижба. Указ, соч., «Сов. Абхазия», 26 мая 1989 года.

был в Турции, встретился с одним очень богатым аб-
хазцем, который жаждал возвращения на Родину. Я
спросил его, не боится ли он потерять свои миллионы.
Он ответил: не нужны мне никакие богатства, мне хва-
тит лизать мокрый камень реки Кодора»⁸.

⁸ Цит. по Конст. Ломиа. — «С надеждой увидаться, вновь.
Встреча с потомками махаджиров», «Сов. Абхазия», 24 декабря
1988 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения включают в себя некоторые извлечения из книг и документов, письма, обращения, краткие сведения о зарубежных деятелях абхазского происхождения, неполный перечень фамилий заморских абхазов и другие историко-этнографические материалы, дополняющие и конкретизирующие основной текст.

Извлечения из книги современного американского историка Е. Р. Толедано о похищениях людей и притязаниях бывших хозяев на права собственности над вновь прибывшими в Турцию абхазскими махаджирами:

«Похищения были обычным явлением в Эфиопии и областях, прилегающих к озеру Чад. То же самое часто происходило на восточных границах Анатолии среди народов Кавказа. Лазы обвинялись в похищении грузинских женщин и детей во время служения их мужей и отцов в Султанской армии. Вице-консул Оттоманской империи в Potide был вынужден ходатайствовать перед русскими властями в 1855 году об освобождении оттоманских подданных, которые были захвачены абазами (Abaza) и направлены на русскую территорию».

«В сентябре 1878 г. ... группа абазов-эмигрантов, прибывших в Kastamonu лет 15—20 до этого, потребовала права собственности над группой других абазов, прибывших недавно из Сухума. Вновь прибывшие утверждали, что русское правительство заключило с ними соглашение и вручило им свидетельство об их свободе. Таким образом они утверждали, что они свободны и ничего не должны прежним хозяевам. И хотя юридически такое положение можно было оспаривать — немусульманское правительство берет на себя роль хозяина над рабами мусульман — оно было принято Государственным Советом, отклонившим притязания бывших хозяев, в законе от 24 октября 1878 г. Совет постановил, что «лица, иммигрировавшие в Оттоманскую империю, должны считаться свободными». ... В начале 1879 местные власти в вилайете Трабзоне в Subas столкнулись с серьезными требованиями абаз-рабов об освобождении и пришлось обратиться к центральному правительству для помощи в разрешении конфликта. Основываясь на принятом законе, Porte известил руководителей провинций о том, что все иммигранты свободны и поэтому претендовать на них как на рабов — незаконно. Губернаторам было поручено обеспечить, чтобы бывшие хозяева рабов не чинили препятствия, и свобода рабов была обеспечена. Однако, по-видимому, такая политика столкнулась с трудностями, которые в 1882 г. вызвали пересмотр позиции правительства.

Оттоманы ожидали, что иммиграция черкесов внесет свой вклад в численный потенциал имперской армии. Им было пожаловано 25-летнее освобождение от военной службы, но

вступление в армию в качестве добровольцев поощрялось. Было сформировано несколько кавалерийских единиц, и многие действительно соглашались служить в Султанских войсках. Армия предоставляла пищу, кров, обмундирование и образ жизни, который для многих черкесов был предпочтительнее, чем крестьянский. Однако через некоторое время эти военные единицы должны были быть распущены из-за неуправляемости иммигрантов, которые сопротивлялись дисциплине и даже убивали некоторых Оттоманских офицеров. Армия пополнилась за счет свободных людей и рабов, которые поступили на военную службу автоматически за свободу. В случае с черкесами правительство скоро убедилось, что такой порядок лишает их большого числа потенциальных солдат».

¹ Е. Р. Толедано. Турецкая работорговля и ее падение в 1840—1890 гг. Нью-Джерси, 1982, с. 17, 173 (на англ. яз.).

ОБРАЩЕНИЕ К АБХАЗСКОМУ НАРОДУ И КО ВСЕМ ДРУГИМ НАРОДНОСТЯМ, НАСЕЛЯЮЩИМ АБХАЗИЮ

Граждане, вам известно, что во время русско-турецкой войны 1877 и 1878 годов большая часть абхазцев выселялась из Абхазии в Турцию благодаря насилиям со стороны русского самодержавного правительства и влияния турецких пропагандистов. Впоследствии небольшая часть этих выселенцев вернулась обратно, но остальные остались там и поныне живут там, в Турции. Число их, по имеющимся сведениям, превышает численность всего абхазского населения Сухумского округа. Причем они представляют в Турции большую культурную силу: из их среды много интеллигенции и государственных деятелей с западно-европейским образованием.

Не раз мы слышали и знаем хорошо, что эти абхазцы не забывают своей родины и своих братьев и имеют всегда тяготение к ним. Даже недавно их представителями было заявлено Грузинскому правительству, что они желают вернуться на родину в Абхазию.

С другой стороны, находящиеся здесь абхазцы на своих съездах и частых собраниях, уездных и окружных, всегда выражали желание и выносили резолюции о том, чтобы абхазцы-махаджиры вернулись обратно на родину. Точно такое же разрешение получал этот вопрос, когда он возбуждался на крестьянских съездах всего населения Сухумского округа, имеющих место после революции 1917 г., а также и в Абхазии и Народном Совете всех созывов, как когда он был чисто национальным, так и тогда, когда он стал — общенародным (последний существующий совет) для всех национальностей, населяющих Абхазию. Правительство и руководящие круги республики Грузии не только имели что-либо против этого, но и даже приветствовали такого рода желание абхазского народа и давали обещания осуществить его при первой возможности путем дипломатических сношений.

Отношение абхазского народа и правительственных властей к махаджирскому вопросу до сих пор остается неизмен-

ным. Но тем не менее вопрос находится до сего времени в стадии первоначального положения. Никем дальше словнического не сделано для практического разрешения вопроса. Хотя бы были предприняты какие-нибудь подготовительные меры. Наоборот, мы видим только, что с каждым днем разными обстоятельствами незаметно затрудняется возможность осуществления в будущем справедливого желания абхазцев.

И вот для постановки махаджирского вопроса на разрешение надлежащими властями и для ведения необходимых подготовительных работ по сему поводу собранием абхазской интеллигенции от 12 июня с. г., состоявшимся в гор. Сухуми, организован Комитет по делам абхазцев-махаджиров в составе следующих лиц: 1) Гр. Мат. Зухбай, 2) Виан. Тар. Анчабадзе, 3) Андр. Макс. Чочуа, 4) Дм. Иос. Гулиа, 5) Дм. Ив. Алания и 6) Мих. Ив. Тарнава.

По мнению Комитета, а также по ясному смыслу всех резолюций, выносившихся на собраниях, съездах и советах по махаджирскому вопросу, разрешение и осуществление последнего должно пройти безболезненно для осуществления населения Абхазии без различия наций, иначе говоря, возвращение и устройство махаджиров в Абхазии не должно ни в каком отношении вредить интересам прочно осевшего элемента населения Абхазии.

Комитет обращается с горячим призывом ко всему населению Абхазии, в особенности же к абхазскому населению, а также ко всем учреждениям и организациям придти на помощь Комитету морально и материально для успешного выполнения возложенных на него великих задач по объединению обиженного русским «царизмом» народа абхазского.

Комитет просит всех сочувствующих жертвовать кто чем может в пользу махаджиров. Комитет считает, что для абхазцев оказание материальной помощи Комитету в его работе является священной их обязанностью.

Пожертвования просим направлять в адрес Комитета в Сухум, а пожертвования из сел и уездов в соответствующие Уездные Земские Управы.

Комитет по делам абхазцев-махаджиров.

«Наше слово», № 135 (598), 24 июня 1920 года.

* * *

Генеральному секретарю ЦК КПСС,
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Происходящие перемены в СССР можно сравнить лишь с теми, что сопровождали взятие Зимнего Дворца русскими революционерами в начале этого века, положив конец одной из самых жестоких и реакционных политических систем — системы царизма, виновного в уничтожении и выселении миллионов людей, в том числе народов северного и северо-западного Кавказа (абхазского, адыгского, дагестанского, кабардинского, осетинского, шапсугского, убыхского, черкесского, чеченского). В результате этого в настоящее время за пределами Родины живут три четверти этих народов, не забывая и не намереваясь бросать свою историческую Родину. Все их попытки вернуться на Родину не увенчались успехом: как при царизме, так и в периоды сталинизма, застоя и бюрократии, когда наш вопрос не был рассмотрен с такой же гуманностью, как и другие справедливые проблемы народов.

Борьба наших предков при покорении Кавказа носила характер защиты национальной самобытности, о чем указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, приводя в пример самоотверженную борьбу народов Кавказа в защиту своей Родины.

С окончанием Кавказской войны и выселением наших предков в мире произошли большие изменения, особенно после победы СССР в Великой Отечественной войне. Несмотря на то, что выходцы с Кавказа живут в одной из самых горячих зон мира и антисоветские силы неустанно пытаются привлечь и эксплуатировать их в своей грязной деятельности, они до сих пор не добились желаемых успехов. Ведь именно Советская власть дала оставшимся на Кавказе нашим братьям права, о которых не могли мечтать при царизме. Были образованы самостоятельные республики — Северокавказская горная советская республика и Советская Социалистическая Республика Абхазия. Однако вскоре после смерти Ленина эти республики были расформированы и создан ряд «микро-

«скопических» национальных единиц. Далее совершенны репрессии и попрания человеческого достоинства при сталинизме оказались более горькими и болезненными. В связи с малочисленностью оставшихся народов и трагичностью их истории, возмещать тысячи лучших партийных и государственных кадров оказалось задачей непомерно трудной.

Более 50 лет мы стараемся установить прочные связи с СССР, но до сих пор эта наша активная деятельность не дала заметных успехов.

Сотни семей подавали документы для возвращения на Родину и получения советского гражданства, тысячи посещали советские консульские представительства с этой же целью или хотя бы получить разрешение посетить Родину. Однако очень мало кому посчастливилось осуществить эту мечту за эти долгие годы. Тысячи добрых людей забрали с собой эти мечты в могилу.

Мы не хотим ворошить прошлое и охотиться за ошибками. Но болезненные факты вынуждены указать ради восторжествования истины. Нельзя не отметить, что некоторые наши соотечественники чуть не потеряли надежду на возможность возвращения на свою историческую Родину из-за позиции тех бюрократов в СССР и на разных уровнях, которые мешали и продолжают мешать нам осуществить наши мечты.

Мы глубоко убеждены в том, что это положение не может продолжаться в условиях происходящих революционных перемен на нашей Родине, возвращающих вопросы справедливости и гуманизма к своим революционным началам, и создали внутреннюю разрядку в СССР, от которых ожидается положительное отражение на судьбу всего человечества.

С первого дня своего основания СССР является оплотом и надеждой всех угнетенных народов. Поскольку мы являемся жертвой заговоров колониальных сил, у нас нет сил, на которые можно надеяться для достижения своих прав, кроме Советского Союза, даже если бы этот вопрос не коснулся его. А как же если он в корне связан с исправлением исторической ошибки царизма, в противоположность которому образовался СССР?

Вместе с тем, нам глубоко импонирует то, что принципы демократии, свободы и справедливости лежат в основе перестройки. Это вдохновляет наши надежды на приближение решения нашей проблемы в рамках прав человека, среди которых естественное и священное право каждого жела-

ющего вернуться на Родину и жить на ней мирно в большой семье братских народов СССР.

С укреплением международной разрядки впервые после второй мировой войны человечество стало чувствовать, что живет на менее взрывоопасной планете. Все это благодаря разумной политике СССР. В рамках этой политики все больше горячие проблемы в мире находят решения. Открываются возможности тратить миллиарды на благо человека вместо милитаризации.

При таком обстоятельстве дел в СССР и на международной арене в конце XX века ничто не оправдывает перенос решения нашего вопроса в XXI век без его разрешения, из-за близорукости некоторых бюрократов, когда он полностью в руках Советского Союза.

Нам представляется честь обратиться к Вам от имени кавказской общины в Сирии со следующим:

1. Рассмотреть наш вопрос на Пленуме ЦК КПСС, посвященном межнациональным отношениям, и принять официальный документ соответствующим государственным органам СССР, признающий и подтверждающий наше право вернуться на Родину в СССР.

2. Указать Советским консульским представительствам принять документы желающих вернуться на Родину в рамках этого права.

3. Облегчить процедуру возвращения, ликвидировав прежние бюрократические принципы.

4. Упростить процедуры для посещения Родины для каждого желающего.

В заключении, примите от нас, представителей большинства кавказской общины в Сирии, сердечные пожелания успехов в революционной перестройке Советского общества.

С уважением.

Дамаск, 27.02.1989 г.

Подписи:

НЕПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТУРЦИИ

1. Абгадж (Абгацъ)	5. Барцыц
2. Абгаджаа (Абгацъ, Абга-
цаа)	6. Барчыа
3. Абухса (Абыкуба)	7. Бганба
4. Аендзба (Аѳзба) — св. 150
дворов	7. ^а Бягуаа
5. Авхаа (Аѳхаа)	8. Бутба (Бытба)
6. Агрба	9. Быдж (Быцъ, Быцъаа)
7. Агумаа	1. Ванача (Уанаѳа)
8. Адарымба	1. Габлиа
8. ^а Адзба (Азба)	2. Габиа
9. Адзинба (Азынба)	3. Габниа, Гыбниа (Гыбниаа)
10. Акаба	4. Гечба (Гъач, Гъачба, Гъачаа)
11. Акусба (Акусба, Кусаа)	5. Гиндна (Гынднаа)
12. Акушба (Акушба) — около
7 тыс. в р-не Хендека	6. Гогуа
13. Акшба	7. Гонджуа (Гонцъуа)
14. Амчба (Амчба)	8. Губаз
15. Аргун	9. Гунба
16. Арсиа	10. Гыбриа (Гыбриаа)
17. Арюта (Арыѳтаа)	1. Дбар
18. Атейба (Атеиба)	2. Джарданиа (Цъарданиа)
19. Аублаа (Аублаа)	2. ^а Джергениа (Цъергениа)
20. Ахба	3. Джурт (Цъурт, Цъуртаа)
21. Ацвиба, Ацвейба (Ацэейба-
куа)	4. Дзымба, Дзымиба (Зымба)
22. Ачба	5. Допуа (Дапоуаа)
23. Ашуба (Ашэба)	1. Джапш (Цъацъшь)
24. Ашхараа (Ашьхараа)	2. Джакониа (Цъакониа)
1. Багапш (Багацъшь)	1. Ебжноу (Ебжьноу)
2. Багателна (Бақатална)	2. Егусба
3. Багба (Багба)	1. Жиба (Жьиба)
4. Бадна, Бедна	1. Званба (Ажэанба, Жэанаа)

1. Инал-ипа (Инал-ипа)

2. Инапха (Инапха)

1. Капба (Капба) — св. 200 дворов

2. Капш (Капш)

3. Квадзба (Куазба, Куазба-раа) — очень много

4. Квициниа (Кутцниаа)

5. Кобахиа

6. Куджба (Куцба, Куцаа)

7. Купалба

8. Куруа (Куруа)

1. Лагулаа

2. Лазба

3. Лакоба (Лакоба, Лакуараа)

4. Лапшба (Лапшба, Лапшбаа)

5. Ломиа (Ламиаа)

6. Лоу (Лоуаа)¹

1. Маан, Маргания

2. Маршан (Маршан)

3. Мканба (Мканба)

4. Мкуаб (Мкуаб, Мкуабаа)

5. Мукба (Мыкуба)

6. Мыд (Мыдраа)

1. Наяба

2. Накопиа (Накуапниаа)

1. Палба — св. 40 дворов

2. Папба

3. Парчалиа (Парчалиа)

4. Пасаниа

1. Сабуа

2. Сагариа (Сагариа)

3. Саканиа (Саганиа)

4. Смыр

1. Тарба (Тарба)

2. Таскуач (Тыскуачаа)

3. Трам (Трам, Трамаа)

4. Тванба (Тэанба)

5. Тыква (Тыкуа)

1. Хагба (Хагба, Хагаа)

2. Халбад (Халбад)

3. Хараниа (Хараниа)

4. Хэатыш (Хэатыш)

5. Хециа (Хециа, Хэацааа)

6. Хуазшхуа (Хуазшхуа)

7. Хышба

1. Царгуш

2. Цвацва, Цвацваба (Цэацэа, Цэацэаба)

3. Цвижба (Цэцэба)

4. Цвышба (Цышба)

5. Цейба

6. Цыгуба (Цгуаа)

1. Чаабал

2. Чанба (Чанба)

3. Чкотуа (Чкотуа)

4. Чкуаниа (Чкуаниаа)

5. Чичба (Чычба, Ччаа, Чычакуа)

1. Шакрыл (Шьякрыл)

2. Шамба

3. Шымк, Шамкы (Шьямкы, Шьямкраа)

4. Шарбалиа (Шьярбалынаа)

5. Шармат (Шармат)

6. Шинкуба (Шьянкуба)

1. Эшба (Ешба, Иашаа)

В данный перечень не вошли, конечно, фамилии патронимического образования: «дети» (потомки) такого-то реального или легендарного предка, например, «потомки (досл. «сыновья») Куаблыху» (Куаблыху-ипацаа), «сыновья Чыма» (Чым-ипацаа) и т. д.

¹ Патронимическая ветвь княжеского рода Ачба.

хотя такие названия родственных групп по личному имени дальнего или близкого предка сохраняются еще по традиции среди турецких абхазов, так сказать, для внутреннего пользования.

В расселении некоторых фамильно-родственных групп наблюдается определенная компактность. Например, многие потомки выходцев из Дала и Цебельды живут в районе Эскишехир—Биленджик, ахчипсуйцы — в деревнях вокруг Дюздже, много абхазов встречается на Измитском побережье, в местности, которую абхазы называют Котловиной (Агуаџа), а абазин (Ашэны икутцыз аџсуаа), как говорят, больше всего в области Кайсери и Узуннайла и т. д.

Вместе с тем, в составе указанных фамильных имен немало таких, которые в самой Абхазии уже не встречаются или стали чрезвычайной редкостью (например, Аублаа, Акушба, Арютаа, Авхаа, Адарымба, Быдж, Гечба, Дзымба, Джурт, Джапы, Лапшба, Лоу, Мыд, Хуазшхуа, Шарбалиа, Шымк, Цыхьчы, Цвацваба и др.).

Экономист Циба Цвижба, которая в феврале 1990 года была приглашена родственниками в Турцию, в течение месяца в г. Ада-пазар и близлежащих деревнях собрала большой ономастический материал. Этот материал в виде списка фамилий «Абхазов, живущих в Турции» она по возвращении на родину опубликовала в абхазской газете «Апсны капш» от 7 апреля 1990 года в количестве 217 фамилий с указанием мест их проживания. В этом списке мы также находим ряд абхазских фамилий, которые в настоящее время в самой Абхазии уже не встречаются. Например: Абашьяа, Абдлаа, Авпатаа, Адарымба, Адухумаа, Айкусба, Амазаховы, Амгьал-ипа, Айныкуаа, Аанаа, Арапаа (Араџаа), Ариндаа, Асыкутараа, Ауасцаа (Ауастцаа), Атыршба, Аурысаа, Аублаа, Ахылпахцвакв (Ахылпахтэакуа), Цанба, Ацвимцаа (Ацэымцаа), Ачуаа, Ашвашаа (Ашэашаа), Ашвейба (Ашэеиба), Ашвымхуаа (Ашэымхуаа), Бажвба (Бажэаа), Бедиаа, Бышныхуаа, Брыскылаа, Гечаа, Кадзаа (Казаа), Кутыблаа, Лапшаа (Лаџшьаа), Нашаа, Самахуаа, Схваныкв (Схэаныкуаа), Гентуаа (Гьентуаа) и многие другие.

Таким образом, как указывалось, в памяти зарубежных абхазов отчетливо сохраняются представления о традиционной фамильно-родовой и племенной принадлежности каждого из них, хотя это и не находит отражения в официальных юридических и прочих документах.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАРУБЕЖНЫХ ДЕЯТЕЛЯХ АБХАЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Несмотря на неблагоприятные условия жизни и труда «под чужим небом», среди турецких и арабских абхазов, как и других кавказских выходцев, в разное время выдвинулось, в силу различных обстоятельств личного и другого характера, немало видных культурных, общественно-политических, государственных и военных деятелей, в основном из числа переселенческой верхушки. Об этом имеются сведения в работах С. П. Басария, Г. А. Дзидзария и др. Много интересного в этом отношении рассказывали нам О. Бегуа и другие турецкие абхазы старшего поколения. О. Бегуа даже издал на турецком 60 биографий наиболее выдающихся из них. Не имея возможности широко осветить этот вопрос, ограничимся краткими характеристиками лишь некоторых деятелей абхазского происхождения (живших в основном во второй половине XIX — нач. XX вв.).

* * *

Абаза Гасан-паша, более известный под именем **Абаза-паши**, — один из виднейших политических и военных деятелей Турции абхазского княжеского происхождения первой половины XVII века. Он вращался во дворе султана, потом сделался высокопоставленным чиновником, ведавшим финансами и сбором податей Диарбекира, правителем Мараша и Эрзерума. В 1623 году он поднял восстание против янычар — представителей деспотического османского правительства и султана Мурада IV. В августе 1634 года он был убит. Армянский историк Симеон Лехацци называет его «некто из племени абазов». Комментируя это место, М. О. Дарбинян пишет: «Абаза, родом абхаз, в прошлом участник одного из джалалийских мятежей. Избежал смерти благодаря посредничеству капитан-паши Халила, который, став великим везиром, назначил Абазу правителем Мараша. С января 1622 г. Абаза стал правителем Эрзерума. Мятеж, поднятый Абаза в 1623 г. против центральной власти, был одним из проявлений центробежных устремлений турецкой феодальной знати»¹.

¹ Симеон Лехацци. Путевые заметки. Перевод с армянского, предисловие и комментарии М. О. Дарбинян. М., 1965, с. 297.

Абаза-паша был образованным человеком, наделенным поэтическим даром. В одном из его четверостиший говорится, что «он восстал с целью отомстить султану Осман-хану», что «мечтает пойти на Стамбул «наладить» престол Османа и быть визиром султана Мурада», «если умру после этого, — говорит он, — нет горя для меня». Другое четверостишие указывает на то, что бог дал ему знамение о необходимости восстания и разгрома янычаров»².

Восстание Абаза-паши приняло такие угрожающие размеры, что правительству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. «В этих условиях великий визир Халил-паша, прервав персидский поход, со всеми своими войсками двинулся на Абаза-пашу; в этом походе участвовал также один из эмиров Грузии, «диди моурави» — Георгий Саакадзе³.

Хотя султан Мурад IV (1623—1640) и казнил под давлением знати Абаза-пашу, но похоронил его с великими почестями, воздвигнув ему величественную гробницу в Эрзеруме. «И весь город, и вся страна, — отмечает Гр. Даранагци, — которые увидели и которые слышали изумившись, удивились великим удивлением, ибо никогда не видели и никогда не слыхали от древних мужей и не читали в книгах, чтобы султан соорудил такую гробницу над могилой кого-либо, происходящего не из рода его... а (над могилой) некоего чужого князя из слуг его». «Вся страна не поверила, что Абаза убит, говорили: «Он жив до нынешнего времени».

Этим султан выразил признание заслуг Абазы, спасшего ему жизнь и мстившего янычарам за убийство его брата»⁴.

Описывая неприступность крепости Каменец Евл. Челеби указывает: «Даже сам Абаза-паша, в бытность свою вали Очакова, семьдесят семь дней осаждал крепость, но, не достигнув успеха, бесславно возвратился в Силистру»⁵.

А вот что еще пишет Евл. Челеби: «В эти дни Мелек Ахмед-паша затмил (своей щедростью) Хатима Тайн и Джафара Бермеки. Весь народ стал говорить о Мелеке Ахмед-паше: «Пожалуй, у племени абазин (прежде) не видно было такой щедрости». Между тем Мелек Ахмед-паша вовсе не происходил из страны абазин. Он родился в Стамбуле, в Топхане. Его отец и мать (действительно) были абазины и шестилетнего Мелека с матерью и кормилицей отправили в абазинскую землю, чтобы он усвоил обычаи аба-

² С. А. Мамедов. Восстание Абаза-паши по армянским источникам. «Историко-филологический журнал», Ереван, 4, 1977, с. 216.

³ А. Рахмани. Тадих и алам-арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960, сс. 120, 127; С. А. Мамедов. Указ. соч., с. 219.

⁴ С. А. Мамедов. Указ. соч., с. 225.

⁵ Евл. Челеби. Книга путешествий. Вып. I. М., 1961, с. 54.

зинского племени. Там он и достиг четырнадцатилетнего возраста. В то время моя родительница, которая была дочерью его (Мелека) тетки, прибыла в обитель благоденствия (Стамбул), и Мелек вместе с нашей родительницей был представлен султану Ахмеду. Султан Ахмед-хан, увидев Мелека, сказал: «Всеведущий Аллах, сей юноша — (воистину) Мелек»⁶, — и он пожаловал этого Мелека евнуху Бююк Мустафа-аге, а нашу родительницу — нашему отцу, старшине цеха золотых дел мастеров Порога Счастья Дервишу Мехмеду Зилли-аге. От него и появился на свет я, ничтожный. Вот основание нашего с Мелеком родства»⁷.

Словом, Евл. Челеби был сыном абхазки — тетки Мелек Ахмед-паши (отец его был турок).

Ачба — художник, произведения которого, по С. П. Басария, были известны не только в Турции, но и в Америке и Греции, где они с успехом выставлялись в 1918 году.

Барциц — его С. П. Басария также характеризует как «европейски образованного знатока парламентского дела». Барциц был родом из бзыбских абхазов.

Бутба Мустафа Шаханович — первый абхазский профессор, родом из Цебельды, вел большую просветительную работу среди абхазских махаджиров, в 1919 году создал для них азбуку (не получившую, правда, практического применения), а в следующем году, как мы уже знаем, приезжал в Абхазию, побывал и в других местах Кавказа по махаджирским делам, встречался с представителями абхазской общественности, в том числе Д. И. Гулна, который посвятил его приезду специальную статью в газете «Апсны».

Мкер-Ипа (Мекер-Ипа, Мекер) Азизбей — по происхождению абазин, до 1919 года был профессором сельскохозяйственного института в Стамбуле, затем представитель Анкарского правительства в Москве, автор научных трудов по истории Кавказа и махаджирства.

Кобаш Рушты (Бганба) — один из активных участников антиимпериалистической борьбы турецкого народа, в 1921 году решительно выступал против переселения части абхазских махаджиров в Грецию⁸.

Тосунбей Хусейн — европейски образованный политический деятель, один из инициаторов революции, выходец из Очамчыры. Был президентом абхазо-черкесского парламента (меджлиса), созданного для противодействия грубой ассимиляторской политике турецких властей, члены которого были Абдул Гамидом частью переве-

⁶ Здесь игра слов: мелек означает «ангел».

⁷ Евл. Челеби. Указ. соч., с. 99.

⁸ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 497.

шаны, а частью сосланы в Триполитанскую пустынь (в том числе и Хусейн, проведенный там 11 лет); такой парламент вновь был открыт после Турецкой революции, но тоже вскоре фактически прекратил свое существование.

Абук Ахмед-паша — по характеристике С. П. Басария, «знаменитый генерал-кавалерист».

Басарь Назим-паша (1882—1913) — командующий турецкой армией в период Балканской войны 1911—1912 гг., одновременно был также военным министром, губернатором города Багдада и т. д.

Гогуа-паша — по словам С. П. Басария, «одно время он был турецким посланником в Петербурге» (родом из Абжуйской Абхазии)⁹.

Мухамед-паша — предводитель морского совета, сенатор, по фамилии Ашхаруа, предки которого были выходцами из района Гагра.

Осман-паша — по словам С. П. Басария, «возносимый европейскими специалистами наравне с Наполеоном..., абхазского происхождения».

Рауфбей Хусейн (Ашхаруа), или Рауф Орбай, — сын сенатора Мухамед-паши, родившийся в 1881 году, один из самых ближайших соратников Ататюрка, в одно время (1922—1923) занимал пост главы турецкого правительства, исполнял также обязанности министра иностранных дел, недолго состоял министром по морским делам (морское образование получил в Англии), 30 октября 1918 года подписал Мадрасское перемирие, был послом Турции в Лондоне, впоследствии (с 1924 г.) стал одним из лидеров антикемалистской оппозиции.

Сабахаддин Мехмед — его называли «принцем» — политический деятель, мыслитель, публицист, оратор и крупный социолог Турции конца XIX — нач. XX вв., по происхождению из фамилии Квацба (р. 1877).

Сулейман-паша (Чачба) (1838—1881) — генерал, командующий Дунайской армией, состоял также профессором литературы и директором военной школы в Стамбуле.

Февзи-паша (Чакмак, род. 1858) — начальник штаба Ангорской (Анкарской) армии, был также военным министром, после победы над греками произведен в маршалы, а затем — бессменный начальник генерального штаба.

Хайрадин ат-Туниси (1825—1890) — был главой правительства и реформатором Туниса, а в конце 70-х годов Османской империи

⁹ С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 26.

(великим визиром), автором первой тунисской конституции и трактата о политическом устройстве ряда европейских стран (родом из Бзыбской Абхазии).

Хуршит-паша — морской министр¹⁰.

Хюсрев-паша Махмед — видный турецкий государственный деятель; происходил из абхазских рабов, воспитывался в султанском дворе, с 1792 года — дворецкий (кяхья) капудан-паши Кючюк Хусейна; в 1800 г. сопровождал турецкий флот в Египет под командой Кючюк Хусейна, который назначил его сперва комендантом Александрии, а затем и пашой Египта; в 1804 г. выслан из Египта Мехмедом Али-пашой, после этого занимал ряд губернаторских постов в различных провинциях Турции; дважды (в 1812—1817 и в 1822—1827) был капудан-пашой; в 1827—1836 гг. — военный министр, в 1838—1840 гг. — великий визир; на последнем посту руководил военными действиями против своего старого противника, египетского паши Мехмеда Али, добивавшегося независимости. Умер в 1854 году¹¹.

¹⁰ Более подробные сведения о зарубежных абхазских деятелях см.: С. П. Басария. Указ, соч., с. 26 и др.; Г. А. Дзидзария. Указ, соч., с. 493—497 и др.

¹¹ А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар, М.—Л., 1947, с. 199, 239.

СПИСОК

МАМЛЮКОВ «ЧЕРКЕССКОЙ ДИНАСТИИ» (БУРДЖИ):

1. Захир Сайф ад-дин Баркук	• • • • •	1382—1399
2. Насир Насир ад-дин Фарадж	• • • • •	1399—1405
3. Мансур Изз ад-дин абу-л- Азиз	• • • • •	1405—1406
4. Насир Фарадж (вторично)	• • • • •	1406—1412
5. Адиль Мустайн (аббасидский халиф)	• • • • •	1412
6. Муаййад Шейх	• • • • •	1412—1421
7. Музаффар Ахмед	• • • • •	1421
8. Захир Сайф ад-дин Татар	• • • • •	1421
9. Салих Насир ад-дин Мухаммед	• • • • •	1421—1422
10. Ашраф Сайф ад-дин Барсбей	• • • • •	1422—1438
11. Азиз Джамаль ад-дин Иусуф	• • • • •	1438
12. Захир Сайф ад-дин Чакмак	• • • • •	1438—1453
13. Мансур Фахр ад-дин Осман	• • • • •	1453
14. Ашраф Сайф ад-дин Инал	• • • • •	1453—1461
15. Муаййад Шихаб ад-дин Ахмед	• • • • •	1461
16. Захир Сайф ад-дин Хушкадам	• • • • •	1461—1467
17. Захир Сайф ад-дин Бильбей	• • • • •	1467
18. Захир Тимурбуга	• • • • •	1467—1468
19. Ашраф Сайф ад-дин Каитбей	• • • • •	1468—1496
20. Насир Мухаммед	• • • • •	1496—1498
21. Захир Консух	• • • • •	1498—1499
22. Ашраф Джанбалат	• • • • •	1499—1501
23. Ашраф Консух Гури	• • • • •	1501—1516
24. Ашраф Туманбей ¹	• • • • •	1516—1517

¹ Л. А. Семенова. Салах ад-дин и мамлюки в Египте, М., 1966, с. 189.

افرادلين

باغرات شينكوبا روايه قفقاسيه

• Баграт Шынкуба

Ацынцэарах

Титульный лист романа Б. Шинкуба «Последний из ушедших», изданный в Сирии (1989 г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводные заметки	3
I. ЗА МОРЕМ	18
1. Из политической и культурной жизни заморских абхазов	18
2. Количество и расселение	33
3. Хозяйственные занятия	45
4. Жилище, одежда, пища	51
5. Брак и семья	55
6. О родовом составе абхазского населения Турции	58
7. Язык и фольклор	59
8. Религия	72
9. Национальное самосознание	74
II. В АРАБСКОМ МИРЕ	78
1. В стране Шам	78
2. На «священной земле»	94
3. В Мсыре, что на Ниле	96
III. НА БАЛКАНАХ	104
1. «Наши взоры обращены к Абхазии»	104
2. «Готовность помочь в беде»	107
3. В центре Европы	110
IV. У БЕРЕГОВ АТЛАНТИКИ	113
Приложения	118

Шалуа Денис-иџа Инал-иџа
АХԶԱԱՆԻՐԸԺԵԻ ԱԻՏՄԱԱ
(აძოურыхტა-ეთნოგრაფიათა ეტიუდკუა)
Урысшәала

შალვა დენისის ძე ინალ-იფა
უცხოელი აზნაზები
(ისტორიულ-ეთნოგრაფიული ეტიუდები)
რუსულ ენაზე

Шалва Денисович Инал-ипа
ЗАРУБЕЖНЫЕ АБХАЗЫ
(историко-этнографические этюды)

Рецензент доктор исторических наук
Б. Е. Сагара

Б/О

Редактор А. А. Авидзба. Оформление Л. И. Евменова,
Художественный редактор П. Г. Цквитария, Технический
редактор Л. И. Евменов, Корректоры А. А. Мхитарян,
Ж. И. Гублиа,

Сдано в произв. 5.07.1990 г. Подп. в печ. 17.10.1990 г.
Формат 84 x 108^{1/32}. Типогр. бум. № 2. Физ. печ. л. 4,38,
Усл. печ. л. 7,36. Усл. кр.-отг. 7,51. Уч.-изд. л. 5,81,
Заказ 4231. Тираж 2 000. Цена 1 руб.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. В. И. Ленина,
Управление по печати
при Совете Министров Абхазской АССР
Сухуми, ул. Эшба, 168,

Некоторые тамги зарубежных абхазов
(В осн. по мат. Н.Тарба.)

Тамга абхазского дворянского
рода Маан

Тамга рода Трам

Кабардинская тамга¹

Тамга рода Казанба²

1. Зарисовка представительницы фамилии Маан — матери сирийского абхаза Бурхана Трам.

2. Зарисовка американского абхаза сирийского происхождения Ахьи Казанба, сделанная во время его пребывания в Сухуми летом 1989г.

